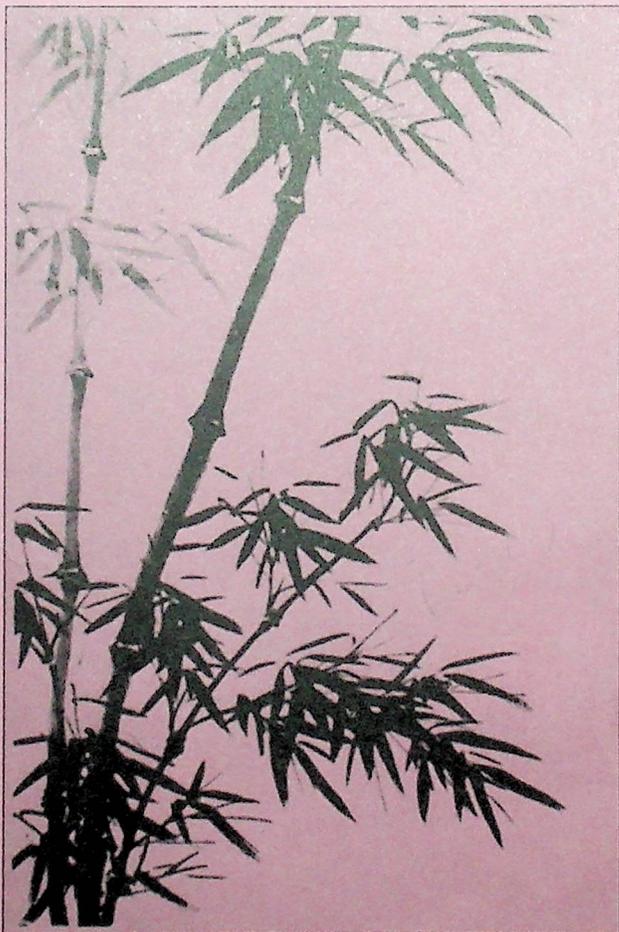

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ISSN 0131-2812

1/2001

Визит В.В.Путина в Монголию

Демографические проблемы Китая

Азиатские "тигры":
осмысление опыта

Китайские политологи
об "эпохе Ельцина"

Неизвестная речь Сталина о Китае

3-4 жкз

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

1/2001

Январь - Февраль

Учредители: Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Научный и общественно-политический
журнал, выходит шесть раз в год на
русском и английском языках

Издается с марта 1972 года

А. Григорьев. На рубеже эпох.....6

ДОКУМЕНТЫ

Улан-Баторская декларация.....10

ПОЛИТИКА

Л. Моисеев. Россия и Монголия становятся ближе друг к другу.....15

*Мунэо Судзуки. Процесс углубления взаимопонимания создает
базу для новых японо-российских отношений*.....20

С. Гончаренко. Саммит АТЭС в Брунее.....26

*В. Федотов. Формирование диалоговых механизмов в сфере бе-
зопасности в АТР: позиция США*.....37

*А. Бэттлер. Биполярность: призрак или реальность? (К обсуж-
дению статьи А. Яковлева)*.....44

НАШИ РЕФЕРАТЫ

В. Барышников. Китайские политологи об "эпохе Ельцина".....50

*А. Болятко. "Белая книга" о национальной обороне Китая в 2000
году*.....60

ЭКОНОМИКА

*П. Мозиас. Проблемы развития азиатских НИС в зеркале зару-
бежной экономической науки*.....70

3-я АКЗ

<i>Ван Лолинь, Пэй Чжанхун, Лу Шэнлян. Иностранные инвестиции в Китае: структура, динамика и тенденции развития</i>	85
<i>Я.Бергер. Планирование семьи в Китае: итоги и перспективы</i>	100
<i>Э.Пивоварова. Социальное измерение экономической реформы в КНР</i>	114
<i>Хоу Вэньжо. Реформа системы социального обеспечения в Китае. Комментарий Е.Селивановой</i>	119
<i>И.Богдан. Проблемы и перспективы расширения российско-южнокорейских экономических отношений (окончание)</i>	129
<i>Ли Чжэ Ен. Изменения в характере экономических отношений между Северной Кореей и Россией и некоторые предложения для Южной Кореи</i>	140

ДОКУМЕНТЫ, АРХИВЫ

<i>Не публиковавшаяся речь И.В.Сталина о Китае (Вступительная статья А.Григорьева, публикация и комментарии А.Картуновой)</i>	149
---	-----

РУССКИЕ В КИТАЕ

<i>С.Якимова. Русская дальневосточная эмиграция и ее вклад в сближение культур Запада и Востока</i>	160
---	-----

РЕЛИГИЯ

<i>В.Кузнецов. Политика в отношении религии в КНР</i>	165
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Присуждение ученой степени доктора наук honoris causa видным ученым КНР</i>	177
<i>Н.Иванова. Научная конференция Центра исторических и политических исследований Китая</i>	177

РЕЦЕНЗИИ

<i>В.Мясников. Попова И.Ф. Политическая практика и идеология раннетанского Китая</i>	179
<i>О.Рахманин, Ю. Песков. Русско-китайские отношения в XX веке. Материалы и документы</i>	183
<i>В.Ткаченко. Ли Вл.Ф. Россия и Корея в геополитике евразийского Востока (XX век)</i>	187

Главный редактор А.М. Григорьев

Редакционная коллегия

Р.М. Асланов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, Ю.М. Гарушянц, В.И. Глунин, Л.М. Гудошников, В.Л. Ларин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов, П.А. Минакир, В.В. Михеев, С.Н. Морозов (первый зам. главного редактора), В.С. Мясников, В.Н. Павлятенко, А.Н. Панов Л.С. Переломов, И.А. Рогачев, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.П. Ткаченко

Статьи этого номера

Л.Моисеев. Россия и Монголия становятся ближе друг к другу

В статье отмечается позитивный поворот в развитии российско-монгольских отношений, которые в 90-х годах претерпевали заметный спад во всех сферах - политической, экономической, военной. В частности, взаимная торговля с конца 80-х гг. до 1999 г. сократилась с 800-900 млн. долл. до 183 млн. В результате усилий руководства обеих стран в истекшем году негативная тенденция в российско-монгольских отношениях в целом преодолена. Кульминацией этого процесса явился официальный визит в Монголию президента РФ В.В.Путина (13-14 ноября 2000 г.). Переговоры и подписанные в ходе визита документы, по мнению автора, заложили хорошую основу для дальнейшего стабильного и всестороннего развития отношений между двумя государствами.

Мунэо Судзуки. Процесс углубления взаимопонимания создает базу для новых японо-российских отношений

Мунэо Судзуки относится к группе японских политиков, которые считают, что некоторые проблемы демаркации российско-японской границы не должны тормозить процесс всестороннего расширения и углубления двусторонних отношений. Хотя в позиции автора нет ничего нового с точки зрения количественного состава оспариваемых японской стороной островов, тем не менее заметно его стремление найти новые формы решения проблемы с позиций взаимоприемлемости и взаимного уважения.

С.Гончаренко. Саммит в Брунее

Саммит АТЭС в Брунее стал восьмой по счету неформальной встречей лидеров форума АТЭС. Анализируемые в статье итоговые документы саммита - Декларация лидеров и Совместное заявление министров иностранных дел и торговли - отражают основные составляющие сотрудничества участников форума. В статье рассказывается об участии в саммите российской делегации, которую впервые возглавлял Президент РФ.

В.Федотов. Формирование диалоговых механизмов в сфере безопасности в АТР: позиция США

В статье рассматриваются основные вехи процесса выработки в США после окончания "холодной войны" в целом более позитивного отношения к диалоговым механизмам в сфере безопасности в АТР в рамках оборонной стратегии США. Тем не менее, краеугольным камнем политики США в АТР остается военно-политическая система, оформившаяся еще в годы "холодной войны": опора на американские вооруженные силы передового развертывания и военные союзы. США не допустили ослабления своего присутствия в АТР, которое обосновывается теперь необходимостью обеспечения американских экономических интересов. Автор считает, что США видят в диалоговых механизмах в АТР дополнительные средства для реализации своих стратегических целей, закрепления и усиления американского доминирования в регионе путем нейтрализации стремления других стран сыграть более самостоятельную роль

в решении проблем безопасности в АТР. Вместе с тем, несмотря на исходную гегемонистскую мотивацию США, у них и у России в практическом плане имеется довольно широкий спектр совпадающих целей и подходов (борьба против распространения оружия массового уничтожения, оборонная транспарентность, экономическая безопасность).

П.Мозиас. Проблемы развития азиатских НИС в зеркале зарубежной экономической науки

В статье прослеживается эволюция основных концептуальных подходов по проблемам азиатского новоиндустриализма ("теории зависимости", неоклассики, концепции "государства развития"), представленных в зарубежной литературе. Все эти концепции, как считает автор, так или иначе акцентируют внимание на определяющей роли, которую сыграла в быстром прогрессе азиатских НИС политика государства как субъекта экономического развития.

Ван Лолинь, Пэй Чжанхун, Лу Шэнлянь. Иностраннные инвестиции в Китае: структура, динамика и тенденции развития

Китай занимает второе место в мире, после США, по объему фактически использованных прямых иностранных инвестиций. Только с 1979 по 1996 год привлечено инвестиций на сумму 177,2 млрд. ам. долл. В последующие годы размер инвестиций возрастал.

В статье показаны структура инвестиций, их влияние на развитие рыночных отношений, экономики КНР в целом, сбывшиеся и не сбывшиеся ожидания.

Я. Бергер. Планирование семьи в Китае: итоги и перспективы

Демографическая политика руководителей государства, испытав резкие колебания в первые два десятилетия существования КНР, с начала 70-х годов твердо нацелена на сокращение рождаемости. Последовательное осуществление этого курса вкупе с успехами, достигнутыми в социально-экономическом развитии страны, способствовало существенному сокращению темпов роста народонаселения Китая и тем самым значительно сократило финансово-экономическое бремя государства. За это, однако, пришлось заплатить немалую социальную цену, которая выражается в прогрессирующем старении населения, в сокращении численности населения в рабочем возрасте и в углубляющемся дисбалансе полов.

Несмотря на указанные серьезные проблемы, требующие своего разрешения, большинство китайских демографов, исходя прежде всего из существования объективных пределов роста народонаселения в Китае, выступают за продолжение государственной политики эффективного ограничения рождаемости, хотя с внесением в нее определенных модификаций.

Э.Пивоварова. Социальное измерение экономической реформы в КНР

Характерной особенностью экономических реформ в Китае, считает автор, является формула: "во-первых, накормить народ; во-вторых, строить", принятая с самого их начала. Учитывая, что финансовые и материально-технические ресурсы государство было вынуждено направлять прежде всего на грандиозную программу модернизации, социальные проблемы решались преимущественно за счет предоставления трудящимся большей свободы в распоряжении результатами своего труда и возможности заниматься самостоятельной предпринимательской деятельностью.

Автор отмечает такую сторону в подходе Китая к решению социальных проблем, как постепенность и последовательность - восхождение от решения самых острых проблем (накормить и одеть народ) к задачам улучшения каче-

ства жизни (достаток, улучшение жилищных и транспортных условий, разнообразие услуг, повышение уровня образования и медицинского обслуживания, укрепление духовной культуры и т.п.), что позволило сохранить социальные завоевания прошлого.

Хоу Вэньжо. Реформа социального обеспечения в Китае

В статье рассматриваются формы и методы выработанной в ходе реформ системы социального обеспечения в стране. К 1999 г. она включала пенсионное страхование (сочетание "общественных" и "личных" счетов), страхование медицинского обслуживания, производственных травм, материнства и детства, безработицы. Автор считает, что схема социальных гарантий в Китае соответствует требованиям Международной организации труда и весьма схожа с системой, принятой в Англии и Германии. Особенно подробно рассмотрена в статье реформа пенсионного страхования.

В своем комментарии к статье китайского профессора Е.Ф.Селиванова привлекает внимание к четырем уровням социального обеспечения в Китае. В частности, самый низкий (первый) уровень - социальная помощь, точкой отсчета для которой является прожиточный минимум, дифференцированный по городам. В 1996 г. в Пекине он составлял 200 юаней, а в 1999 г. - 250 юаней (примерно 30,5 ам. долл.) на одного члена семьи. Если среднемесячный доход на одного члена семьи меньше этого минимума, семья имеет право рассчитывать на оказание ей социальной помощи.

Ли Чжэ Ен. Изменения в характере экономических отношений между Северной Кореей и Россией и некоторые предложения для Южной Кореи.

Профессор-экономист из Южной Кореи через призму интересов РК рассматривает возможные варианты экономического сотрудничества РК - РФ - КНДР. Автор считает, что сотрудничество это может получить позитивное развитие по мере углубления отношений РФ с КНДР, а также в случае позитивного развития межкорейских отношений после июньского (2000 г.) саммита в Пхеньяне. Экономическое сотрудничество трех стран в свою очередь будет содействовать развитию политического диалога Южной и Северной Кореи и обеспечит более активную роль России в политических процессах на Корейском полуострове.

В.Кузнецов. Политика в отношении религии в КНР.

В статье рассматриваются проблемы, которые встали перед руководством КНР в области регулирования деятельности религиозных конфессий после "десятилетия смуты" 1966-1976 гг. Автор считает, что политика КНР, с одной стороны исходит из установки на постепенное исчезновение религии в ходе развития социалистического общества, а с другой - является реакцией властей на "религиозный ренессанс" в стране, начавшийся в 80-е годы. На материале законодательных и подзаконных актов, призванных упорядочить активность религиозных общин показываются особенности курса в отношении религии: строгое разграничение собственно "религий", имеющих официальные признанные и контролируемые государством руководящие структуры, и так наз. "вредных культов", деятельность которых решительно пресекается. По мнению автора, репрессивные меры, принимаемые властями в отношении последних, зачастую имеют целью противодействовать попыткам активизации вмешательства извне во внутренние дела страны.

На рубеже эпох

Крупные временные рубежи, вольно или невольно, побуждают к подведению итогов и раздумьям о будущем. Нынешний рубеж для нашей страны во многих отношениях особый: на рубеже 2-го и 3-го тысячелетий завершается десятилетие крутых перемен во всех сферах ее жизни, завершается "эпоха Ельцина", изменившая геополитическое положение "правопреемницы СССР" - России, условия жизни всех проживающих в ней народов и слоев населения. Изменилось положение науки, ее различных, больших и малых исследовательских "команд" и органов их печати.

Что удалось из намеченного сделать "команде ПДВ" — редакции журнала РАН и Института Дальнего Востока РАН за истекшее время?

В целом мы выполнили те задачи, которые Ученый совет ИДВ ставил перед редколлегией и редакцией журнала.

Журнал продолжил и углубил освещение различных аспектов международных отношений на Дальнем Востоке и в Восточной Азии: внешней политики отдельных стран региона, их двусторонних и многосторонних политических, торгово-экономических и культурных отношений. В связи с поставленной перед ИДВ руководством РАН задачей обеспечить углубленное изучение процессов в АТР журнал значительно расширил в последние годы освещение соответствующей проблематики. Особое внимание при этом, понятно, уделялось вопросам политики нашей страны на Дальнем Востоке и в АТР, отношениям России со странами региона и прежде всего с крупнейшими странами, нашими дальневосточными соседями — с КНР и Японией. Важнейшим критерием отбора публикаций по этой тематике была оценка их содержания под углом зрения национальных интересов России, ее безопасности, поиска взаимовыгодных, добрососедских отношений со странами региона, выявления возможностей решения острых проблем и создания систем безопасности в Северо-Восточной Азии, других ключевых зонах региона. Редакция ввела в практику — и получила поддержку читателей — публикацию важнейших документов, отражающих внешнеполитическую деятельность нашей страны в регионе, ее двусторонние связи.

Менее успешно пока реализуется замысел специальной рубрики "Российский Дальний Восток", при наполнении которой мы рассчитывали опираться (и опираемся) главным образом на исследования и публикации ученых и практических работников этого региона. Здесь сказываются трудности поддержания повседневных контактов с научными и вузовскими центрами этих "дальних краев".

В результате поддержки читателей, многие из которых выступают и как авторы ПДВ, интересными материалами постоянно наполняется рубрика "Русские в Китае". В ней печатаются статьи и письма - отклики не только бывших "харбинцев", но и зарубежных (китайских и др.) исследователей русской эмиграции в Китае и других странах Дальнего Востока и АТР.

По оценке читателей, оказалась удачной введенная нами рубрика "Документы. Архивы", в которой помещаются ранее неизвестные архивные документы. Эти публикации неизменно вызывают большой интерес ученых в

нашей стране и за рубежом. Показательно, что переводы большинства материалов этой рубрики печатаются в весьма авторитетных зарубежных изданиях.

Много места на страницах ПДВ уделялось освещению внутриполитических и экономических процессов в странах зарубежного Дальнего Востока, состоянию их культуры, судьбе и роли в новых условиях традиционных политических, философских и религиозных учений и идей. Повышенное внимание при этом уделялось материалам, содержащим анализ моделей модернизации, опыта, хода и результатов экономических реформ КНР и восточноазиатских "тигров". Это направление наших публикаций мы намереваемся сохранить, углубить и расширить.

На задачах освещения опыта реформ в Китае хочу остановиться особо. Представляется, что прежнее пренебрежительно-снисходительное отношение к опыту реформ в КНР в наших официальных кругах, ориентированных на копирование опыта Запада, в нынешней ситуации, когда наша страна вновь стоит перед выбором пути, на развилке, когда стало совершенно ясно, что бездумное копирование либеральной модели привело страну к острому кризису, должно смениться взвешенным, диверсифицированным подходом к поиску ориентиров при выработке необходимого стране нового курса и в том числе более внимательным и заинтересованным отношением к опыту реформ в КНР.

Сказанное отнюдь не означает призыва теперь односторонне ориентироваться лишь на опыт КНР. Более того, я не считаю, что все в этом опыте успешно и заслуживает "копирования". Ясно также, что ни один опыт, в том числе и успешный, нельзя просто "пересадить" на свою почву без учета различий в условиях его применения. Известно, что само понятие "использование опыта" имеет широкий и узкий смысл. В узком смысле - это прямое заимствование неких образцов на манер импорта техники и технологий (хотя и здесь необходим учет, например, климатических различий, уровня подготовки рабочей силы и т.п.). В широком смысле (особенно необходимом при обращении к опыту реформ политических и социально-экономических систем, систем управления и функционирования экономики) - это прежде всего изучение (и учет в практической политике) сходства и различий страны-"донора опыта" и страны - "реципиента", учет подхода к выбору модели и методов проведения политики реформ, обеспечивших ее позитивный результат.

И здесь, при всех известных значительных различиях между нашими странами, обращение к опыту реформ в Китае оправдано существенными чертами сходства. Обе страны сопоставимы по размерам территории и масштабам народного хозяйства. Обе страны заняты реформированием в недавнем прошлом высокоцентрализованной, плановой, командно-распределительной системы управления экономикой. И в России, и в Китае весьма высок удельный вес слоев населения с низкими доходами, плохо адаптирующихся к условиям рынка, выживание которых обеспечивалось за счет уравнительного перераспределения ресурсов госбюджета. И там, и тут ни в прошлом, ни в настоящем не было и нет среднего класса. Политическая культура преобладающих слоев населения в России и в Китае также имеет сходные черты: слабое развитие представлений о демократии, правах и свободах личности и т.п. Наконец, при всех различиях между религиозными представлениями, которые разделяет большинство населения России (православие, ислам), и сохранившим влияние на обыденное сознание китайцев конфуцианством, и там, и тут, существуют сходное предпочтении "справедливости" "выгоде", негативное отношение к богачам и богатству, особенно к богатству, нажитому неправедным путем.

Отказ от обращения к китайскому опыту аргументировался либо заявлениями, что "поезд уже ушел", что с начала 90-х годов у нас уже нет политического инструмента - парткратического государства, чтобы идти по китайскому пути, либо заявлениями, что обращение к китайскому опыту означало бы возврат от демократии к авторитарному режиму, да еще в форме однопартийной диктатуры коммунистической партии.

Но вот сейчас выявляется парадоксальное явление: объявленные (и проводящиеся в жизнь) новой властью в нашей стране преобразования системы управления (если отвлечься от риторики и формально-юридических определений российского политического режима) оказываются весьма близки к механизму власти в КНР. Поставленная задача "создания эффективной системы государственного управления" (другие варианты: "консолидация власти как по вертикали, так и по горизонтали", "восстановление субъектности государства, утерянной в годы хаотических реформ" и т.п.) расшифровывается многими политологами как эволюция нынешнего режима в сторону "просвещенного авторитаризма" (вариант: режим уже является авторитарным, содержит элементы "бонапартизма"). При этом существенно отметить, что большинство политологов - авторов этих дефиниций считает эти процессы и тенденции объективно необходимыми для вывода страны из острого кризиса (см.: Россия сегодня, завтра и через десять лет. Страна и власть // Независимая газета (Юбилейная). 2000. 21 декабря. С. 9, 14-15).

Если добавить к этому, что новая власть стремится к созданию "партии власти", ощущая потребность в ней не только на выборах, но и как в средстве "подбора и расстановки кадров", разделяющих общую платформу, то сходство двух политических механизмов (при всех различиях в декларируемых целях) еще более усиливается. К этому можно было бы добавить, что наше "демократическое" устройство законодательной власти является, по общему мнению, декоративным, а подавляющее большинство наших многочисленных квазипартий по своему влиянию на политику властей почти не отличается от "демократических партий" КНР, в уставах которых записано, что они принимают руководство КПК.

Значит ли это, что мы идем к "конвергенции" наших политических систем, что различия между политическими режимами России и Китая не имеют значения для выбора путей реформ и развития, что теперь наш "поезд" после хаотических блужданий вновь вернулся в пункт, откуда мы можем успешно следовать "по китайскому пути"? Отнюдь нет. Отсюда следует, во-первых, вывод о том, что для стран типа России и Китая, "отягощенных" общими чертами, о которых говорилось выше, для властных структур в этих странах, спектр выбора политических и экономических моделей реформ относительно узок, если, конечно, эти власти не хотят, чтобы страна (и они вместе с ней) пошла "вразнос". Опыт Китая и России показывает, что выбор в сфере политики - это правый или левый авторитаризм, а в экономике (как показывает успешный китайский опыт) - путь постепенной трансформации командно-административного монстра в рыночную экономику при сохранении (и постепенном сокращении) высокой роли государства в макрорегулировании. Во-вторых, отсюда следует вывод о том, что в России появилась возможность (надолго ли?) учесть на практике некоторые подходы китайского руководства к выбору целевых моделей реформ.

На поверхности здесь лежит необходимость "перенять" у китайцев повышенное внимание, причем не на словах, а на деле, к изучению особенностей своей страны, стадии, на которой она находится, и лишь с учетом этого применять иностранный опыт. Думаю (и не я один), что у китайцев следует учиться действовать постепенно, поэтапно, проверяя эффективность тех или иных шагов реформы путем экспериментов на отдельных предприятиях, районах, секторах экономики, избегая "шоковых" методов, которые в масштабах огромной страны превращаются (в случае неизбежных просчетов и ошибок) в шок без терапии для десятков миллионов людей.

Надо задуматься и о том, как использовать возможности новой власти, чтобы на свой лад восстановить (как было и есть в Китае) контроль над стратегически важными отраслями экономики, ключевыми предприятиями и т.п., защитить, как это делается в Китае, национальное производство, от губительного для него наплыва неконтролируемого импорта иностранных товаров, по-

учиться у китайцев методам, с помощью которых они обеспечили громадный приток в страну прямых иностранных инвестиций в реальный сектор и т.п. Это не просто. Но у нас как страны, и у нашей власти, если она не хочет бесславного конца, других опробованных путей нет.

Есть, понятно, много других областей опыта Китая, которые требуют изучения. Нет необходимости говорить, что у Китая остается немало острых проблем, есть и неудачные попытки их решения, которые также необходимо учитывать как негативный опыт. Опираясь на разработки коллектива специалистов ИДВ РАН и коллег из других научных и практических учреждений, наш журнал продолжит освещение этих вопросов.

За прошедшие годы нам удалось реализовать замысел расширить круг авторов. Особенное удовлетворение вызывает отклик на наши призывы публиковаться на страницах ПДВ коллег из стран СНГ, из исследовательских и вузовских центров не только Москвы и Санкт-Петербурга, но и из других городов России. Мы благодарны за содержательные публикации по актуальным вопросам внешней политики нашим теперь уже постоянным авторам - ответственным сотрудникам МИД и Дипломатической академии МИД РФ, членам редколлегии журнала Послам РФ в Китае и Японии за их выступления в журнале и помощь в подготовке материалов для ПДВ сотрудниками посольств. В числе наших авторов были и ответственные работники Государственной Думы и Совета Федерации Федерального собрания РФ. Значительно расширилась практика выступления в ПДВ видных зарубежных ученых из США, Франции, ФРГ, Японии, Республики Корея. Особенно частые "гости" ПДВ - ученые КНР. Вместе с тем мы публикуем и результаты исследований молодых специалистов из стран Дальнего Востока, готовящих диссертации в ИДВ и других научных и вузовских центрах Москвы.

Известный показатель удовлетворительной работы журнала - сохранение (несмотря на рост цен) все последние годы стабильных тиражей (т.е. стабильного круга читателей) русской и английской версий ПДВ. На 2001 г. число подписчиков на обе версии даже несколько возросло. Стабильная работа редакции ПДВ и отмеченные позитивные итоги - во многом результат большой помощи и внимания к нуждам журнала дирекции ИДВ РАН и Ученого совета института.

Вместе с тем следует признать, что выполнено далеко не все, что намечалось. На последней редколлегии ПДВ в декабре 2000 г., на которой обсуждались итоги года и новые планы, члены редколлегии, представители дирекции и Ученого совета института отмечали, что слабо или совсем неосвещенными остается ряд весьма существенных тем и проблем политики нашей страны в АТР и внутривосточной жизни стран Дальнего Востока, в особенности КНР и Японии. Перед редакцией была поставлена задача расширить информацию о научной жизни ИДВ, о деятельности его Ученого и диссертационных советов. Обсуждались и пути расширения информации о книжной продукции института и других научных центров, о получаемой библиотекой ИДВ ценной зарубежной литературе.

В эти первые дни Нового года и нового тысячелетия редакция журнала ПДВ обращается к нашим читателям с пожеланиями здоровья, счастья и успехов и выражает надежду, что наши коллеги - исследователи проблем зарубежного и российского Дальнего Востока в России, ближнем и дальнем зарубежье будут по-прежнему видеть в ПДВ гостеприимный дом и открытую трибуну для обнародования своих исследований.

Главный редактор ПДВ, профессор А.М.Григорьев

Документы

Улан-Баторская декларация

По приглашению Президента Монголии Н.Багабанди Президент Российской Федерации В.В.Путин 13 - 14 ноября 2000 года совершил официальный визит в Монголию.

Руководители двух государств провели обстоятельный обмен мнениями по широкому кругу вопросов двусторонних отношений и по представляющим взаимный интерес международным проблемам. Состоявшиеся в Улан-Баторе встречи и переговоры руководителей Российской Федерации и Монголии являются важным этапом в развитии традиционно дружественных отношений между двумя странами.

1. Россия и Монголия подтверждают приверженность Договору о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией от 20 января 1993 года. Они едины в понимании того, что поступательное продвижение российско-монгольского сотрудничества в начинающемся столетии в различных сферах должно строиться в соответствии с положениями Устава ООН, нормами международного права и справедливости, на принципах уважения суверенитета, равноправия, взаимной выгоды, территориальной целостности, а также на основе сформировавшихся в течение многих десятилетий традиций дружбы и добрососедства.

Исходя из убеждения в необходимости построения многополюсной структуры мира и подчеркивая особую важность безблокового развития межгосударственных отношений в Азии, Стороны вновь подтверждают, что не будут участвовать в каких-либо военно-политических союзах, направленных друг против друга, и обязуются не заключать с третьими странами каких-либо договоров и соглашений, противоречащих интересам суверенитета и независимости другой Стороны.

Ни одна из Сторон не допустит, чтобы ее территория была использована третьим государством в целях агрессии или иных насильственных действий, наносящих ущерб суверенитету, безопасности и общественному порядку другой Стороны.

2. Стороны придают важное значение поддержанию в дальнейшем регулярных встреч на высшем и высоком уровнях и сотрудничеству между правительственными органами, в том числе в рамках Российско-Монгольской Межправительственной Комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству.

3. Стороны приветствуют развитие региональных и приграничных контактов и приложат усилия для совершенствования правовых основ дальнейшего их расширения и углубления. Монгольская Сторона заинтересована в ак-

тивном взаимодействии с региональными структурами Российской Федерации, в том числе с Межрегиональной ассоциацией «Сибирское соглашение».

4. Констатируя наличие значительного потенциала для наращивания торгово-экономического сотрудничества, президенты России и Монголии поручили соответствующим органам исполнительной власти в своих странах в конструктивном ключе рассмотреть вопросы либерализации и расширения взаимной торговли, включая установление льготных железнодорожных тарифов, таможенных пошлин и других сборов, в рамках начатых переговоров по этим вопросам с тем, чтобы завершить их в 2001 году.

5. Рассматривая экономическое сотрудничество друг с другом и как составную часть налаживающегося регионального взаимодействия в Северо-Восточной Азии, в Москве и Улан-Баторе большое значение придают устремленным в XXI век крупным энергетическим проектам в регионе - сооружению магистральных газо- и нефтепроводов и линий электропередач. Российская Сторона выступает за участие Монголии в таких проектах с учетом экономических и географических факторов. Важнейшим направлением Стороны считают сотрудничество стран-членов ЭСКАТО в области транспорта и в этой связи приглашают все заинтересованные стороны к использованию Транссибирской магистрали и Монгольской железной дороги в целях оптимизации транспортных маршрутов между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом. Стороны согласились продолжить трехсторонние экспертные консультации по заключению основного (рамочного) Соглашения о транспортных перевозках между Российской Федерацией, Монголией и Китайской Народной Республикой, понимая при этом необходимость совершенствования существующих механизмов в области транспортных перевозок на национальном, двустороннем и международном уровнях.

6. Стороны высказались за повышение эффективности работы и модернизацию крупнейших совместных российско-монгольских предприятий - «Эрдэнэт», «Монголросцветмет» и «УБЖД», составляющих жизненно важную часть монгольской экономики. Они также условились всячески поощрять взаимные инвестиции путем создания новых совместных предприятий на основе различных форм собственности, а также через участие хозяйствующих субъектов обеих стран в приватизационных проектах в России и Монголии. Стороны сочли целесообразным разработать программу развития сотрудничества в области промышленности, возобновить взаимовыгодное сотрудничество в развитии сельскохозяйственного производства Монголии.

7. Стороны рассмотрели вопросы сотрудничества в области поставок российских энергоносителей в Монголию с учетом необходимости придания им стабильного характера на основе ежегодных Протоколов о торгово-экономическом сотрудничестве.

8. Важным направлением сотрудничества двух стран в контексте современного мирового развития являются охрана природы и экологическая безопасность. Стороны будут активно взаимодействовать в борьбе против лесных и степных пожаров, стихийных бедствий и возможных техногенных катастроф.

9. Россия и Монголия привержены сохранению и упрочению традиционных уз духовной и культурной близости между народами двух стран. Они будут поощрять контакты между людьми, общественными, научными, спортивными и молодежными организациями двух стран. Российская Сторона будет и впредь оказывать содействие в подготовке монгольских национальных кадров в российских высших учебных заведениях. Стороны будут поддерживать сотрудничество в деле изучения русского и монгольского языков, исторического и культурного наследия друг друга.

10. Стороны договорились поручить соответствующим министерствам и ведомствам продолжить проработку вопросов либерализации условий взаимных поездок граждан, улучшения их визового обслуживания, расширения круга лиц, которым визы выдаются на бесплатной основе или с существенными скидками.

11. Выражая свое удовлетворение укреплением взаимодействия между Советом Безопасности Российской Федерации и Советом Национальной Безопасности Монголии, Стороны выступили за дальнейшую совместную работу и координацию действий в области национальной и международной безопасности на основе Протокола о сотрудничестве советов безопасности двух стран.

12. Стороны подчеркнули важность восстановления военного и военно-технического сотрудничества, взаимодействия в области подготовки профессиональных кадров. Сотрудничество в этих областях будет осуществляться в строгом соответствии с международными обязательствами Сторон.

13. Россия и Монголия придадут большое значение завершающейся работе Смешанной российско-монгольской комиссии по проверке государственной границы между Российской Федерацией и Монголией с целью более четкого и ясного обозначения линии границы, особенно в местах интенсивной хозяйственной деятельности приграничного населения Сторон.

14. Стороны будут проводить совместные и скоординированные действия правоохранительных, пограничных, таможенных органов и специальных служб двух стран по обеспечению должного порядка на российско-монгольской границе, включая взаимодействие по предотвращению фактов угона скота.

15. Стороны констатировали общность или близость подходов к ключевым проблемам современности, высказались за наращивание взаимодействия в мировых делах, за тесное сотрудничество в ООН и других международных организациях. Стороны с удовлетворением отметили важное значение Саммита тысячелетия, решения которого четко подтвердили непреходящее значение Устава ООН, центральную роль ООН в поддержании международного мира и безопасности, в мирном урегулировании конфликтов, важность укрепления устоев международного права. Они считают, что вызовы XXI века преодолимы лишь коллективными усилиями международного сообщества на путях строительства неконфронтационного, стабильного, демократического правопорядка, учитывающего национальные особенности и самобытность каждого народа, богатство национальных культур и традиций.

16. Стороны выступают за повышение эффективности и дееспособности ООН как уникальной международной организации, несущей главную ответственность за обеспечение мира и безопасности. Россия и Монголия будут способствовать превращению ее в ключевой инструмент коллективного регулирования международных отношений. Россия и Монголия заинтересованы в повышении эффективности миротворческих механизмов ООН, считают приоритетными политико-дипломатические методы урегулирования кризисных ситуаций, подтверждают приверженность принципам верховенства международного права. В то же время Стороны поддерживают предложение Генерального секретаря ООН о необходимости перехода "от культуры реагирования к культуре предотвращения" вооруженных конфликтов. Россия и Монголия будут вносить свой вклад в реализацию заключительной Декларации Саммита тысячелетия.

Они выступают за такую адаптацию ООН к современным реалиям, которая не расшатывала бы ее основополагающие принципы, за проведение рациональной реформы Совета Безопасности ООН на основе максимально широкого согласия ее членов по всем ключевым аспектам.

17. Стороны обменялись мнениями по проблеме глобализации. Они считают процесс глобализации объективным явлением, имеющим несомненные положительные стороны, предоставляющим дополнительные возможности социально-экономического прогресса, расширения человеческих контактов. Вместе с тем необходимы серьезные усилия мирового сообщества для преодоления порождаемых глобализацией новых опасностей, нередко проявляющихся в дальнейшем разрыве в уровне благосостояния между богатыми и развивающимися странами.

18. Стороны приветствуют подтвержденные на Конференции 2000 года по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия обязательства государств, обладающих ядерным оружием, в отношении практических шагов по обеспечению систематических и последовательных усилий в деле ядерного разоружения в соответствии со статьей VI Договора. Стороны подтвердили свою приверженность укреплению режима нераспространения ОМУ, выразили надежду на присоединение всех государств к ДНЯО, ДВЗЯИ, Конвенции о запрещении химического оружия, на успех переговоров о запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия, указали на важность соблюдения общепризнанных международных норм при осуществлении национальных ракетных программ.

19. Выступая за дальнейшее укрепление стратегической и региональной стабильности, Россия и Монголия важное значение придают скорейшему вступлению в силу и выполнению в полном объеме Договора СНВ-2 и заключению Договора СНВ-3 при сохранении и укреплении Договора 1972 года по ПРО как краеугольного камня стратегической стабильности, основы дальнейших сокращений ядерных вооружений. Монголия поддерживает усилия Российской Федерации по недопущению ревизии Договора 1972 года по ПРО, выражает обеспокоенность в связи с планами развертывания национальных или замкнутых блоковых систем ПРО. Реализация таких планов имела бы пагубные последствия для международного мира, привела бы к возобновлению гонки вооружений, от которой в первую очередь пострадали бы развивающиеся страны.

20. Россия подтверждает приверженность совместному Заявлению стран ядерной «пятерки» о гарантиях безопасности Монголии в связи с ее безъядерным статусом. Монгольская Сторона выразила признательность Российской Стороне за усилия по утверждению безъядерного статуса Монголии и расширению международного признания такого статуса. Стороны поддерживают усилия стран Центральной Азии по созданию в этом регионе зоны, свободной от ядерного оружия (ЗСЯО) и считают, что в совокупности с безъядерным статусом Монголии они способствуют успешной реализации целей упрощения режима ядерного нераспространения на азиатском континенте.

21. Монголия поддерживает инициативы Президента Российской Федерации В.В.Путина о проведении весной будущего года в Москве под эгидой ООН международной Конференции по предотвращению милитаризации космоса в связи с 40-й годовщиной первого космического полета, а также об исключении из использования в мирной ядерной энергетике обогащенного урана и чистого плутония.

22. Россия и Монголия выступают за тесную координацию усилий обеих стран в вопросах мира, безопасности и сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Они позитивно оценивают роль Регионального форума АСЕАН, выражая намерение вносить достойный вклад в его работу. Высканана полная поддержка сложившимся в АТР как официальным, так и неформальным диалоговым структурам, подчеркнута их значимость для дальнейшей активизации многосторонней деятельности по решению актуальных проблем региональной безопасности и сотрудничества. Россия всецело поддерживает

стремление Монголии стать членом АТЭС. Стороны обратили особое внимание на отсутствие в Северо-Восточной Азии межгосударственного механизма по вопросам безопасности и сотрудничества и высказались за интенсификацию диалога по всем каналам, направленного на его создание.

Россия и Монголия приветствуют итоги состоявшейся в Пхеньяне 13-15 июня 2000 года межкорейской встречи на высшем уровне и выражают надежду на дальнейшее развитие процесса примирения и сотрудничества на Корейском полуострове. Они убеждены в том, что сохранение мира и стабильности на Корейском полуострове является важным условием стабильности в Северо-Восточной Азии и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом. В этом контексте они высказались против любых односторонних или многосторонних действий, которые порождали бы взаимное недоверие между государствами в этой части земного шара.

23. Российская Сторона проинформировала Монгольскую Сторону о целях, задачах и деятельности Шанхайского форума как организации, открытой к широкому международному сотрудничеству. Монгольская Сторона проявила интерес к работе форума и заявила, что рассмотрит вопрос о возможности подключения к его работе в той или иной форме.

24. Стороны подтверждают стремление совместно бороться с международным терроризмом, религиозным экстремизмом и национальным сепаратизмом, представляющими угрозу региональной безопасности, стабильности и развитию, а также с такими формами преступной деятельности, как незаконный оборот оружия и наркотиков, незаконная миграция.

25. Стороны подтверждают, что Декларация не направлена против какого-либо другого государства или группы государств и их прав.

Президент Российской Федерации В.В.Путин выразил признательность за теплый прием в Улан-Баторе и пригласил Президента Монголии Н.Багабанди посетить Россию в удобное для него время. Приглашение было принято с благодарностью.

г. Улан-Батор, 14 ноября 2000 года

**ПРЕЗИДЕНТ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ПРЕЗИДЕНТ
МОНГОЛИИ**

Политика

Россия и Монголия становятся ближе друг к другу

© 2001

Л. Моисеев

География визитов Президента России в 2000 году в страны Азии четко отразила приоритеты российской политики на Востоке. В.В.Путин посетил крупнейших соседей нашей страны - Китай, Индию, Японию и непосредственно граничащие государства - КНДР и Монголию.

Пребывание главы нашего государства в Улан-Баторе стало первым с ноября 1974 г. К этому визиту обе стороны шли долгим и достаточно непростым путем.

Внешне российско-монгольские отношения в последние годы складывались относительно ровно. Осуществлялась широкая программа контактов на всех уровнях. Крупнейшим событием стал визит в Москву Президента Монголии в январе 1993 г., в ходе которого были подписаны российско-монгольский Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве, Совместное заявление по поводу имевших место в 30-40-е гг. в СССР и МНР массовых репрессий. Президент Монголии П.Очирбат принимал участие в торжествах в Москве по случаю 50-летия победы в Великой Отечественной войне. В 1999 г. в Монголии было торжественно отмечено 60-летие битвы на Халхин-Голе, состоялись встречи ветеранов двух стран, обновлены памятники. Организовывались взаимные поездки руководителей Великого Государственного Хурала и Государственной Думы, делегаций советов безопасности. Не прерывалась практика консультаций по линии МИДов, в том числе на уровне министров. Президент Н.Багабанди стал последним зарубежным лидером, с которым встречался в Кремле в декабре 1999 г. Президент Б.Н.Ельцин.

Вместе с тем для тех, кто был знаком с реальной ситуацией, было очевидно: в российско-монгольских отношениях с начала 90-х гг. наметились негативные тенденции, ощущался спад по целому ряду направлений.

В конце 80-х - начале 90-х гг. в Монголии произошли радикальные политические и экономические изменения. В 1992 г. была принята новая Конституция, в соответствии с которой в стране устанавливалась парламентская форма правления, введен пост Президента. В экономике начались рыночные преобразования, которые развивались главным образом по западным рецептам. Обвальное сокращение российского военного и гражданского присутствия, переход российско-монгольских торгово-экономических отношений на общепри-

нятые в мировой практике принципы побудили монгольское руководство начать активный поиск новых партнеров с тем, чтобы компенсировать прекращение предоставления российских кредитов и льгот.¹ В Улан-Баторе было провозглашено проведение «многовекторной» политики, в число приоритетов были поставлены, наряду с Россией и Китаем, отношения с США. Было объявлено о намерении расширить сотрудничество со странами АТР, Европы, международными финансово-экономическими организациями.

Монгольским руководством, представленным демократическими партиями, были предприняты целенаправленные шаги по ослаблению участия РФ в совместных российско-монгольских предприятиях.

В наиболее выпуклом виде это проявилось в кампании, развернутой вокруг крупнейшего из них - горно-обогатительного комбината «Эрдэнэт». Добиваясь установления полного контроля над предприятием, ряд монгольских политиков пустил в ход утверждение, будто осуществленная в 1994 г. российской стороной приватизация своей доли была проведена с нарушениями межправительственного соглашения 1991 г. об условиях деятельности ГОКа.²

Вопрос об «Эрдэнэте» превращался депутатами Хурала в орудие внутриполитической борьбы: формальным предлогом для освобождения в июле 1999 г. премьер-министра Ж.Наранцацралта стало обвинение в его адрес в превышении полномочий, выразившемся в официальном подтверждении полномочий российского участника СП. Подобные шаги вряд ли способствовали улучшению атмосферы в двусторонних отношениях, формированию доверия в торгово-экономической сфере. Доля России в общем объеме внешней торговли Монголии неуклонно снижалась, упав с 85 % в начале 90-х гг. до 25 % в 1999 г.³

Резко сократилось российско-монгольское военно-техническое сотрудничество. На этом фоне активизировались военные связи Монголии со странами НАТО, в первую очередь с США.

Одной из наиболее сложных проблем оставалась задолженность монгольской стороны по госкредитам, ранее предоставленным МНР бывшим СССР (около 11,3 млрд. переводных рублей, включая проценты). Монгольская сторона настойчиво выступала за политическое решение этого вопроса.

Монгольское руководство ставило вопрос и о полной отмене акцизов и налога на добавленную стоимость по товарам традиционного монгольского экспорта и неприменении в отношении Монголии как одной из наиболее слабо развитых стран ввозных таможенных пошлин, о снижении железнодорожных тарифов на провоз монгольских грузов через российскую территорию.

Наблюдался рост нарушений на тувинском участке российско-монгольской границы, связанных с похищением скота. Зачастую инциденты сопровождались применением оружия.

В новых условиях роль «локомотива» в торгово-экономическом сотрудничестве все активнее брали на себя российские регионы - Бурятия, Алтай, Тува, Иркутская и Кемеровская области. Связи этих регионов с монгольскими партнерами приобрели устойчивый характер, приносили практическую отдачу. Стали появляться и новые формы сотрудничества, интерес к Монголии все больше проявлял крупный российский бизнес.

Важное значение для дальнейшего внешне- и внутриполитического курса страны имели состоявшиеся в 2000 г. парламентские выборы, в результате которых были полностью обновлены составы ВГХ и правительства Монголии. Пришедшая к власти МНРП провозгласила намерение активно развивать всестороннее сотрудничество с Россией.

В 2000 г. наконец удалось преодолеть негативную тенденцию снижения российско-монгольского товарооборота - в первом полугодии он составил 90,1 млн. долл., что на 7 млн. долл. больше по сравнению с тем же периодом 1999 г.

Российская Федерация традиционно поставляет в Монголию нефтепродукты, машины и различное оборудование, товары народного потребления, а Монголия - плавиковый шпат, медный и молибденовый концентраты, мясо и мясопродукты, а также изделия из кожи, шкур и пуха.

Остро осознается необходимость создания режима наибольшего благоприятствования для участников взаимной торговли. Именно этим вопросам в первую очередь было посвящено состоявшееся накануне приезда российского Президента в Улан-Батор очередное VIII заседание Межправительственной российско-монгольской комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. В его повестку дня были включены такие актуальные вопросы, как снижение таможенных и железнодорожных тарифов для монгольских грузов на российской территории, поставка монгольского мяса в Россию, обустройство пограничных пунктов пропуска на российско-монгольской границе. Решения заседания во многом подготовили экономический блок для обсуждения на высшем уровне. В частности, были рассмотрены возможности погашения текущей задолженности Монголии монгольскими товарами, имеющими спрос на российский рынке.

Что касается вопросов политического и военно-технического взаимодействия, то они были детально рассмотрены в ходе визитов в Монголию Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации С.Б.Иванова (сентябрь) и начальника Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации А.В.Квашнина (октябрь).

Региональному сотрудничеству были посвящены поездки в Улан-Батор делегаций Иркутской области во главе с губернатором Б.А.Говориным и Кемеровской области во главе с губернатором А.Г.Тулеевым, а также Республики Бурятия во главе с первым заместителем Председателя Правительства В.К.Агаловым. В столице Монголии был открыт филиал Кемеровского университета. За счет Кузбасса в России принимается на обучение 30 монгольских граждан, в кадетском корпусе воспитывается 10 монгольских мальчиков-сирот. В 2001 г. в женскую гимназию примут 10 монгольских девочек. Поистине кузницей монгольских кадров являются вузы Иркутска. Из Иркутской области Монголия получает энергию и все нефтепродукты. На область приходится до 50 % товарооборота в рамках российско-монгольских региональных связей. Крупным событием в экономических и культурных связях стало проведение в октябре Дней Москвы в Улан-Баторе.

Визит Президента России в Улан-Батор 13-14 ноября 2000 г. дал серьезный стимул воссозданию и развитию полномасштабных отношений двух стран на новой основе. Переговоры с высшими руководителями Монголии явились важным подтверждением того, что Россия рассматривает Монголию как своего партнера не только в АТР, но и на международной арене в целом. Подписанная президентами двух стран Улан-Баторская декларация свидетельствует о наличии широкого совпадения подходов двух стран к важнейшим вопросам обстановки в мире, фиксирует готовность Москвы и Улан-Батора тесно координировать свою политику на международной арене по широкому спектру. Монголия поддержала российские инициативы в ООН и других международных организациях по вопросам стратегической стабильности, сохранению Договора по ПРО, по проблемам нераспространения ядерного оружия. Россия первой приветствовала решение Монголии объявить свою территорию безъядерной зоной и активно содействует обеспечению международных гарантий безъядерного статуса этой страны. Российская сторона ознакомила монгольскую сторону с деятельностью «Шанхайского форума» (Россия, Китай, Казахстан, Киргизия, Таджикистан). Состоялся обмен мнениями о возможности реализации крупных региональных энергетических проектов (транспортировка

нефти и газа через монгольскую территорию из России в Китай и другие страны АТР). Уже сейчас масштабные поставки российской нефти в Китай идут транзитом через Монголию, в дальнейшем не исключена вероятность строительства трубопроводов.

Два государства намерены, сохраняя и развивая традиции добрососедства и сотрудничества, приводить свои взаимоотношения в соответствие с реалиями современного мира, активно работать над взаимным сближением. Целесообразно, например, активнее совершенствовать правовую базу деятельности крупнейших совместных предприятий - ГОК «Эрдэнэт», объединения «Монголросцветмет», акционерного общества «Улан-Баторская железная дорога».

Что касается проблемы монгольского «большого» долга, то ее решено обсуждать в рамках специальных консультаций. Речь идет о том, чтобы действовать на основе принципов Парижского клуба.

В 2001 г. будет завершена проверка российско-монгольской границы протяженностью около 3,5 тыс. км⁴.

Решено создавать необходимую правовую основу для взаимодействия по предотвращению нарушений режима границы. Заключено соглашение о создании специальных комиссий по розыску перепасшегося скота (речь идет о пресечении его краж). Будет ускорена работа по обустройству пунктов пропуска на границе. Совместными усилиями намечено совершенствовать режим взаимных поездок граждан.

Успешно решаются вопросы перерегистрации на Россию недвижимости бывшего СССР в Монголии, приватизации жилья российскими гражданами, постоянно проживающими в Монголии (речь идет о 360 семьях, всего в Монголии насчитывается около 1200 граждан России). Признано необходимым и дальше укреплять правовую базу двусторонних отношений (между Россией и Монголией подписано около 100 договоров и соглашений, около 20 документов находятся в работе).

Большое внимание уделено вопросам подготовки монгольских кадров в России, изучению русского языка, к которому в Монголии по-прежнему испытывают огромный интерес. Как известно, многие монгольские специалисты обучались в свое время в СССР. В 70-х гг. ежегодно до 1 тыс. монгольских студентов направлялось в советские вузы. Кстати, это обстоятельство значительно облегчало достижение взаимопонимания в ходе бесед и переговоров В.В.Путина в Улан-Баторе - все его собеседники: Президент Н.Багабанди, Премьер-министр Н.Энхбаяр, Председатель Великого Государственного Хурала Л.Энзбиш - хорошо знают русский язык. Условлено увеличить квоту для монгольских студентов в российских вузах (сейчас она составляет 130 человек за государственный счет, в России учится около 1 тыс. монгольских граждан на коммерческих условиях).

Большое внимание будет уделено сохранению в должном виде воинских захоронений (по последним данным, только в сражениях против японцев в 1939 г. на монгольской земле погибло 26 тыс. советских воинов).

Президент России вручил Президенту Н.Багабанди российский орден Дружбы.

Итоги российско-монгольских переговоров позволяют говорить о том, что тенденция на стабильное продвижение вперед во всех областях отношений двух стран будет укрепляться. Новое руководство Монголии твердо заявляет о своем стремлении активизировать всестороннее сотрудничество с Россией.

1. По монгольским данным, в 1921-1991 гг. за счет средств СССР в Монголии было построено 450 крупных предприятий, до начала 90-х гг. советские инвестиции составляли около 90 % всех средств, вкладывавшихся в народное хозяйство.
2. Строительство комбината начато в 1974 г., первая очередь сдана в 1978 г., последняя - в 1983 г. Доля монгольского участника - 51 %, российского - 49 % (финансирование монгольской стороной своих взносов в уставной фонд производилось за счет кредитов СССР). В 1991-1996 гг. совместное предприятие перечислило в бюджет Монголии более 220 млн. долл. в качестве налога на прибыль, дивиденды монгольского участника составили 82 млн. долл., российского - 80 млн. долл. На комбинате работает около 1 тыс. российских граждан.
3. Взаимная торговля сократилась и в абсолютном выражении с 800-900 млн. долл. в конце 80-х гг. до 183 млн. долл. в 1999 г.
4. На протяжении 2890 км граница проходит по суше - горным хребтам, плоскогорьям, степям. Часть линии границы находится на водных акваториях (650 км). Вновь определена государственная принадлежность островов на пограничных реках. На некоторых участках, где ведется активная хозяйственная деятельность местного населения, увеличено количество пограничных знаков. Ежегодно на работах по проверке границы задействовались до 1500 чел., 8-9 самолетов и вертолетов, 120-150 автомашин. По уточненным данным, общая длина границы составила 3543 км.

Процесс углубления взаимопонимания создает базу для новых японо-российских отношений

© 2001

Мунэо Судзуки

В дипломатии, по моему мнению, нет ни победителей, ни побеждённых, самое важное - достигнуть взаимоприемлемого результата. Вести переговоры с позиций выдвигания одной стороной предварительных условий - это не наилучший вариант для разрешения проблемы возвращения северных территорий.

Окончательное решение проблемы возвращения северных территорий, заключение мирного договора и установление с бывшим Советским Союзом и нынешней Россией стабильных, основанных на подлинном взаимопонимании отношений - такова генеральная линия, которой японское правительство последовательно придерживается в своих дипломатических переговорах.

Проблемы, зародившиеся в XX веке, в XX же веке и должны быть разрешены. В этом смысле заключение японо-российского мирного договора теперь должно стать наиважнейшей задачей японской дипломатии. В этом и состоит самая важная миссия, возложенная на нас, политиков.

О переговорах с Президентом Путиным сразу после его избрания

В ноябре позапрошлого (1998 г. - ред.) года японский премьер-министр, которым в тот период был Кейдзо Обути, впервые за последние 25 лет нанёс официальный визит в Россию и подписал Московскую декларацию.

За последние несколько лет беседы и переговоры на высоком уровне, включая министров иностранных дел, проходили довольно часто. 4 апреля уходящего года (2000 г.- ред.) я в качестве специального представителя премьер-министра Японии встречался с господином В. Путиным, только что избранным на президентских выборах в России, и имел возможность беседовать с ним в Кремле почти в течение часа.

У прежнего премьер-министра Кэйдзо Обути было очень сильное желание лично самому добиться заключения японо-российского мирного договора. Это можно было бы назвать последним деянием премьера Кэйдзо Обути, и именно в этом состояла цель моей последней московской командировки. Это обстоятельство накладывало на меня как на политика большую ответственность и укрепляло мою убеждённость в том, что необходимо приложить все силы и использовать все возможности для разрешения японо-российских проблем.

В сентябре прошлого (1999-ред.) года в качестве заместителя секретаря кабинета министров я присутствовал на саммите АТЭС (в Новой Зеландии-

---

Судзуки Мунэо - член палаты представителей парламента Японии, руководитель бюро общих проблем правящей Либерально-демократической партии Японии, до декабря 2000 г. занимал пост государственного министра, начальника Управления по делам развития Хоккайдо и Окинава. Настоящая статья опубликована с японском журнале "Дзию минсю" (Либеральный демократ), Токио, 2000, № 9. - С. 26-33.

ред.), где встречался с главой российской делегации В. Путиным. В апреле этого (2000-ред.) года состоялась моя вторая с ним встреча как специального представителя премьер-министра. Думаю, что выбор пал на меня и потому, что я уже был знаком с Президентом Путиным, имел с ним личные контакты. Мой приезд в Москву по времени совпал с кончиной премьера Кэйдзо Обути и кануном вступления в должность нынешнего премьер-министра Ёсиро Мори. В той ситуации и соответствующий отдел МИДа, и посольство Японии в Москве были озабочены вопросами: что будет с визитом нового премьера в Россию, какова будет повестка совещания в верхах?

Ёсиро Мори был избран председателем ЛДП, и на следующий день после вступления в должность премьера он мне сказал по телефону: "Первая страна, которую я посетю, став премьером, - Россия. Приложите силы, чтобы определить программу визита".

Я фактически без промедления связался с администрацией Президента Путина, и если говорить о сути разговора, Президент В. Путин охотно дал согласие на встречу, сказав: "Начиная с 29 апреля мой график плотно расписан, но если даже для этого мне придётся всё отменить, я хотел бы обязательно встретиться с новым японским премьером". (Уже после саммита глав ведущих государств (Большая Восьмёрка) на Кюсю и Окинаве я получил от него обещание посетить Японию с официальным визитом.) Вскоре премьер-министр Ёсиро Мори посетил Россию и 29 апреля на встрече в Санкт-Петербурге имел неофициальную беседу на высшем уровне с победившим на президентских выборах В. Путиным. На этой встрече не было достигнуто конкретной договорённости о программе визита в Японию Президента России, но вечером того же дня во время посещения хоккейного матча главы государств пришли к согласию об официальном визите в конце августа. Согласование технических деталей визита продолжилось на правительственном уровне и, наконец, официальный визит в Японию Президента Путина был определён на 3 сентября. Планировалось, что 4 и 5 числа того же месяца в Токио будут проведены переговоры между главами Японии и России, во время которых будут обсуждены вопросы заключения мирного договора и экономического сотрудничества.

Доверие между главами Японии и России связано с решением проблемы

Что касается переговоров по заключению мирного договора, то в ноябре 1997 г. бывший тогда премьер-министром Японии Рютаро Хасимото и президент Б. Ельцин достигли согласия "приложить все силы к заключению договора к 2000 году на основе Токийской декларации". Хотя власть перешла от Президента Б.Ельцина к Президенту В.Путину, необходимо было насколько возможно продолжать прилагать усилия к подписанию договора в течение года.

Официальному визиту Президента в Японию предшествовали переговоры на высшем уровне с премьер-министром Ёсиро Мори, имевшие место по окончании саммита "Большой Восьмёрка" в июле (2000 г.-ред.). Из средств массовой информации было хорошо известно, что Президент Путин, призывая к подъёму патриотизма, стремился к утверждению идеи "сильной России", при этом Президент считал, что для "усиления" России необходимо укрепить её экономические основы, а для этого необходимо сотрудничество с Западом.

Что касается японо-российских отношений, то Президент высказал мнение, что "хорошая основа" для развития двусторонних отношений, заложенная в Московской декларации в 1998 г., получила "дальнейшее развитие" благодаря встрече в верхах с премьером Ёсиро Мори в Петербурге в апреле этого года.

Я надеюсь, что каждый раз, когда высшие руководители Японии и России, встретившись лицом к лицу, ведут переговоры с открытой душой, они уг-

любляют отношения взаимного доверия и создают важные предпосылки для решения японо-российских проблем.

Премьер-министр Ёсиро Мори сразу после официального визита Президента Путина в Японию имел возможность встретиться с Президентом на саммите миллениума в Нью-Йорке в ООН, а также на открывающейся в ноябре сессии АТЭС; я полагаю, что в течение этого года и премьер-министру Ёсиро Мори следует ещё раз посетить Россию. И внутривнутриполитическое положение в России и другие обстоятельства в мире могут как-то менять общую обстановку, но то, что 2000 год - веха в наших отношениях, остается неизменным фактом.

Бывший Советский Союз твёрдо придерживался позиции, что в его отношениях с Японией не существует территориальной проблемы. Однако нынешняя Россия, как и Япония, по своим политической и экономической системам является страной рыночной экономики. Сегодня, когда речь заходит о России, то нередко еще дает о себе знать прежний образ страны коммунистического периода, говорящей "нет". И сейчас настало время избавляться от такого стереотипа.

Огромную роль для взаимопонимания играют свободные визиты уроженцев четырёх островов

Как бы там ни было, Япония и Россия находятся ныне в столь хороших отношениях, какие невозможно было представить несколько лет назад. Вслед за безвизовыми обменами осуществляются и свободные визиты японских уроженцев Курильских островов. Эти свободные визиты стали результатом заверений, полученных от Президента Б.Ельцина во время официального визита в Москву в ноябре 1998 г. премьер-министра Кэйдзо Обути. Поначалу, несмотря на заявления премьер-министра Кэйдзо Обути о том, что "хотелось бы обеспечить возможность свободных посещений для уроженцев островов", реакции Президента Ельцина не было. Тогда премьер сказал: "Присутствующий здесь Судзуки - политик, избранный в том числе и уроженцами северных островов. Судзуки непременно хотел бы обратиться к Президенту Б.Ельцину с просьбой: "Уроженцы этих островов уже в возрасте 80-90 лет, у них остаётся не много времени. Они очень хотят ещё раз ступить на родную землю и хотят, чтобы их внуки хоть одним глазком увидели её". Взгляд Президента Б.Ельцина потеплел: "Хорошо, сделаем!" - сказал он. В дальнейшем, в мае 1999 г., Россию посетил министр иностранных дел Масахико Комура и имел беседу с министром иностранных дел И.Ивановым, в результате которой было достигнуто принципиальное согласие о свободных посещениях четырёх островов их бывшими японскими жителями.

Спустя четыре месяца, в сентябре 1999 г., были утверждены правила посещения японскими гражданами островов, и сразу же первая японская делегация посетила о-в Сибоцу из группы Хабомаи. Таким образом, реализация визита в столь короткий срок, можно сказать, стала символом формирования прочных отношений доверия между Японией и Россией.

Особое место, в рамках развития гуманитарных контактов, занимает вопрос о посещении могил японскими родственниками. Этому движению в этом году исполняется уже девять лет. За прошедшие годы на основании двусторонних договоренностей правом безвизовых визитов и свободного посещения могил родственников воспользовалось около семи тысяч человек.

По прибытии японских делегаций на острова контакты осуществляются по нескольким программам: встречи с представителями администрации четырёх островов, осмотр островов, различные встречи с населением, беседы, посещения домов жителей и т.п.

Особенно большую помощь в деле налаживания и углубления взаимопонимания оказывают непосредственные беседы с российским населением че-

тырёх островов во время митингов, открытый обмен мнениями по территориальной проблеме. Такая форма контактов, как чаепитие в семьях, приём и беседы в домашней обстановке становится очень важной, поскольку способствует установлению непосредственных контактов между населением двух стран. Условия жизни на острове остаются весьма суровыми, однако, когда приезжают японцы, их принимают очень хлебосольно, наготовив множество угощений.

Внушает радость тот факт, что, благодаря такому непосредственному обмену устраняются предрассудки и заблуждения, существующие как у российского населения четырёх островов в отношении нашей страны, так и у японцев, что способствует развитию взаимопонимания между нашими народами.

Помимо таких встреч с апреля позапрошлого года, были расширены рамки свободных посещений и на острова были направлены преподаватели японского языка. Кроме того, в том же году были командированы другие специалисты, работающие в сфере образования, в основном, преподаватели социальных дисциплин в средней школе, а также специалисты-вулканологи, специалисты по землетрясениям и др.

Кунашир, принявший разрушительный удар землетрясения

Обмены такого рода очень ценны. В последние годы и территориальная проблема во все большей мере рассматривается как в историческом плане, так и с точки зрения международного права. К настоящему времени в качестве члена парламента я побывал на северных островах уже четыре раза. В конце июня 1998 г. я посетил северные острова как государственный министр - начальник Управления развития Хоккайдо и Окинавы. С каждым визитом я всё больше чувствовал, как развивается взаимопонимание. Поездка позапрошлого года проходила в рамках оказания гуманитарной помощи: японская сторона получила перечень работ по восстановлению причала и портовых сооружений на Кунашире, разрушенных землетрясением, а также было проведено предварительное обследование с целью поставки и установки дизельной электростанции, о чём говорил в беседе с Президентом Б.Ельциным в Кавана тогдашний премьер Рютаро Хасимото.

Мы прибыли в Южно-Курильск на борту пассажирского парохода "Росаругоса". Недалеко от берега виднелось несколько наскочивших на камни судов. Выброшенные на берег цунами, они так и лежат, опрокинутые на бок. Акватория порта Кунашира - мелководье, наше судно в порт войти не смогло, поэтому мы пересели в шлюпки и направились к причалу. Если бы на море было волнение, то высаживаться было бы опасно. К счастью, в тот день был штиль. Первое впечатление от острова - "Запустение!". Трещины от землетрясения, безлюдные дома с окнами без стёкол. Дорог с покрытием нет, по облаку поднявшейся пыли издалека видно идущую машину.

Экономика Кунашира, пострадавшая из-за распада Советского Союза, после землетрясения оказалась в состоянии полной разрухи, а большая часть населения покинула остров. Ощущалась острая нехватка предметов домашнего обихода. Мы осмотрели школу и больницу и передали школьные принадлежности и шприцы. Директор школы признался мне: "Мы были бы благодарны, если бы удалось получить автобус, пусть и не совсем новый", а главный врач больницы передал мне список медицинских препаратов, которые желательно было бы получить в качестве гуманитарной помощи.

Остров Итуруп отличался от Кунашира: в городе было несколько магазинов, продавались продукты, предметы повседневного спроса, одежда, в том числе и модная, в которой щеголяли гуляющие по городу девушки. На Итурупе экономику поддерживает холдинг "Гидрострой", который, начав с завода по переработке морепродуктов, распространил своё влияние на банковское дело и строительство. Сам завод по переработке морепродуктов оснащён огромной

холодильной установкой японского производства, оборудованием по переработке рыбы, импортированным из США и Германии.

Нам говорили, что на Итурупe, выделяющемся экономическим развитием, настроения против возвращения островов Японии сильнее даже, чем на Кунашире. Однако на месте меня приветствовали горячо: "Вот из России министров нет, а из Японии часто приезжают". И даже в общей беседе, когда мы были вправе ожидать неодобрительных высказываний, не было сказано ни одного недоброго слова. Проживающий на острове корреспондент сахалинской газеты, сказал мне: "Жители островов выступают за скорейшее подписание мирного договора между нашими странами". Все это вселяет радостное чувство того, что ширится понимание необходимости улучшения взаимоотношений через экономическое сотрудничество.

К отношениям доверия по принципу "сосед ближе дальнего родственника"

Результаты опросов показывают, что в Сахалинской области, в которую административно включены северные территории, настроения против их возврата сильнее, чем в целом по России, поэтому следует ещё более углублять отношения с Сахалинской областью, в составе которой находятся четыре острова.

В настоящее время заключение мирного договора с Россией - это важное дело, и я полагаю, что путём настойчивого обсуждения его основных проблем будут естественно разрешены и второстепенные вопросы.

Излишне говорить, что территория является для государства и народа фундаментальным вопросом, и чтобы отныне сделать японо-российские отношения подлинно стабильными, желательно как можно скорее разрешить проблему северных территорий. Однако сегодня островами де-факто владеет Россия. Люди, в настоящее время проживающие на островах, выражают беспокойство за свое будущее: "А если острова передадут Японии...".

Я верю, что по мере развития связей между широкими слоями российского и японского обществ отношения взаимного доверия ещё более углубятся. Ныне живущее на островах российское население не имеет каких-либо предубеждений относительно возможности совместного проживания с японцами. По крайней мере, разве не существует необходимости прилагать усилия, чтобы сформировать отношения доверия по принципу "Сосед ближе дальнего родственника"?

Фактически же жители островов благодарны за разнообразную помощь, которую Япония оказала в связи с землетрясением, и которая исключительно важна с точки зрения построения отношений доверия.

Когда Япония после поражения во Второй мировой войне представляла собой выжженное пепелище, то именно благодаря помощи из-за рубежа ей удалось в дальнейшем превратиться в то, что сегодня называют экономической державой. То же самое можно сказать и о сегодняшней России, которая в связи с переходом от контролируемой государством экономики к рыночным отношениям находится в состоянии экономического беспорядка. Говорят: "Друг познаётся в беде".

Япония имеет "ноу-хау" и мощный экономический потенциал, чтобы помочь России. Со своей стороны Россия впервые в мире вывела в космос искусственный спутник земли, она обладает передовыми технологиями. Высок и интеллектуальный уровень нации. В отличие от Японии, не имеющей природных ресурсов, в России много природного газа, нефти и других полезных ископаемых. Если Россия и Япония установят более прочные отношения доверия и сформируют структуру мирного сотрудничества, значимость обеих стран в международном сообществе еще более возрастет. В дальнейшем их взаимоотношения могут перерасти форму двустороннего сотрудничества и развиваться в рамках общемировых связей.

Честное и достойное решение для обеих сторон - России и Японии

Я еще раз подчеркиваю, что, по моему мнению, в дипломатии нет ни победителей, ни побеждённых; важно добиваться взаимоприемлемых результатов. Поэтому вступать в переговоры с предварительными условиями вряд ли является лучшим вариантом.

Россия должна сохранить свою честь и достоинство. То же самое можно сказать и о Японии. Если не искать взаимоприемлемых позиций, движение вперёд окажется невозможным.

Согласно принятым высшим руководством Японии решениям, наша страна и впредь будет оказывать России посильную поддержку в её деятельности по проведению реформ, активно работать над развитием сотрудничества и укреплением отношений в различных областях. Вместе с тем необходимо прилагать максимальные усилия, чтобы на основе Токийской и Московской деклараций решить проблему возвращения четырёх северных островов, заключить мирный договор и достигнуть полной нормализации японо-российских отношений. Что касается Японии, то она осознаёт, что новая администрация Президента Путина пришла на длительный период и потребуются ещё более настойчивые, чем прежде, усилия, чтобы новая администрация и русский народ осознали, что полная нормализация отношений с Японией отвечает и государственным интересам России. До конца 2000 года остаётся немного времени. Уходящий год должен стать рубежом, с которого открывается новая история отношений России и Японии.

Премьер-министр Ёсиро Мори в беседе по телефону сразу после назначения на этот пост высказал своё личное мнение об отношении Президента В. Путина к Японии: "Он двадцать лет занимался дзюдо, поэтому не может не любить Японию". Президент Путин - человек решительный, он часто признавал, что в создании "мощной России" нельзя упускать роль Японии.

И Япония, и Россия являются странами-партнёрами по "Большой Восьмёрке". И разве не странно, что между этими двумя странами нет мирного договора? Полная нормализация японо-российских отношений, разрешение территориальной проблемы - это дело жизни, и я полон решимости вновь сосредоточить на этом все свои силы. Уроженцы островов уже достигли преклонного возраста, и это заставляет приложить ещё больше усилий, чтобы можно было сказать, что есть политики, думающие о проблеме островов.

Саммит АТЭС в Брунее

© 2001

С. Гончаренко

В середине ноября 2000 г. в столице султаната Бруней - городе Бандар-Сери-Бегаван - состоялся саммит АТЭС. Это уже восьмая встреча руководителей государств и территорий Азиатско-Тихоокеанского региона, которая явилась крупным международным событием и важной вехой развивающейся тихоокеанской интеграции.

Сейчас участниками АТЭС, или форума "Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество" (Asia Pacific Economic Cooperation), являются Австралия, Бруней, Вьетнам, Гонконг, Индонезия, Канада, КНР, Южная Корея, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Папуа-Новая Гвинея, Перу, Россия, Сингапур, США, Таиланд, Тайвань, Филиппины, Чили и Япония. Это разные по своему экономическому развитию государства и территории, и они по-разному оценивают перспективы регионального экономического сотрудничества. Часть участников, и прежде всего США и Япония, ВВП которых составляет, соответственно, 7,78 трлн.долл. и 4,8 трлн.долл., надеются с помощью АТЭС глубже проникнуть на рынки стран АТР. Другие участники, чей "экономический вес" поменьше, а экономика менее приспособлена к конкурентной борьбе, заинтересованы прежде всего в разработке и внедрении таких проектов и программ, которые позволят им получить практическую отдачу от достижений глобализации мировой экономики. Для них важно подготовиться к открытию своих рынков и обеспечить себе плавное вхождение в создающиеся интеграционные структуры. Поиск совпадающих интересов и взаимодополняемости с АТЭС - вот, собственно, цель каждого участника форума.

Практически все участники форума были представлены в Брунее на уровне высшего политического руководства. Российскую делегацию возглавлял В.В.Путин, американскую - Б.Клинтон, китайскую - Председатель КНР Цзян Цзэминь, японскую - премьер-министр Японии Ё. Мори; присутствовали лидеры и других государств. По традиции организаторы саммита в Брунее предоставили политическим лидерам хорошую возможность для личных контактов.

Как правило, в ходе саммита лидеры стран АТЭС уделяют основное внимание тем вопросам, которые для них наиболее актуальны. Для саммита в Брунее такой актуальной темой был вопрос распространения информационных технологий; в отдельных зарубежных публикациях встречу лидеров в Брунее даже называли "саммитом информационных технологий"¹.

Документы саммита: основные положения.

Предметным итогом саммита в Брунее стали традиционные документы - Декларация лидеров и Совместное заявление министров иностранных дел и торговли².

Большое внимание в *Декларации лидеров* уделяется вопросам глобализации, которая, как отмечается, необходима всем участникам форума, поскольку открывает возможность повышения жизненного уровня и благосостояния населения. Нелегко преодолевать социальные и экономические вызовы в связи с процессом глобализации, но благодаря разрабатываемым в рамках АТЭС программам экономического и технического сотрудничества успехи глобализации становятся доступными для всех его участников. Эту работу, подчеркнули лидеры, следует четче ориентировать на достижение практических результатов³.

Лидеры поручили своим правительствам повысить адресность и результативность имеющихся программ сотрудничества, заявили о намерении предпринимать дальнейшие усилия по укреплению экономики своих стран, извлечь уроки из недавнего финансового кризиса, укреплять институты финансового надзора и проведения структурных реформ внутри своих стран.

Важным элементом Декларации стала тема Интернета. Лидеры АТЭС намерены принять меры к тому, чтобы к 2005 г. утроить число его пользователей среди участников АТЭС, а к 2010 г. предоставить городским и сельским общинам стран АТЭС возможность стать коллективными пользователями Интернета. Япония заявила, что выделит 15 млрд.долл. на преодоление отставания развивающихся стран-участниц АТЭС в обеспечении доступа населения к Интернету.

В Декларации отмечается готовность участников форума поощрять расширение в АТЭС электронной торговли. Решено провести в 2001 г. специальную конференцию по этой проблематике и выяснить, насколько правила электронной торговли соответствуют нормам ВТО.

Лидеры считают, что усилия участников АТЭС по укреплению рынков, развитию людских ресурсов и поддержке малых и средних предприятий содействовали развитию "новой экономики", основанной на качественно ином использовании информационных и коммуникационных технологий. Поскольку в этом контексте, развитие информационных технологий должно стать основой обучения молодежи, были поддержаны программы АТЭС, повышающие профессиональную подготовку учителей и способствующие созданию в регионе эффективной системы образовательного менеджмента. Решено провести в Китае в 2001 г. совместную встречу представителей деловых кругов, государственных организаций и специалистов в области образования.

Лидеры АТЭС также одобрили инициативы по распространению в регионе системы дистанционного обучения, расширению охвата населения медицинским обслуживанием и сбору информации об инфекционных болезнях и поручили соответствующим ведомствам своих стран в 2001 г. разработать стратегию деятельности АТЭС по борьбе с инфекционным заболеваниями.

Как и аналогичные документы прошлых саммитов АТЭС, Брунейская декларация лидеров приветствовала усилия ВТО по выработке единых правил мировой торговли; лидеры АТЭС высказались за скорейшее открытие в 2001 г. нового раунда переговоров в рамках ВТО, заявили, что поддерживают стремление стать членами ВТО тех участников АТЭС, которые пока таковыми не являются (на момент проведения саммита АТЭС в Брунее в ВТО не участвовали Вьетнам, КНР, Россия и Тайвань; Китай в 2000 г. вел интенсивную работу по вступлению в ВТО, и вопрос о его приеме в эту организацию во многом уже решен). Как подчеркивается в Декларации, региональные и двусторонние торговые договоренности должны служить "строительным материалом" для многосторонней либерализации в ВТО и поэтому должны соответствовать правилам и нормам этой организации.

Вновь подтверждено (это делалось и на других саммитах) значение для развития сотрудничества в АТЭС индивидуальных планов действий по либе-

рализации торговли и инвестиций. Первоначально такие планы были подготовлены участниками АТЭС в 1996 г. и постоянно обновляются; в 2000 г. введена практика подготовки электронных версий индивидуальных планов действий, и благодаря этому их содержание стало доступно для деловых кругов.

В Декларации отмечена необходимость упрощения процедур, связанных с перемещением товаров и услуг, изменением расходов по международным торговым операциям, что, как было подчеркнуто, отвечает интересам малых и средних предприятий. Решено согласиться с рекомендациями Делового совета АТЭС и продолжить работу по облегчению таможенных процедур, координировать работу по взаимному признанию и унификации стандартов на выпускаемую технику и другие товары.

Внимание лидеров привлекли итоги состоявшихся в 2000 г. ряда встреч отраслевых министров АТЭС.

Министры телекоммуникаций и информационных технологий встречались в Канкуне (Мексика), результатом встречи стала разработка программы действий и принципов сотрудничества АТЭС в вопросах телекоммуникаций.

Министры энергетики собирались в Сан-Диего (США), итогом встречи стали предложения по мерам в области энергетической безопасности АТЭС, охраны окружающей среды и обмена опытом.

В Сингапуре проведена встреча министров образования. Намечены ключевые направления сотрудничества в АТЭС по развитию образовательных систем.

Встреча министров туризма состоялась в Сеуле; участники подготовили и представили на саммит в Брунее Хартию туризма АТЭС, в которой намечается программа развития туризма в регионе.

В Директивах лидеров (этот документ оформлен как приложение к Декларации лидеров) одобрены итоги проведенного в Сеуле Форума АТЭС по совместному процветанию и гармонии (в ходе этой встречи обсуждались вопросы создания благоприятных условий для устойчивого роста в экономической и социальной сферах АТЭС); проявлен интерес к гендерной проблематике, поддержаны усилия по интеграции женщин в деятельность АТЭС.

Лидеры выделили ряд направлений, развитие которых, как они считают, создаст в регионе АТЭС благоприятные условия экономического и социального характера. К таким направлениям работы отнесены:

-создание среды, благоприятной для укрепления рыночных структур и институтов (укрепление финансовых рынков, либерализация торговли в сфере телекоммуникаций и информационных технологий, сотрудничество между правительствами и представителями деловых кругов с целью получения более качественных услуг в сфере телекоммуникаций и др.);

-создание благоприятных условий для инвестиций в области инфраструктуры, развития технологий, предпринимательства (рабочие программы для защиты прав потребителей, осуществление таможенных процедур, оказание транспортных услуг, документы по электронным сделкам в рамках АТЭС);

-развитие людских ресурсов и предпринимательства (создание, в сотрудничестве с частным капиталом, центров профессиональной подготовки, проведение в 2001 г. симпозиума по электронной торговле, совместные усилия по повышению качества образования, создание в АТЭС сети кибер-образования и др.).

По сложившейся в АТЭС практике, формально декларации лидеров носят необязывающий характер (то есть считаются рекомендациями); однако фактически достигнутые лидерами договоренности задают "правила игры" в регионе. Из тех рекомендаций, которые могут оказать существенное воздействие на ситуацию во всем регионе, следует отметить достигнутую лидерами АТЭС

договоренность о том, чтобы допустить Северную Корею к участию в мероприятиях рабочих групп АТЭС (стать полноправным участником АТЭС КНДР сможет не раньше 2007 г., когда завершится десятилетний мораторий на прием новых членов).

Накануне саммита в Брунее состоялась встреча министров иностранных дел и торговли АТЭС. По итогам этой встречи было принято *Совместное заявление министров иностранных дел и торговли*. По своей сути документ сходен с Декларацией лидеров и отличается тем, что министры объясняют, как им практически видится решение стоящих перед АТЭС проблем⁴.

В Заявлении министров отмечается, что складывающаяся в мире и в регионе ситуация создает благоприятные условия для экономического развития в АТЭС и что реализация потенциала экономического роста зависит от тесного сотрудничества между правительственными и деловыми кругами и между самими участниками АТЭС, а также от использования возможностей, предоставляемых глобализацией, от степени приверженности АТЭС принципам открытой торговли.

Касаясь укрепления основ АТЭС, министры отметили необходимость для участников форума играть заметную роль в международных организациях и на мировом рынке. Министры, как и лидеры АТЭС, также подчеркнули важную роль индивидуальных планов действий в процессе либерализации торговли и инвестиций, подчеркнули необходимость постоянного обновления электронных версий этих планов. С удовлетворением отмечено, что в 2000 г. ряд участников АТЭС (КНР, Индонезия, Мексика, Перу, Сингапур, Тайвань и Таиланд) представили свои индивидуальные планы действий для комментариев других участников, в 2001 г. это намерены сделать Канада и Россия.

Министры отметили, что в регионе АТЭС экономический рост и развитие возможны через развитие торговли и экономического сотрудничества и что они должны соответствовать существующим глобальным вызовам и открывающимся возможностям.

В этом контексте положительную оценку получили деятельность Комитета по торговле и инвестициям АТЭС, работа над коллективными планами действий АТЭС (включая вопросы ранней добровольной секторальной либерализации и облегчения условий торговли), разработка нетарифных мер, внедрение принципов и правил технического контроля товаров и др.

Отмечено, что создание в регионе благоприятных условий для представителей бизнеса (обмен деловой информацией, выпуск "карты бизнесмена", создание веб-сайта для бизнесменов стран АТЭС и др.) снижает расходы по заключению сделок. Решено к моменту проведения очередной встречи министров торговли (июнь 2001 г.) разработать комплекс мер по облегчению торговли (что, как предполагается, станет и полезным вкладом в работу ВТО). В процессе подготовки этих мер будет использован опыт отдельных участников форума (в частности, Канады).

Одобрены конкретные направления сотрудничества в рамках АТЭС (экономическое и техническое сотрудничество в ЭКОТЕХ, которым занимается Подкомитет АТЭС по экономическому и техническому сотрудничеству, деятельность Фонда образования АТЭС и др.).

Большое значение имеет работа по развитию людских ресурсов в регионе; старшим должностным лицам АТЭС поручено разработать стратегию развития людских ресурсов, которая определит для АТЭС цели, приоритеты и принципы такой работы. В Экономическом комитете АТЭС создается специальная группа по вопросам развития людских ресурсов.

Учитывая важность обеспечения притока стабильных инвестиций в регион, министры поддержали предложение России провести во Владивостоке в 2002 г. инвестиционную ярмарку и симпозиум по вопросам инвестиций.

Еще один важный элемент Заявления министров – внимание развитию в АТЭС образовательных систем, которое включает развитие информационных технологий, повышение эффективности и качества преподавания.

В ходе саммита объявлено о договоренностях между несколькими участниками АТЭС в отдельных сферах сотрудничества. Так, США, Бруней, Чили, Новая Зеландия и Сингапур объявили о достижении договоренности заключить многостороннее соглашение об "открытом небе", устанавливающее единые стандарты для полетов коммерческих гражданских воздушных судов и снимающее ограничения на выбор маршрутов над территориями стран-участниц соглашения. (США имеют такие соглашения с 50 странами на двусторонней основе). На саммите в Брунее заключено первое многостороннее соглашение такого рода, и оно, по мнению экспертов, открывает для американских компаний возможности выхода на рынки других стран региона⁵.

Россия на саммите

Россия в третий раз (после Куала-Лумпура в 1998 г. и Окленда в 1999 г.) участвовала в саммите АТЭС. Впервые российскую делегацию возглавлял Президент Российской Федерации (на саммите в Окленде В.В.Путин был руководителем российской делегации в качестве главы российского правительства). В состав официальной российской делегации вошли также вице-премьер, председатель комиссии правительства РФ по вопросам АТЭС И.И.Клебанов, министр экономического развития и торговли Г.О.Греф, секретарь Совета Безопасности С.Б.Иванов, председатель Российского национального комитета по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству и глава администрации Хабаровского края В.И.Ишаев, депутат Государственной Думы Г.И. Райков.

В канун саммита в Брунее в российской печати (а затем и в зарубежных СМИ) была опубликована статья В.В.Путина, в которой глава российского государства изложил видение роли России в АТР и перспектив ее отношений со странами этого региона⁶. "Россия всегда ощущала себя евроазиатской страной, - подчеркнул президент. - Полновесное участие России в процессах экономического взаимодействия на пространствах Азии и Тихого океана - естественно и неизбежно. Ведь Россия - своеобразный интеграционный узел, связывающий Азию, Европу и Америку. Имеется широкий спектр возможностей: от сотрудничества по энергетике, по вопросам экологии, эксплуатации морского шельфа до развития транспортных связей и реализации конкретных экономических и инвестиционных проектов... АТР будет всегда нуждаться в России - и в вопросах сохранения стабильности и безопасности, и в обеспечении баланса интересов всех сторон. Мы готовы сотрудничать и с большими, и с малыми государствами региона. С экономически развитыми и теми, кто пока только стремится достичь этого уровня... Наша страна, проходящая этап глубинных внутренних преобразований, заинтересована в общем оздоровлении региональной обстановки, сохранении в Азии и на Тихом океане стабильной, предсказуемой ситуации... Мы с оптимизмом смотрим в будущее и уверены, что следующее тысячелетие - это время новых возможностей для АТР"⁷.

Эта статья, являющаяся, по сути, программой деятельности России в АТЭС и в АТР, во многом определила тональность выступлений В.В.Путина в ходе мероприятий саммита. Выступая перед представителями деловых кругов стран-участниц форума, российский президент продемонстрировал приверженность либеральным идеям и понимание того, что глобализация требует усиления роли государства - как в торговле и экономике, так и, в большей сте-

пени, в облегчении доступа населения этих стран к преимуществам новых технологий, подчеркнул, что политическая стабильность необходима для экономического роста - равно как и экономический рост обеспечивает стабильное политическое развитие⁸.

Руководители стран-участниц АТЭС используют проводимые саммиты для неформального общения, для того, чтобы в непринужденной обстановке, "без протокола", обсудить актуальные проблемы мирового экономического развития.

График брунейских встреч российского президента оказался достаточно насыщенным. Состоялись двусторонние встречи В.В.Путина с султаном Брунея Хассаналом Болкиахом, с премьер-министром Японии Ё.Мори и президентом США Б.Клинтон (параллельно проходила и беседа двух помощников президентов по национальной безопасности). В.В.Путин встретился также с президентами Южной Кореи Ким Дэ Чжуном и Перу Рикардо Лагосом, беседовал с президентом КНР Цзян Цзэмином (обсуждалась роль Китая как следующего хозяина саммита АТЭС в октябре 2001 г. в Шанхае) и с премьер-министром Малайзии Махатхиром Мохаммадом.

Еще до саммита определилось несколько направлений сотрудничества в АТЭС, в которых Россия особенно заинтересована и уже включилась в практическую работу. Так, представители министерства промышленности и науки участвуют в обсуждении вопросов создания новых материалов (эта проблематика обсуждается на заседаниях рабочей группы АТЭС по промышленной науке и технологиям); представители российского Госстандарта принимают участие в разработке концептуального подхода в вопросе контроля за безопасностью потребительского рынка. Представители министерства по антимонопольной политике и поддержке предпринимательства побывали на министерских встречах по проблемам малых и средних предприятий, содействуют созданию веб-сайта АТЭС по вопросам инновационного сотрудничества.

Актуальна для России проработка вопросов, связанных с укреплением правовой инфраструктуры региональной экономики, сертификацией экспорта морепродуктов, сотрудничеством в вопросах образования и здравоохранения. Большое значение (в особенности для дальневосточных районов России) имеет значительный инвестиционный потенциал стран АТЭС. Стремясь содействовать привлечению таких инвестиций, Россия предложила провести во Владивостоке в 2002 г. два мероприятия АТЭС по вопросам инвестиций: ярмарку и симпозиум. Российские представители участвуют в работе Делового консультативного совета АТЭС - представительного органа деловых кругов стран региона, в котором каждого участника форума представляют три назначаемых государством крупных бизнесмена. От России в ДКС сейчас участвуют представители Газпрома (В.Ремизов), Межпромбанка (С.Веремеенко) и Ростелекома (А.Вышлов).

Помимо встреч на высшем уровне, в Брунее состоялись двусторонние и достаточно продуктивные беседы российских представителей из состава официальной делегации с участниками других делегаций, в ходе которых традиционно уточнялись позиции сторон по международным и двусторонним вопросам. Так, заместители министров иностранных дел России и Брунея подписали меморандум о взаимопонимании - документ, открывающий возможности для развития двусторонних отношений и определяющий механизм такого сотрудничества⁹.

Саммит в Брунее позволил России закрепить свои позиции в форуме, почувствовать себя равноправным тихоокеанским партнером. Видимо, это главный итог, и его значение особенно важно для будущего в свете того факта, что по ряду экономических показателей (в частности, по объему торговли, уровню экспорта и импорта) Россия пока что уступает не только крупнейшим

участникам форума – США, Японии, Китаю, Канаде, но и некоторым менее крупным – Гонконгу, Южной Корее, Мексике и Сингапуру.

Как помочь бизнесу.

Одна из главных задач АТЭС – стимулировать развитие деловых контактов и сотрудничество бизнесменов. Поэтому, по традиции, параллельно со встречами политическими лидерами и министрами в рамках саммита встречались и бизнесмены. В Брунее проведены Деловой форум АТЭС и саммит старших должностных лиц АТЭС. Деловой консультативный совет АТЭС, в состав которого входят руководители крупнейших компаний стран АТР (всего около 400 человек), представил на рассмотрение лидеров доклад по проблемам глобализации (с ним выступил председатель этого совета Тимоти Онг). В докладе подчеркивается необходимость для всех участников АТЭС продолжать работу по либерализации торговли и инвестиций, укреплять финансовую систему в регионе и в отдельных странах-участницах форума, продолжать вести секторальный диалог между представителями государства и деловых кругов. Торговля сама по себе не может построить или создать мощные финансовые системы либо иметь дело с вызовами, которые предлагают цифровые технологии, но она должна оставаться в центре внимания АТЭС, подчеркнул Тимоти Онг¹⁰.

Впрочем, ясно, что сделать это нелегко хотя бы потому, что участники АТЭС существенно различаются не только по своим экономическим показателям, но и по возможностям доступа к информационным технологиям. На это, как отмечалось, лидеры АТЭС обратили внимание в своей декларации; об этом же в период саммита много писали и в прессе. Вот наглядный тому пример, приводившийся в материалах, широко распространявшихся в ходе брунейского саммита. 23,8 процента населения стран Северной Америки, но лишь 1,5 процента населения стран Южной Америки имеют доступ к Интернету, 52 процента населения США и только 3,8 процента населения стран Латинской Америки имеют персональные компьютеры, к кабельному телевидению подключены 69 процентов квартир в США и 11 процентов квартир в странах Латинской Америки¹¹. Не так-то просто ликвидировать эти и другие диспропорции.

Не меньшие диспропорции можно обнаружить не только в американской, но и в азиатской зоне АТР. Так, в благополучном Сингапуре, население которого составляет 3,4 млн. чел., насчитывается полмиллиона компьютеров. А в Папуа-Новой Гвинее, со сходной численностью населения (4,21 млн. чел.), имеется лишь около 40 тыс. компьютеров. ВВП Сингапура составляет 101,8 млрд. долл., Папуа-Новой Гвинее – 5 млрд. долл. Все это означает, что, помимо развития информационных технологий, странам АТЭС необходимо вкладывать средства в образование, программы здравоохранения и традиционную инфраструктуру. Иными словами, когда часть стран АТЭС ставит задачей снабдить компьютером каждый школьный класс, в других странах-участницах остаются местности, где вообще нет школ.

Б.Клинтон в качестве президента США присутствовал на саммите АТЭС в восьмой раз, что само по себе свидетельствует о значении, которое придают этой региональной организации Соединенные Штаты. Выступая перед участниками делового консультативного совета АТЭС, Клинтон утверждал, что участникам форума следует сосредоточиться на четырех основных направлениях сотрудничества: продолжать модернизацию экономики путем развития электронной торговли и внедрения информационных технологий во всех сферах экономической активности, открывать рынки стран Азии для развития торговли и привлечения инвестиций, продолжать преодолевать последствия

финансового кризиса, ускорять финансовую реструктуризацию. Следует также признать, говорил Клинтон, что открытые рынки сами по себе не могут гарантировать такой экономический рост, которого хотят добиться все участники АТЭС. Нужны некие "страховочные сети" (под этим термином подразумеваются мероприятия по гражданскому воспитанию, перепрограммированию трудного детства подростков и др.). В таких регионах, как АТЭС, где происходит быстрое старение населения, эти меры особенно важны. Следует направлять больше инвестиций на образование и обеспечивать как можно более широкий доступ к нему населения, совместно работать над созданием мощной социальной инфраструктуры.

В США полагают, что АТЭС закладывает основу безопасного, стабильного и процветающего АТР. В Вашингтоне исходят из того, что в 90-е гг. в странах-участницах АТЭС имели место более быстрые темпы экономического роста, чем в странах любого другого региона мира, эти страны больше торговали, получали больше инвестиций, создавали больше рабочих мест и имели более высокий жизненный уровень населения.

О другой, политической стороне сотрудничества, пишет "Вашингтон пост". Напомнив, что на первом саммите АТЭС в Сиэтле (1993 год) Клинтон утверждал, что безопасность США привязана к экономике и что роль США в мире будет определяться как способностями и квалификацией американских рабочих, так и мощностью американского оружия, обозреватель этой газеты утверждает, что сегодня мощное американское присутствие необходимо Азии как гарант демократии, мира и справедливых правил торговли. В условиях отсутствия в Азии регионального союза типа НАТО лучшим средством привязать Америку к Азии является АТЭС.¹²

Не закрывая глаза на существующие проблемы, участники брунейской встречи лидеров и представителей деловых кругов форума, в общем-то, сошлись в оценке складывающихся в АТР и АТЭС реалий. Эти реалии состоят в том, что к концу 90-х гг. сформировалось по крайней мере три сферы сотрудничества, существование которых отвечает интересам как развитых, так и развивающихся государств-участников форума.

Первая сфера – торговля информационными технологиями и телекоммуникационной продукцией (по некоторым подсчетам, в 1999 г. участниками АТЭС было выпущено такой продукции на 2 трлн.долл.). Ее ведущими экспортерами являются США, Япония и некоторые азиатские страны; эта продукция составляет более половины экспорта некоторых из участвующих в АТЭС стран (например, Малайзии и Филиппин). Вторая сфера – электронная коммерция, объем которой, по некоторым подсчетам, уже через 3-5 лет может достигнуть нескольких триллионов долларов. Три четверти этой торговли приходится на участников АТЭС – страны Азии и Северной Америки. Главным препятствием для ее роста является отсутствие надлежащей правовой основы, обеспечивающей заключение трансграничных сделок. Третья сфера – работа на формирующихся региональных рынках капитала. Пока такие рынки (а они сосредоточены главным образом в азиатской части АТЭС) недостаточно развиты и слабо регулируются.

Двусторонние договоренности

Проведение мероприятий саммита было использовано отдельными участниками форума для того, чтобы формализовать достигнутые ранее двусторонние договоренности о развитии торговли и экономических связей, в результате чего было подписано несколько документов (или было заявлено о намерении их подписать).

Достаточно активной была Япония, объявившая, что в январе 2001 г. она предполагает начать, а концу 2001 г. завершить выработку двустороннего соглашения о свободной торговле с Сингапуром. Также было объявлено, что аналогичные соглашения Япония предполагает заключить и с Южной Кореей, Мексикой, Канадой и Чили. Как сообщил в интервью в ноябре 2000 г. заместитель генерального директора Агентства по экономическому планированию Японии М.Таниучи, Япония намерена продвигать либерализацию торговли посредством двусторонних или субрегиональных соглашений со странами, которые разделяют ее точку зрения¹³.

Сингапур объявил о готовности подписать двусторонние соглашения о свободной торговле не только с Японией, но и с Чили, Мексикой, Канадой, Австралией, а также с Индией (не участвующей в АТЭС). 14 ноября (в канун встречи лидеров АТЭС) премьер-министры Сингапура и Новой Зеландии подписали соглашение о более тесном экономическом сотрудничестве. В соответствии с этим соглашением, которое вступило в силу 1 января 2001 г., Сингапур предоставит Новой Зеландии доступ на свои рынки услуг, включая образование, телекоммуникации, охрана окружающей среды, здравоохранение и строительство; новозеландские бизнесмены будут участвовать в выполнении некоторых контрактов, заключаемых при участии правительства Сингапура. Новая Зеландия предоставит сингапурским бизнесменам возможность доступа на рынок услуг в сфере транспорта, здравоохранения, охраны окружающей среды и др.¹⁴

Новая Зеландия изучает возможность подписания таких же договоров с Чили, Мексикой и Гонконгом; Южная Корея – с Японией, Австралией, Канадой, Чили и Мексикой. Ожидается, что подписание таких соглашений позволит ускорить процедуру трансграничного перемещения товаров за счет использования информационных технологий; вся информация по поставкам товаров будет компьютеризирована.

Словом, участники АТЭС в той или иной форме проявляют заинтересованность к подписанию двусторонних торговых соглашений, нередко предпочитая их многосторонним договоренностям. Они подчас не скрывают при этом и скептического отношения к новому раунду торговых переговоров в рамках ВТО. В Брунее эту мысль откровенно высказывали представительница Малайзия (министр торговли и промышленности Рафида Азиз) и представитель Таиланда (вице-премьер Супачай Паничпакди). Как заявила Рафида Азиз, нельзя проводить новый раунд переговоров без предварительного согласования его повестки дня. Малайзия настаивает на обсуждении в ходе раунда вопроса об антидемпинговых процедурах, однако этому препятствуют США и другие развитые страны. Те хотят быстро открыть рынки и торговать без ограничений, их не волнует, если менее развитые страны сталкиваются из-за этого с проблемами, подчеркнула Рафида Азиз. Представитель Таиланда (а он одновременно является и будущим гендиректором ВТО), со своей стороны, предупредил, что еще один после встречи в Сиэтле (декабрь 1999 г.) провал торговых переговоров в рамках ВТО может стать ударом для ВТО, которая остается "клубом" для богатых стран, и предложил принять меры для подлинной интеграции в нее развивающихся стран.

Сохраняются и "околоатэсовские" проблемы, которые тоже влияют на ход сотрудничества в АТЭС. Одна из таких проблем – положение в АФТА (зоне свободной торговли АСЕАН) – единственном многостороннем торговом соглашении, действующем в азиатской части АТР. Не так давно Малайзия – один из участников АСЕАН – отказалась отменить ввозные пошлины на автомобили, мотивируя свое решение стремлением поддержать собственную автомобильную промышленность. Этим был весьма разочарован Таиланд, где автомобилестроение является одной из наиболее развитых отраслей промышленности.

На недавней министерской встрече АСЕАН в октябре 2000 г. в Чиенгмае было решено не соглашаться с предложением об установлении более тесных экономических связей АСЕАН с Австралией и Новой Зеландией (с такой инициативой выступили Канберра и Веллингтон). Представители Малайзии и Индонезии заявили в Чиенгмае, что установлению такого рода связей препятствуют существующие политические условия. Приведенные примеры показывают, что эффективность сотрудничества в АТЭС будет, видимо, во многом зависеть и от того, насколько успешно участники форума смогут договариваться между собой по вопросам двусторонних торгово-экономических отношений.

Место следующего форума - Китай

Большой интерес участников форума вызвало выступление президента КНР Цзян Цзэминя. Давая оценку роли АТЭС в развитии регионального сотрудничества, он подчеркивал, что эта организация играет важную роль в обеспечении открытости рынков в АТР, определяет цели и устанавливает график этого сотрудничества, формулирует программы действий, расширяет возможности региональной торговли и либерализации инвестиций. В Китае считают, отметил Цзян Цзэминь, что форум АТЭС должен создавать лучшие условия для функционирования деловых сообществ региона, в частности, в вопросах электронной торговли, сотрудничества в развитии технологий и их передаче. "Китай установил и развивает тесные связи с участниками АТЭС; в АТР сосредоточены основные рынки сбыта китайской экспортной продукции, из этого региона в Китай идет основной поток иностранных инвестиций. В будущем Китай намерен продолжать играть позитивную и конструктивную роль в АТЭС", заявил Цзян Цзэминь¹⁵.

На 2001 г. председательство в АТЭС перешло к Китайской Народной Республике, которая станет главным инициатором и организатором мероприятий форума. Следующий саммит АТЭС намечается провести в Шанхае в октябре 2001 года. Тема этого форума - "Новый век, новые вызовы: участие, сотрудничество, содействие совместному процветанию" - определяет основные деятельности АТЭС в 2001 г.

В Китае действительно серьезно и ответственно относятся к этому мероприятию. В январе 2000 г. в Китае был образован подготовительный комитет саммита АТЭС 2001 г., председателем которого был назначен министр иностранных дел КНР Тан Цзясюань, а заместителем председателя - министр внешнеэкономических связей и внешней торговли КНР Ши Гуаншэн; в состав комитета вошли руководящие работники Госсовета КНР, центральных министерств и ведомств, правительства Шанхая. На втором заседании подготовительного комитета в ноябре 2000 г. Тан Цзясюань заявил, что проведение саммита АТЭС 2001 г. является самой важной внешнеполитической задачей Китая в начале 21 века и что Китай намерен провести его как мероприятие высшего уровня и эпохального значения.¹⁶

В 2001 г. будут проведены заседания рабочих групп АТЭС, встречи министров торговли (июнь), по делам малых и средних предприятий (август) и финансов (сентябрь), симпозиумы и конференции. Имеются все основания полагать, что Россия примет активное участие в этих и других мероприятиях форума.

1. Digital Divide. To bridge it, nations need to invest in basics. // Asiaweek. December 1, 2000. P. 20.

2. Принятые в Брунее Декларация лидеров и Совместное заявление министров иностранных дел и торговли во многом сходны, а в ряде случаев дополняют, но не подменяют друг друга. Так было и на других саммитах АТЭС.
3. APEC Economic Leaders' Declaration. Bandar Seri Begavan, Brunei Darussalam. 16 November 2000.
4. Twelfth APEC Ministerial Meeting Joint Statement. Bandar Seri Begavan, Brunei Darussalam. 12-13 November 2000.
5. News Express. Brunei Darussalam. 2000. 16 November. P. 1.
6. Владимир Путин. Россия: новые восточные перспективы. Полновесное участие нашей страны в экономическом взаимодействии на пространствах Азии и Тихого океана естественно и неизбежно. // Независимая газета. 2000. 14 ноября. С. 1,6.
7. Там же.
8. Там же.
9. News Express. Brunei Darussalam. 2000. 16 November. P. 10.
10. News Express. Brunei Darussalam. 2000. 15 November. P. 20.
11. Ibid. P.17.
12. Borneo Bulletin. Brunei Darussalam. 2000. 16 November. P.6.
13. Richardson M.. Asians shift to bilateral trade deals. New trend underscores frustration with WTO // International Herald Tribune. 2000. November 14. P. 11.
14. News Express. Brunei Darussalam. 2000. 15 November. P. 24.
15. Цит. по: Focusing on Asia. - International Herald Tribune. 2000. November 15. P. 8.
16. Цзефан жибао (Шанхай). 2000. 22 ноября.

Формирование диалоговых механизмов в сфере безопасности в АТР: позиция США

© 2001

В. Федотов

После прихода к власти в 1993 г. администрации Клинтона в США в принципе сложилось устойчивое положительное отношение к диалоговым механизмам в сфере безопасности в АТР. Однако они представляются Вашингтону приемлемыми лишь в качестве средства поддержания и упрочнения американского лидерства, дополнения ранее созданных США структур безопасности, предотвращения вызовов американскому преобладанию в регионе.

Первую фразу подготовленного японским Национальным институтом оборонных исследований (НИОИ) "Восточноазиатского стратегического обозрения за 1997-1998 гг." можно считать удачным определением основ подхода США ко всей проблематике безопасности в постконфронтационный период: "Среди усилий по установлению нового мирового порядка после холодной войны Организация Североатлантического договора (НАТО) и отношения безопасности между Японией и США остаются основными орудиями безопасности в Европе и Восточной Азии"¹. Устоями нового миропорядка остаются два крупнейших военно-политических механизма, которые были созданы США для ведения "холодной войны" и продолжают использоваться для охвата всего евразийского пространства клещами американской мощи; они же должны служить базами структурирования любых новых моделей безопасности.

После "холодной войны" в США имели место три основных пересмотра военной стратегии и оборонного планирования. Первым была разработанная администрацией президента Дж. Буша - старшего и обнародованная 2 августа 1990 г. "Региональная оборонная стратегия", требовавшая перехода от противодействия советской угрозе к учету и отражению региональных угроз. Однако намечавшаяся в связи с этим на 1995 г. реорганизация вооруженных сил не состоялась вследствие поражения Буша на выборах 1992 г.

В октябре 1993 г. правительство У. Клинтона представило "Основополагающий доклад" ("Боттом-Ап Ревью"), излагавший новый план обороны. В докладе давалась определенная переоценка угроз для США, выдвигалось требование о готовности к ведению двух региональных войн (типа войны в Персидском заливе и возможного конфликта в Корее) и намечалось сокращение в 1999 г. общей численности ВС до 1,4 млн. чел. при сохранении сильных группировок передового базирования в Европе и Азии.

Наконец, после решения конгресса в 1996 г., обязавшего министерство обороны предоставлять каждые 4 года доклад о том, насколько сбалансированной является военная стратегия с точки зрения соответствия военных ассигно-

---

Федотов Владимир Павлович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра АТР Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России.

ваний реалиям безопасности, первый такой доклад (май 1997 г.) подтвердил подходы "Боттом-Ап Ревью" и дал оценку положения в сфере безопасности на период с 1991 по 2015 гг. В нем было подчеркнуто, что США должны действовать в мировых делах как единственная сверхдержава, и отмечено, что за это время может появиться держава способная в военном отношении бросить вызов США на региональном и глобальном уровне (вероятнее всего, Китай или Россия).

Рекомендации доклада сводились в основном к необходимости поддержания безусловного военного и технологического (силового) превосходства США, а также их активного политического и военного участия в жизни мирового сообщества, формирования в первую очередь благоприятной для США ситуации безопасности (мировой обстановки)².

Во всех трех документах главная ставка делается на силовой фактор, берется курс в первую очередь на сохранение структур безопасности, созданных США во время "холодной войны", и фактически всех 42 подписанных ими за это время соглашений.

При этом, опираясь на военную мощь и будучи готовыми всегда применить ее, США с помощью дипломатических и других средств более широко "используют свою лидирующую роль", чтобы, согласно официальной трактовке, придавать нужное направление интеграционным тенденциям, вносить коррективы в существующие политические и экономические институты и структуры безопасности, а также формировать новые организации "для продвижения американских интересов и ценностей", исходя из "неразрывности связей" этих интересов в сфере экономики и безопасности. "В соответствии с обстановкой" идут "процессы адаптации и укрепления" альянсов и коалиций с участием США, "корректируются отношения с ведущими державами" и "при необходимости" создаются "новые международные структуры"³.

Все перечисленные составные стратегии США находят наглядное проявление в АТР, причем при создании "новых международных структур" акцент делается как раз на диалоговые механизмы, хотя к признанию их США пришли далеко не сразу, отклоняя долгое время соответствующие предложения не только бывшего СССР, но и своих союзников (Австралия). Политика США в АТР определяется сложнейшим комплексом исторических, экономических, политических, военных и других факторов. При очевидной невозможности охватить эту тему целиком стоит все же отметить следующее.

Во-первых, в отличие от России, США практически уже с конца XIX в. являются крупнейшей тихоокеанской державой, главный потенциал которой устойчиво перемещался в сторону тихоокеанского побережья при ускорении этого процесса в послевоенные и, особенно, в 80-90е гг. Сюда же переносятся в последние десятилетия основные направления внешнеэкономической и внешнеполитической деятельности Вашингтона. Вынашивавшиеся со времен адмирала Мэхэна идеи морского могущества связывались с Тихим океаном и наиболее полно и наглядно реализованы именно там. Всякие намеки на контроль или сокращение морских вооружений наталкивались на вашингтонское табу (появившийся было слабый проблеск в этой сфере исчез с распадом СССР). В борьбе за Тихий океан и Азию США прошли свой этап колониализма, который не сыграл решающей роли⁴, и обрели здесь господствующие позиции, закрепленные в ходе "холодной войны" военными пактами, разветвленным военным присутствием и масштабными экономическими связями почти со всеми странами региона. Как отмечал в 1990 г. тогдашний министр обороны (ныне избранный вице-президентом США) Р. Чейни, национальные силы США в АТР никогда "даже частично" не были ответной реакцией на политику СССР, США оставались бы причастными к делам региона и без вовлечения в них Совет-

ского Союза, а их военное присутствие в АТР носило независимый от конфронтации с СССР характер.

Во-вторых, подчеркиваемая "неразрывность связей американских интересов в сфере экономики и безопасности" в АТР приобретает для США особое значение. С 1990 г. объем внешнеэкономических связей США со странами АТР устойчиво превышает объем таких связей со странами евроатлантической зоны. Значение Восточной Азии превзошло в этом плане значение Европы.

В-третьих, в Европе переговорные процессы развивались в русле биполярности, обеспечивая паритетность в тех договоренностях, которых удавалось достигать. В АТР же наряду с противоборством СССР-США сложилась многополярная система международных отношений с множественностью потенциальных конфликтов и линий конфронтации. США исходили из того, что не следует подвергать свои и без того преобладающие позиции в АТР, вступая в многосторонние переговоры-диалоги, которые, как они опасались, могли бы дать тот или иной выигрыш Советскому Союзу.

Зато на исходе "холодной войны", с распадом СССР и появлением на его месте нынешней России, быстро набирает силу мотивация в пользу многосторонних региональных диалогов. Этому способствовали усиление Китая, выход Японии в регионе на ведущие позиции, рост влияния АСЕАН, обострение региональных противоречий (корейская и тайваньская проблемы, острова Южно-Китайского моря, Камбоджа и др.), возрастание силового потенциала многих региональных стран, изменения в поведении союзников (решение Филиппин в 1992 г., например, заставило США закрыть две самые крупные базы в этой стране), обострение региональных и глобальных экономических споров, включая долгую тяжбу США с ЕС на уругвайском раунде ГАТТ 1987-94 гг., необходимость "упорядочения" системы своего присутствия в АТР в новых условиях и т.д.

Как отмечается в одном из исследований, побудительной причиной для США "спонсировать" создание региональных институтов по вопросам сотрудничества в областях экономики, политики и безопасности является то, что "азиатский регион становится слишком могущественным для того, чтобы США могли либо сдерживать, либо контролировать его, опираясь только на свои возможности. США трудно добиваться реализации двух своих важнейших целей и интересов в АТР- предотвращению появления региональной державы, способной представлять прямую военную угрозу США или их основным союзникам, а также улучшения доступа к "динамичным экономикам" региона, - если они будут "цепляться" только за систему инициированных в 1951 г. военных альянсов, целью которых было "посылать сигнал сдерживания Советскому Союзу"⁵.

Краеугольным камнем политики США в АТР останется, тем не менее, военно-политическая система, созданная в период "холодной войны", опора на свои ВС передового развертывания (100 тыс. чел.) и военные союзы. Согласно заявлению У. Клинтона, "для сдерживания региональной агрессии и защиты наших интересов мы сохраним здесь наше военное присутствие. Наличие договорных отношений США с Японией, Республикой Корея, Австралией, Таиландом и Филиппинами и обязательство иметь в регионе группировку ВС США численностью 100 тыс. человек служат основой для выполнения нашей роли в сфере безопасности"⁶. Министр обороны США У. Коэн заявил, что упомянутая президентом группировка ВС будет оставаться в АТР практически неограниченное время⁷.

В "процессе адаптации альянсов" не все идет так, как хотелось бы США. Выше уже было упомянуто о выводе баз США с Филиппин. Таиланд отказался разместить в своих водах "станции снабжения" - корабли -арсеналы,

продвигаемые США на передовые рубежи "на всякий случай"⁸. Индонезия и другие страны АСЕАН считают, что военное присутствие США в АТР вообще должно обходиться без баз⁹. Даже сингапурцы предостерегают Вашингтон, что если он решит "сдерживать Китай", то ему, "наверное, придется делать это в одиночку"¹⁰.

Но в целом можно говорить не об ослаблении, а об усилении военного присутствия США в АТР. Они договорились с Китаем о продолжении практики захода американских кораблей в Сянган после его вхождения в состав КНР, а утраты на Филиппинах компенсировали услугами, предоставленными Сингапуром. Главное же в том, что именно в 90-е гг. США активизировали свой военный союз с Японией и расширили сферу его действия практически на весь регион, как это вытекает из Совместной японо-американской декларации, подписанной в апреле 1996 г., и еще более — из "Основных направлений сотрудничества между Японией и США в области обороны" от 23 сентября 1997 г.¹¹.

Как постоянно отмечают многие исследователи, с исчезновением СССР потеряла смысл прежняя мотивация американского военного присутствия в АТР, и в политике США в регионе в целом центр тяжести заметно сместился в сторону обеспечения собственных экономических интересов. Это военное присутствие предназначено не столько предотвращать некие новые, пока гипотетические, угрозы, сколько контролировать региональную ситуацию, включая оказание давления на союзников-конкурентов, с тем, чтобы США могли удерживать здесь господствующие экономические позиции.

США на исходе "холодной войны" направили свои усилия прежде всего на создание механизмов, прокладывающих путь к экономическому доминированию. В разгар уругвайского раунда им удалось реализовать проект межправительственного консультативного форума, получившего название Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), хотя формально инициатива его созыва принадлежала Австралии (ноябрь 1987 г.). Тем самым США блокировали формирование вызревшей восточноазиатской экономической группировки под эгидой Японии и взяли под контроль интеграционные процессы, получающие развитие в АСЕАН. В самый критический момент уругвайского раунда президенту Клинтону удалось реализовать идею встреч стран-участниц АТЭС на высшем уровне (встречи "экономических лидеров АТЭС"), первая из которых состоялась в Сизтле в 1993 г., и в известной мере использовать этот форум в американском противоборстве с ЕС, продвигая через него программу либерализации торговли и инвестиций, а также принцип "открытого регионализма".

США не раз осторожно давали понять, что они были бы не прочь постепенно превратить АТЭС в консультативный форум также по вопросам региональной политики и безопасности, направляя его по пути соответствующей институционализации. Но эти замыслы Вашингтона встречают решительный отпор со стороны других участников АТЭС, прежде всего Китая и стран АСЕАН.

Как бы то ни было, выход США на лидирующие позиции в интеграционных делах АТР придавал дополнительный вес приведенной выше аргументации в пользу поиска механизмов и структур, позволяющих обсуждать региональную безопасность, которая является важнейшей предпосылкой интеграции и экономического сотрудничества.

В декабре 1991 г. госсекретарь Дж. Бейкер выступил с заявлением о заинтересованности США в многостороннем диалоге по безопасности в АТР, обосновывая ее возможным определенным пересмотром американской стратегии в этом регионе. В 1992-93 гг. аналогичные заявления делались специаль-

ным помощником госсекретаря Р. Соломоном, конгрессменом С. Соларзом, помощником госсекретаря по делам Восточной Азии У. Лордом и другими.

Развернутое изложение американской позиции было дано Клинтонем в июле 1993 г. в Токио и в Сеуле, когда он выступал с идеей формирования "нового тихоокеанского сообщества" (идея эта с американской подачи так или иначе муссировалась с 1961 г.). Клинтон обозначил следующие приоритеты политики США: 1) продолжение американского военного присутствия и обязательств;/; 2) усиление борьбы против распространения оружия массового уничтожения; 3) поддержка демократии и более открытых обществ; 4) содействие новым многосторонним региональным диалогам по всему спектру общих вызовов безопасности¹².

Позиция США все больше совпадала с нараставшей с 1991 г. тенденцией к созданию регионального механизма по безопасности на базе асеановских структур. В 1992 г. страны АСЕАН приняли решение о создании такого механизма – Асеановского регионального форума по безопасности (АРФ), а с 1994 г. он начал практически действовать при возрастании год от года числа участников. США поддержали создание форума и стали одними из основных его членов.

К настоящему времени подход США к этой проблеме получил следующее официальное определение: "Мы выступаем в поддержку развития регионального диалога, например, в рамках Азиатского (примечательно нежелание США называть его "Асеановским"-В.Ф.) регионального форума (АРФ), по всему спектру вызовов общественной безопасности. Решая вопросы укрепления мер доверия, в том числе путем проведения миротворческих акций и сотрудничества в организации поисково-спасательных мероприятий, АРФ может помочь укрепить региональную безопасность и повысить уровень взаимопонимания"¹³. Хотя США и говорят о "всем спектре вызовов общественной безопасности", реальный диапазон деятельности АРФ представляется им довольно ограниченным. США участвуют также в диалогах, сложившихся в Северо-Восточной Азии (СВА), и широко представлены на многочисленных региональных неправительственных форумах, конференциях, "круглых столах" и пр., постоянно проводимых по проблемам безопасности.

Лучшему уяснению подхода Вашингтона к рассматриваемому вопросу способствует также речь бывшего госсекретаря У. Кристофера, произнесенная им 28 июля 1995 г. Он говорил: "В конце концов ... мы нуждаемся в построении механизмов сотрудничества на многосторонней основе..., в возведении прочной конструкции регионального сотрудничества". Создание АРФ он назвал "важным начальным шагом" в этом плане. Но далее следовала жесткая оговорка: "Мы рассматриваем этот форум и зарождающийся диалог по безопасности в СВА как существенные дополнения к нашим альянсам и к нашим силам передового базирования в АТР". Усилия по созданию механизмов сотрудничества в области безопасности были определены Кристофером как "дополнение впечатляющей экономической интеграции через АТЭС, в процессе осуществления которой находятся страны региона"¹⁴.

Трудно усмотреть в этих словах что-либо иное, кроме как восприятие Вашингтоном диалоговых механизмов лишь как своего рода приписка к системе его военно-политических союзов и контролируемых им структур.

Иначе говоря, США рассматривают диалоговые механизмы в АТР как нечто вроде "внешнего палисада" для ранее возведенных ими здесь бастионов. Главная цель, которую связывают США с многосторонним подходом, с диалоговыми механизмами, заключается в том, чтобы с помощью коллективно вырабатываемых мер доверия, превентивной дипломатии, введения разнообразных региональных режимов и прежде всего возрастающей транспарентности в

сфере обороны в условиях неизбежности и неизменности американских позиций, - держать под контролем оборонные потенциалы стран региона и "профилактически" предотвращать нежелательные для США действия с их стороны. При этом США не скрывают, что претендуют на лидерство в рамках диалоговых механизмов благодаря системе своего военного присутствия, которое "усиливает наш голос на международных форумах, посвященных не только азиатской безопасности, но также политическим и экономическим вопросам"¹⁵.

Американская политология нагромоздила немало концептуальных положений и практических рецептов (порой излишне сервильно подхватываемых нашими академическими кругами) относительно "безопасности на основе сотрудничества", "неконфронтационных подходов", запретительных, разрешительных режимов и пр., которые могут быть инструментарием, предметом обсуждения и итогом работы диалогово-переговорных процессов при той исходной позиции, что вся система американского военного присутствия и сама идея американского доминирования не подлежат какому-либо пересмотру.

Однако, есть и другие точки зрения. Например, южнокорейская исследовательница американской политики в регионе Чой Сеонг-Аэ убеждена, что "стратегические расчеты, стремление укрепить и расширить зону своего владычества определяли и определяют цели и интересы американской политики на Тихом океане". По ее мнению, несмотря на крупные изменения в мире после окончания "холодной войны", США не предложили ничего другого, кроме своей политики баланса сил, "чтобы в дальнейшем создать в АТР некое подобие НАТО, сколотить региональный военный блок, призванный главным образом сдерживать и нейтрализовать Россию и Китай". Главным мотивом США "по-прежнему остается задача обеспечения своего лидерства и доминирования в регионе путем нейтрализации стремления других стран играть там самостоятельную роль и принимать активное участие в решении насущных проблем мира и безопасности"¹⁶.

Однако, каковы бы ни были политические расчеты и замыслы в Вашингтоне относительно диалоговых механизмов в АТР, для России жизненно важно и необходимо участвовать в их работе, вносить свой вклад в их деятельность и в процесс их институционального совершенствования.

Во-первых, региональные реалии таковы, что в АТР пока не просматривается возможность создания каких-либо иных структур безопасности или организаций для обсуждения проблем региона, кроме диалоговых механизмов. Проблемы же региональной безопасности заметно актуализируются. Диалоговые механизмы нужны, они представляют на сегодня практический канал не только для дипломатии США, но и для всех стран региона.

Во-вторых, намерения США, вытекающие из их подхода, - это одно, а результаты диалогового процесса - это другое. Позиция США в рамках АРФ и других структур так или иначе корректируется после сопоставления ее с позициями других стран и их взаимной "притирки". У России имеется широкое поле для сотрудничества с Китаем, странами АСЕАН, другими участниками форумов.

В-третьих, - и это главное, - несмотря на исходные гегемонистские мотивы США, у них и у России в практическом плане обнаруживается широкий спектр совпадающих целей и интересов, открывающих возможности для достаточно конструктивного взаимодействия двух стран в рамках региональных диалоговых механизмов. И Россия, и США заинтересованы, например, в результативности запланированного трехэтапного процесса в рамках АРФ. Тем более у них много общего в борьбе против распространения оружия массового уничтожения, в вопросах оборонной транспарентности, составления региональ-

ного регистра вооружений, введения режимов, регулирующих морскую и иную активность, экологической безопасности и т.д.

Наконец, в АТР ситуация действительно развивается по закономерности баланса сил, а это величина переменная, которая со временем вряд ли будет однозначно развиваться в пользу исключительно США. Нельзя исключить возникновения таких условий, которые позволили бы трансформировать диалоговые механизмы в систему безопасности, достаточно благоприятную для других заинтересованных государств и общих интересов мира и безопасности.

1. East Asian Strategic Review 1997-1998: The National Institute for Defense Studies. Tokyo, 1998. P.2.
2. Report of the Quadrennial Defense Review. Washington, 1997 (далее- QDR).
3. Стратегия национальной безопасности США в следующем столетии. М., 1997. С. 4-5, 9, 17, 26. (Далее - Стратегия...)
4. Со времен испано-американской войны 1898 г. и в последующий период в США было сильно влияние т.н. "антиимпериалистов", которые выражали "уверенность в способности американцев завоевать мир без уплаты традиционной цены в виде колониальной экспансии". Их политическая философия и легла в основу внешней политики США. (См., напр., Studies on the Left. Wisconsin, 1962. Vol. 3. № 1. P. 18.
5. A U.S. Strategy for the Asia-Pacific// Adelphi Papers. L., 1996. № 1.
6. Стратегия.... С. 40.
7. Bangkok Post. 7 April 1997.
8. Bangkok Post. 5 November 1994.
9. Bangkok Post. 3 November 1994.
10. Foreign Affairs. N. Y., 1997. Sept.- Oct. P. 150.
11. Defense of Japan 1997. Tokyo, 1997. P. 65, 144; East Asian Strategic Review 1997-1998, P. 50-56.
12. Цит. по: Journal of East Asian Affairs. Ann Arbor. 1998. № 1. P. 17.
13. Стратегия....С. 40.
14. Bangkok Post. 30 July 1995.
15. QDR. P. 31.
16. Чой Сеонг-Аэ. Эволюция отношений России с государствами Северо-Восточной Азии. М., 1998. С. 124, 127-128, 151.

Биполярность: призрак или реальность? (К обсуждению статьи А.Яковлева)

© 2001

*Алекс Бэттлер,
канадский публицист*

В настоящее время в России можно насчитать три четко выраженных подхода к вопросу о структуре международных отношений.

Первый отражает официальную позицию, которая основывается на идеях многополярности. Он зафиксирован во всех официальных документах, таких, например, как Концепция национальной безопасности (СНБ), военная доктрина (МО) и Концепция внешней политики РФ (МИД). Помимо руководства страны, обычно ее отстаивают ученые, поддерживающие официальную линию Москвы.

Второй подход признает однополярность, которая увязывается с доминированием Запада во главе с США. Этому подходу придерживается часть американистов, а также те, кто разуверился в возможностях России сформировать собственный полюс в многополярном мире.

Третий подход отстаивает идею биполярности как наиболее устойчивой структуры международных отношений.

Весьма симптоматично, что названные подходы отражают четкое политико-идеологическое размежевание в академической среде ученых, разделенных на центристов, правых и левых. Центристы - сторонники первого подхода - высшие чиновники и проправительственные ученые, выступающие за «достойное место России в мире». Концепция многополярности по форме, на уровне риторики имеет антиамериканскую направленность, хотя по сути она абсолютно безобидна из-за своей нереализуемости. Правые, естественно, придерживаются второго, однополярного подхода. Их не устраивает даже антиамериканская риторика, поскольку они полагают, что США настолько сильны, а все гипотетические планы создать многополярный мир, не говоря уже о биполярном, настолько иллюзорны, что нет смысла раздражать этот Запад. Надо безоговорочно признать его лидерство и пристроиться к системе, которой он руководит.

Очевидно, что приверженцами третьего подхода являются авторы левого течения. Их не устраивает ни многополярность, ни особенно однополярность. Они предпочитают биполярность, которая, по их мнению, ограничит господство этого ненавистного им «золотого миллиарда». И хотя о биполярности пишется немало работ¹, однако наиболее последовательным и неутомимым защитником данной концепции является профессор А.Г. Яковлев. Поэтому есть смысл проанализировать его аргументы в пользу биполярности, взяв за основу его статью «И все же на горизонте двухполюсный мир»², которая опубликована «в порядке обсуждения».

А. Яковлев с самого начала исходит из того, что уже в самом противостоянии концепций многополярности и монополярности "четко отражено реальное распадение мирового сообщества на два политических лагеря, на два глобальных политических полюса"³, причем один полюс (Запад) является монолитным, другой - весьма рыхлым, состоящим из автономных компонентов, куда входят, в частности, Китай, Россия, Индия. "Таково, - считает А. Яковлев, - состояние глобальных политических полюсов сегодня".

Другими словами, хотя статья называется «И всё же на горизонте двухполюсный мир» (выделено мною. - А.Б.), на самом деле получается, что он является двухполюсным уже «сегодня». Проблема только в том, что антизападный полюс еще не сорганизовался, не оформился, не сложился в центр силы. Следовательно, проблема завтрашнего дня - чисто организационная.

Итак, выделим некоторые постулаты. Во-первых, мир биполярен уже сегодня, но один из полюсов неорганизован. Во-вторых, размежевание на два лагеря происходит по политической линии ("два политических лагеря"). В статье, правда, мы так и не найдем объяснения, в чем суть размежевания на политической основе.

Идем далее. А. Яковлев с неодобрением расписывает проявление активности глобальных гегемонистских сил, распространяющих "пресловутую зону ответственности американо-японского и американо-австралийского военных союзов"⁴, их намерение создать "в обширном Азиатско-Тихоокеанском регионе" ПРО ТВД и т.д. И хотя соотношение сил, «увы», складывается в пользу Запада, это не обескураживает российского профессора, поскольку он считает, что данное «силовое превосходство» «кратковременно». И если в ближайшие 15-20 лет "он (Запад) не сможет добиться своей цели, то в дальнейшем ему придется распротеститься со своими гегемонистскими мечтами"⁵.

Надежды автора связаны с тем, что к 2020 г. доля развитых стран в мировом производстве упадет до одной трети, а доля развивающихся стран увеличится до двух третей, в их числе Китай, Индия, Бразилия, Россия и Индонезия обеспечат, как и все развитые страны, одну треть мирового продукта.

Второй фактор, питающий надежду автора, это то, что «политически полицентричная периферия», «сосредоточившись», сумеет принудить Запад к совместному поиску модели жизнеобеспечения человечества.

Здесь, опять же, не совсем понятна логика автора. Если периферия заставит Запад совместно решать "центральную для современной эпохи проблему выживаемости человечества", тогда какие основания останутся для неизбежной политической поляризации мирового сообщества, для антагонизма между Западом и не-Западом? В этом случае должна будет воцариться всемирная гармония, без полюсов и антагонизмов. Видимо, просто сам автор не верит в нарисованную им идиллию, потому и ратует за биполярность.

Зафиксируем еще несколько моментов. Хотя внутри западного мира существует несколько центров силы, Запад все-таки остается монолитным. Не-Запад же не только рыхл, неорганизован, но внутри этого мира существуют еще силы, которые вместо того, чтобы сплачивать его, выступают за нежизненные концепции многополярности. Это - официальная Москва и официальный Пекин.

Разоблачению концепции многополярности посвящена большая часть авторского текста. Подспудную критику данной концепции А. Яковлев находит и в высказываниях китайских ученых. В конечном счете все должны осознать "вполне очевидное разделение мирового сообщества на две части с жестким антагонизмом их жизненных интересов"⁶. Причем центральным звеном цементирования антизападного мира "безусловно, является формирование треуголь-

ника Россия-Китай-Индия как ядра сплочения стран и народов, отвергающих диктат Запада" (там же).

Я вынужден столь подробно излагать взгляды А. Яковлева на биполярность, поскольку существуют иные интерпретации этой же концепции как в самой России (например, В. Тихомиров, Ю. Соколов, О. Арин), так и в США (Ганс Бинендижк, Алэн Хенриксон)⁷. Меня, кстати, в этой связи удивляет то, что сами российские и американские «биполярники» не читают работ друг друга. Но это к слову. Теперь приступаем к анализу.

* * *

Прежде всего надо иметь в виду, что предложенный подход является одним из научных методов анализа международных отношений. Это - геостратегический подход. Он был разработан теоретиками школы «политического реализма», в основу которого положена концепция силы (Г. Моргентау, О. Моргенштерн, А. Вольферс, С. Хоффман и др.). Существует немало и других методов или подходов: геоэкономический, геополитический, классово-идеологический, цивилизационный, технократический и т.д. Каждый из этих методов имеет свой инструментарий и охватывает определенный сегмент мировых отношений. Ни один из них не является универсальным, каждый лишь отражает «часть» истины. Геостратегический подход не является исключением, и поэтому, возвращаясь к нему, мы заранее должны отдавать себе отчет в том, что геостратегия «покрывает» только часть реальности.

Если исходить из устоявшихся в России представлений о полярности, то мы должны признать цикличность в изменениях структуры международных отношений. Мировая история развивалась всегда от многополярности к биполярности, которая переходила в монополярность или гегемонию. Причем переход от одной структуры к другой происходил скачками, т.е. через войны и конфликты (последний переход осуществлялся через холодную войну на глобальном уровне и множество горячих войн на региональном).

Эту закономерность можно проследить в древнем мире, в период античности, средневековья и в новейшее время.

Окончание холодной войны в конце 80-х годов сопровождалось сломом биполярной системы, на месте которой «в одночасье» в самом начале 90-х годов возникла однополярность в силу мгновенного по историческим меркам развала СССР и всего Восточного блока. В результате на данный момент существует безоговорочное доминирование «золотого миллиарда» во главе с США. Именно этот мир-полюс является субъектом международных отношений, остальной мир-периферия (за исключением Китая) является его объектом. Называть этот мир двухполюсным, как это делает А. Яковлев, неверно не только в силу закона цикличности, но и потому, что остальной мир из-за его экономической слабости и политической аморфности обслуживает интересы Запада. И при малейшем его сопротивлении (в Югославии, на Ближнем Востоке, в Африке, Латинской Америке и даже в ЮВА) Запад его быстро приводит в чувство.

Я напомним, что биполярность периода холодной войны держалась на примерно паритете или равенстве в соотношении сил. Когда это примерное равенство нарушается, ломается и структура международных отношений, которая трансформируется в структуру доминирования-подчинения, т.е. в монополярность. Гегемонии или доминирования добиваются не для того, чтобы устанавливать равноправные отношения. Тогда теряется смысл в стремлении к гегемонии. Гегемония на то и гегемония, чтобы господствовать над остальным миром.

По логике циклов однополярный мир должен затем преобразовываться в многополярный мир. К нему обычно стремятся страны, потерпевшие поражение в предыдущем цикле, а также страны, сумевшие нарастить свой экономический потенциал, отсидевшись за рамками борьбы в биполярной системе.

На первый взгляд таковыми являются, в первом случае, Россия, во втором - Китай и Индия. Поэтому первые две страны столь горячо отстаивают концепцию многополярности, которая, как полагают их руководители, позволит им занять «достойное место» в мировом сообществе. Индия о многополярности помалкивает, поскольку она, с одной стороны, была над схваткой, с другой - так и не сумела нарастить свой экономический потенциал. Ее ВВП ниже 500 млрд. долл., что для страны с населением в 1 млрд. человек неприлично мало.

И в этой связи возникает вопрос: сработает ли закон циклов, когда настанет черед многополярности? Я не совсем в этом уверен, потому что, как было сказано выше, на мировой арене работают и другие законы, функционирующие за пределами геостратегического поля. Например, законы геоэкономики - то самое пространство, где в сложном сочетании взаимодействуют три основных типа мировых экономических отношений: интернационализация, интеграция и глобализация. Следовательно, если я не уверен в переходе к многополярности, я не могу быть уверенным и насчет биполярности. Для того чтобы мне что-то однозначно утверждать, я должен был бы «свести» законы циклов с законами геоэкономики и уже на их стыке рассмотреть их взаимодействие.

Но даже оставляя в стороне этот комплексный анализ и переходя к позиции А. Яковлева, т.е. стандартному геостратегическому подходу, я вынужден высветить ряд противоречий российского профессора.

Читатель, надеюсь, помнит, что А. Яковлев делит мир на два лагеря по признаку «политики» (он писал о «двух политических лагерях».) В чем суть такого политического размежевания? В предшествующей биполярности все было ясно: на одной стороне - капитализм, на другой - социализм. А что сейчас? Запад, понятно, капитализм. А не-Запад? Так называемая периферия состоит сплошь и рядом из капиталистических государств. Ведь не случайно в предыдущем цикле борьбы между двумя системами страны Третьего мира не оказали реальной поддержки социалистической системе, а, наоборот, только ослабляли ее путем высасывания финансовой и экономической помощи. И: нынешних же трех стран, которые должны были бы составить центрально звено противостояния Западу, две - Россия и Индия - капиталистические государства. Естественно, каждая со своей спецификой, но они капиталистичны по основным признакам капитализма: частная собственность на средства производства как доминирующая форма собственности и буржуазная демократия. Так, вроде бы, определяли суть капиталистических государств теоретики левых - Маркс, Энгельс и Ленин. Если они правы, тогда каким образом мировое сообщество может разделиться на два политических лагеря? Теоретически это возможно, если предположить, что социалистический Китай умудрится сгруппировать вокруг себя весь обиженный на капитализм мир, куда войдет не так много государств (КНДР, Куба и некоторые страны Третьего мира). Но при таком «политическом» размежевании Россия и Индия оказываются на стороне «золотого миллиарда». Выдержит ли такую «биполярность» противоположный полюс? Ответ, по-моему, очевиден. Иначе говоря, биполярность по политическому признаку просто элементарный нонсенс. По крайней мере, на данный исторический момент. Но он может оказаться не чепухой только в случае социализации России и той же Индии. Что в принципе исключать нельзя в следующие 15-20 лет.

В своих же утверждениях о биполярности А. Яковлев все-таки чаще говорит о парной формуле: Запад - не-Запад, что может означать только одно

- разные уровни экономического развития. Тогда надо говорить не о политических, а именно об экономических полюсах. В таком размежевании имеется большой смысл, поскольку неравномерное развитие также является источником противоречий между странами, стимулирующим формирование различных полюсов и центров, между которыми может возникнуть конфронтация. До появления Советской Республики и чуть позже - Советского Союза именно неравномерное развитие государств как раз и вело к различным войнам в рамках одной общественно-политической системы. Даже вторая мировая война начиналась как война за расширение сфер влияния, в основе которой были экономические и геостратегические мотивы, а не война между социализмом и капитализмом. Другими словами, теоретически размежевание на два блока возможно в силу неравномерного экономического развития государств, которое на поверхности выливается в геостратегическое противостояние (в скобках хочу напомнить, что геостратегическое противостояние - это борьба за силу).

И в этой связи вернемся к идее А. Яковлева о трехзвенной оси: Россия, Китай, Индия. Эту идею, как известно, на официальном уровне озвучил Е. Примаков в бытность свою министром иностранных дел. Впоследствии она была растиражирована «евразийцами» и всеми теми, кому противен этот Запад вместе с США. Причем, многие из них понимают, что «в реальности подобный стратегический союз просто невозможен, в первую очередь, из-за позиции самого Пекина (не рассматривающего Индию и особенно Россию как <однопорядковых> партнеров) и фундаментальных противоречий»⁸. Несмотря на подобное утверждение, его авторы (С. Лунев и Г. Широков) не теряют оптимизма, и он у них обосновывается таким образом: «Среди шахматистов популярно высказывание: «угроза - страшнее исполнения». Именно угроза создания военно-политического союза могла бы заставить Север идти на самые существенные уступки трем евразийским гигантам» (там же). Мне не очень понятно, что их вынудило отойти от значительно более взвешенных оценок по поводу этого «треугольника», о котором они высказывались в совместной монографии⁹, но у меня к ним два простых вопроса в связи со сказанным. Первый: как они могут объяснить, что Китай и Индия попали в разряд евразийских государств? Неужели какие-то их части достигли Европы? И второй вопрос: по каким конкретно позициям Север должен пойти на уступки этим государствам? Или это свойственный русским разговор «вообще»?

В свое время известный индийский журналист Дев Мурарка, участвуя в одном из круглых столов в Фонде Горбачева, вынужден был заявить: «Я внимательно выслушал выступавших в этой дискуссии и должен признаться, что она производит тяжелое впечатление. Мне кажется, что господствующим мотивом в ней является своего рода шизофрения»¹⁰. И обращаясь непосредственно к А. Яковлеву, который на этом Круглом столе, естественно, поднял вопрос о России, Китае и Индии как «антагонисте Запада»¹¹, Мурарка выдвинул немало убедительных контраргументов против данной идеи, в том числе и такой неординарный, как отсутствие у Индии «воли к власти», т.е. отсутствие у нее стремления к «атрибутам мощи и статуса». Его вывод заключался в следующем: «Бороться за создание такого блока - все равно что хлопать крыльями в пустоте»¹².

Самое удивительное, что ни А. Яковлев, ни многие другие сторонники подобных идей не понимают, что Запад как раз мог бы быть заинтересован в таком стратегическом треугольнике. Более того, для США выгоднее предоставить в качестве первоначального капитала 50-100 млн. долл. для раскрутки такого альянса. А далее начали бы происходить удивительные вещи.

Представьте на минутку, что он создан. Для поддержки такого союза все три страны должны были бы ежегодно выделять определенные суммы.

Иначе альянс не будет работать. Ведь для того, чтобы «золотой миллиард» доминировал в мире, одни только США ежегодно выделяют около 300 млрд. долл., в том числе и на поддержание тех самых союзов, о которых с неодобрением упоминал А. Яковлев. Поскольку инициатором этой «оси» является Россия, то львиная доля расходов должна лечь на плечи Москвы. Вспомните Организацию Варшавского Договора, которая почти на 85-90% финансировалась Советским Союзом.

Теперь подсчитаем, во что обойдется «второй фронт», или, по терминологии А. Яковлева, антизападный полюс. Учтите, что внешнеполитический потенциал Запада¹³ (семерка государств) оценивается цифрой свыше 500 млрд. долл. (это, заметьте, не объем ВВП), которая как раз и обеспечивает доминирование Запада в мире. Соответственно и противостоящий ему мир вынужден был бы выделять близкую к этой цифре сумму. Должен информировать российского читателя, что внешнеполитический потенциал России приблизительно равен 10 млрд. долл. (на 1998 фин. год), у КНР и Индии - между 10-12 млрд. долл.¹⁴, вкуче это дает чуть более 30 млрд. долл. Для того, чтобы по-серьезному бросить «вызов» Западу, эту сумму необходимо увеличить почти в 17 раз. Но даже увеличение в два раза (что составит внешнеполитический потенциал только одной Японии) начнет разорять каждую из стран «оси». Именно поэтому США и весь Запад должны быть крайне заинтересованы в таком альянсе, который разорил бы всех его участников значительно быстрее, чем «происки империализма».

1. См. Соколов Ю.В. О мифах и реалиях мировой политики.// В "Новый порядок на века"? М.:МНЭПУ, 2000; Олег Арин. XXI век - восстановление биполярности, или вызов Китая и ответ США// В Олег Арин. Россия на обочине мира. М.:Линор, 1999.
2. ПДВ, №4.2000.
3. Там же. С.29.
4. Там же. С.31.
5. Там же. С.32.
6. Там же. С.40.
7. См. КОСМОПОЛИС. Альманах 1997. М.: Полис; Hans Binnendijk with Alan Henrikson. Back to Bipolarity?// Strategic Forum. N. 161. May 1999. Internet.
8. См. Круглый стол "Россия - Индия - Китай". 30-31 мая 2000 г. Тезисы (написаны Луневым С.И. и Широковым Г.К.).
9. Лунев С.И., Широков Г. К. Россия, Китай и Индия в современных глобальных процессах. М. 1998. Электронная версия
10. Внешняя политика России: возможная и желаемая. (Горбачев-Фонд). М.: "Апрель-85". 1997. С.111.
11. Там же. С.68.
12. Там же. С.117.
13. Термин "Внешнеполитический потенциал" обозначает суммарные расходы страны на внешнюю политику и обеспечение национальной безопасности.
14. См. данные официальных бюджетов соответствующих стран.

Наши рефераты

Китайские политологи об "эпохе Ельцина"

5-7 ноября 1999 г. Китайское общество Восточной Европы и Центральной Азии провело в Шанхае симпозиум на тему «Критический анализ эпохи Ельцина в свете изучения теории Дэн Сяопина». Симпозиумом руководил советник Шанхайского народного правительства Ван Даохань. Более 50 экспертов из Пекина, Шанхая и Харбина приняли участие в обсуждении политических, социальных, экономических и внешнеполитических аспектов названной проблемы. Прозвучали выступления с прогнозами, касающимися перспектив развития и политики России.

Ниже приводится изложение основных тезисов выступлений участников симпозиума, опубликованных в журнале "Дуоу Чжунъя яньцзю" ("Изучение Восточной Европы и Центральной Азии"), 2000 г. №1, С 80-87.

1. Оценки российской политической сферы.

а) *Об эпохе и феномене Ельцина.* Основными чертами эпохи Ельцина являются: утрата престижа России, нестабильность политической ситуации в стране, разброд в обществе, упадок экономики, резкое снижение уровня жизни народных масс. В последние два года Ельцин вел государственные дела, будучи серьезно больным. Все его усилия были направлены на сохранение личной власти, статуса и почета. Вместе с тем в этот период в России постепенно стали общепризнанными: многопартийность, парламентская демократия, взаимно уравновешенная система власти (хотя и в условиях режима президентского авторитаризма), рыночная экономика, существование различных экономических укладов.

Феномен Ельцина весьма своеобразен. Экономическая ситуация при Ельцине в сравнении с горбачевской эпохой значительно ухудшилась, внутриполитическая жизнь отличалась усилением деспотизма президентской власти, а в области национальной политики - абсолютно нетерпимым отношением Ельцина к проявлениям национального сепаратизма. Причины того, что 8 лет он смог удерживать в своих руках высшую власть в стране, состоят в следующем:

- В условиях чрезвычайного положения была выработана новая конституция президентского режима, обеспечившая президенту ничем не ограниченную власть и создавшая тем самым ее правовую основу;

- Финансовые группы и прослойка частных собственников, возникшие в результате приватизации и перехода к рынку, явились главнейшей социальной опорой удержания власти правыми политическими силами;

- Выход из кризисов и контроль над ситуацией с помощью силовых методов;

- Выступление под флагом антикоммунизма – основной прием для сохранения им властных позиций в решающие моменты;
- Положение всенародно избранного и формально беспартийного президента позволило Ельцину занимать достаточно активную позицию в политической борьбе;
- И, наконец, возможность сохранять свою власть давало Ельцину терпение народа.

б) *Об оценке перестройки российской политической системы.* Перестройка политической системы России началась еще в период существования СССР. Этот процесс подразделяется на два этапа. Первый этап – 1990 г. – сентябрь 1993 г. – переход от однопартийного традиционного социализма к политическому режиму западного образца с президентским правлением, многопартийностью, парламентской демократией, разделением трех властей, (исполнительной, законодательной, судебной - В.Б.), свободными выборами и т.д. В то же время власть оказалась в руках демократов, социализм был сокрушен и коренным образом изменился характер государства. Второй этап – с октября 1993 г., когда возник и начал функционировать “режим президентского авторитаризма”.

Основная особенность политической системы в России в «эпоху Ельцина» состоит именно в создании «режима президентского авторитаризма». В нем есть позитивный элемент, поскольку он покончил с «двоевластием» и президент стал ключевым элементом поддержания стабильности в стране, а конституция – главной правовой базой политической деятельности. Однако очевидна и негативная сторона президентского авторитаризма. Власть президента слишком велика, реальная же власть у правительства и парламента отсутствует, разделение трех ветвей власти носит лишь номинальный характер. Хотя КПРФ и другие левоцентристские силы имели в Думе большинство, они были не в силах использовать свое влияние при решении важнейших вопросов, не могли определять состав правительства и поэтому сталкивались с ельцинским абсолютизмом. Вместе с тем в связи с ухудшением здоровья Ельцин оказался не в состоянии нормально выполнять президентские функции, в результате чего важные государственные дела вершила администрация президента, не являющаяся выборным органом. Сам Ельцин отличался вероломством, сплошь и рядом менял премьеров не в интересах дела.

Необходимо двояко оценивать перестройку политической системы России. С одной стороны, из-за нее страна оказалась в катастрофическом положении. С другой же, нынешняя политическая система во многих отношениях позволила преодолеть пороки традиционной политической системы, благодаря чему народ России получил большую, чем прежде, демократию и свободу. Данная перестройка носит необратимый характер, и возвращение России к прежней политической системе невозможно. Однако в настоящее время Россия не является подлинно демократическим государством. Что объясняется следующим:

- Власть президента – слишком авторитарна и носит почти диктаторский характер;
- Множество изъянов существует в избирательной системе;
- Политические партии еще незрелы и не способны играть должную роль при формировании правительства и определении общего политического курса страны;
- Не обеспечены демократические права граждан.

Политические веяния в условиях изменения социальной формации. В этот период различные политические силы и группы интересов, исходя из своей выгоды, выступают с теориями и предложениями для снятия социальных противоречий.

В России, если оценивать широко, существуют три главных идеологических течения:

– **Либерализм**, выступающий за экономическую либерализацию, политическую демократизацию и духовные ценности со свободой личности как главной свободой;

– **Социализм**, основывающийся на коллективистских началах и ставящий в качестве высших ценностей социальные коллективные блага и считающий позитивным фактором важную роль государства в обществе.

– **Национализм**. На первом этапе социальной перестройки в 1991–1993 гг. возникло множество политических партий со своей идеологией, однако, либерализм был главным течением и уступал по своему влиянию лишь национализму. В 1993–1995 гг., на втором этапе ельцинской перестройки, расстановка сил изменилась, и либерализм перестал играть ведущую роль. На третьем этапе (1995–1999г г.) в соотношении сил между тремя главными идеологическими течениями вновь произошли коренные подвижки: либерализм драматически ослаб, национализм постепенно усиливался и шаг за шагом поднимался социализм. Подобные изменения связаны с историческими и культурными традициями России, а также – в еще большей степени – с провалом либеральной реформы.

О нынешнем состоянии политических сил России. В России в основном пользуются влиянием три политические силы: представляемая Примаковым левоцентристская группировка; левые, представляемые КПРФ, и правящая группа, представляемая Путиным. Друг другу противостоят левоцентристы и левые – одна сторона и правящая группировка – вторая. Учитывая характер противоречий, политические платформы левоцентристов и левых близки, и они могут объединяться, но с правящей группой их разделяют непримиримые разногласия. (Китайский анализ, еще раз обратим внимание читателей, проводился почти за полгода до президентских выборов в России в марте 2000 года. – В.Б.)

Сегодня главная черта политической ситуации с левыми и правыми в России состоит в их разделении на два больших лагеря. Центр у левоцентристов находится на левом фланге, а вектор направления движения правого центра смещается вправо. Направленность правоцентристов и правых одна и та же, лишь развитие связей между ними происходит замедленно. Настроения в российском обществе имеют тенденцию к сближению с политическим направлением левоцентристского союза.

О тенденциях будущего развития России и ее политики. Пока Россия не вышла из кризиса, и это в очень большой степени определяет, что ее будущее связано с поиском направления развития, ведущего к разрешению этого кризиса. В результате 8 лет ельцинских реформ Россия претерпела громадные изменения. Вместе с тем она оказалась в глубоком кризисе. Поэтому какая бы политическая сила ни заняла ведущее положение в стране, какой бы политик ни был президентом, они будут вынуждены заниматься корректировкой целого ряда систем, курсов и политических установок, сформировавшихся в ельцинскую эпоху. Вместе с тем основные политические и хозяйственные системы, приемлемые для партий и большинства общества, не претерпят коренных изменений.

В основном сохраняются контуры демократической политической системы с многопартийностью в качестве ее ядра, однако почти наверняка изменится режим президентского авторитаризма и соответствующий ему механизм принятия решений. По-видимому, одной из важнейших задач новой Думы и нового президента будет пересмотр конституции и отношений между ветвями власти, в особенности излишне авторитарной власти президента при Ельцине и наделение более весомыми полномочиями правительства и парламента.

Вероятней всего, изменится общественный настрой, идеологические различия отступят на второй план, а сохранение общественного спокойствия, порядка и законности станет насущной задачей общества, которое уже начало уходить от радикализма. Возрастет влияние центристских сил на ход политического развития России.

Не произойдет коренных подвижек в рамках рыночной экономики, однако основные направления хозяйственных реформ и экономической политики подвергнутся существенной корректировке. Тенденции фундаментального развития будут определяться государственно-национальными интересами страны и общества.

В связи с серьезным разрывом в эпоху Ельцина между административными системами Центра и мест, а также в связи с явлениями самоуправления местных чиновников новому руководству России предстоит приложить усилия для решения проблемы взаимоотношений Центра и мест, причем главной задачей будет формирование эффективной вертикали власти, укрепление макроуправляющей роли Центра в отношении мест.

В общем, отмеченные тенденции будущего развития России благоприятствуют стабилизации политической ситуации и экономическому возрождению. Однако в связи с тем, что в стране накопилось слишком много очень сложных проблем, будущему руководству предстоит решать чрезвычайно трудные задачи, и в процессе перестройки политики оно столкнется с множеством трудностей и сопротивлением. При этом нельзя исключать вероятности обострения ситуации.

2. Об экономической реформе и экономическом положении России в эпоху Ельцина.

Оценки экономической реформы эпохи Ельцина. Участники симпозиума, всесторонне рассмотрев хозяйственную реформу эпохи Ельцина, пришли к заключению, что 8-летняя реформа оказалась неудачной и в целом завершилась провалом. Это выразилось, во-первых, в том, что она не содействовала развитию производительных сил. Во-вторых, эта реформа привела к сильному снижению общей, комплексной мощи России. И, в-третьих, она привела к падению жизненного уровня населения и серьезной поляризации между богатством и нищетой.

Причин неудачи экономической перестройки, по мнению участников симпозиума, было много: здесь сыграли свою роль как системные факторы, так и политические ошибки и влияния среды. По мнению некоторых аналитиков, корень кризиса перестройки следует видеть не в банкротстве прежней советской модели, а в ошибочности позднесоветской модели, причем одна из основных ошибок состояла в смещении понятий - рыночной экономики и социальной системы, т.е. в утверждении, будто капитализм не нуждается в плановости, а социализм - в рынке и будто переход к свободному рынку идентичен вступлению на западный путь. Некоторые участники симпозиума считают, что использование для перестройки шоковой терапии преследовало цель строительства свободной рыночной экономики с помощью радикальных методов и осуществлению таким образом перехода от плановой к рыночной экономике. Провал этой методики в России связан, во-первых, с отрывом от реальной обстановки в стране, с копированием западной модели, с фетишизацией всемогущества рынка и с отрицанием вмешательства государства. Во-вторых, принимавшиеся меры полностью противоречили тогдашним экономическим реалиям, т.е. в условиях товарного дефицита были сразу и тотально отпущены цены, а в условиях падения производства проводилась политика сокращения финансирования. В условиях дефицита накопления первоначального капитала осуществлялась крупномасштабная приватизация, а в условиях недостатка иностранной

валюты делалась попытка быстрого перехода к рыночной экономике, тогда как это могло быть достигнуто лишь в течение продолжительного времени. В третьих, в самих мерах по реформированию существовали внутренние противоречия. Например, в условиях неразвитости рынка и слабости экономики политика сокращения государственного финансирования вела к подрыву условий расширенного воспроизводства на предприятиях; в обстановке товарного дефицита отпуск цен вел к злокачественному развитию инфляции; либерализация внешней торговли нанесла ущерб развитию национальной промышленности и т.д.

В вопросе об оценке шоковой терапии некоторые участники симпозиума выступили с мнением, что поскольку она не соответствовала обстановке в стране и влекла за собой серьезные последствия, на начальном этапе перестройки можно было избрать другие модели. Прозвучало, однако, и мнение, что еще до распада СССР Россия поразила серьезный кризис, и ее рынок испытывал крайнюю напряженность, поэтому не было другого выбора кроме шоковой терапии.

Из-за различий в оценке российских экономических реформ на симпозиуме высказаны были несовпадающие точки зрения относительно причин, по которым Россия продолжительное время будет не способна выйти из хозяйственного кризиса. По мнению одних, главными причинами являются общий неуспех реформ либо же провал экономической перестройки. По мнению других, кризис в России носит глубокий, продолжительный и тотальный характер, причин, его породивших, много, и связывать его лишь с радикальными реформами было бы упрощением. Как считает ряд экспертов, следует искать причины кризиса не только в ошибочности политики, проводившейся в процессе перестройки, но и в глубоких кризисных факторах советского периода. В течение 70 лет экономика СССР развивалась в условиях полуизоляции. Нерациональную структуру экономики и отсталые формы экономического развития устранить в короткие сроки невозможно. Трения, противоречия и конфликты между новой и старой системами проявились в сравнении с перестройкой в любой другой стране острее и серьезнее. Что касается ошибочности политики в процессе перестройки, то участники симпозиума подчеркивали, что она сказалась в следующем: государство отказалось от регулирования экономики; политика огульного ограничения финансирования ухудшала макроэкономическую среду, угрожая условиям существования предприятий; мягкое бюджетное регулирование и мягкие и неэффективные административные методы приводили к перманентной нерешенности финансовых проблем; ошибочность реформирования госпредприятий сыграла отрицательную роль для экономического развития; отпуск цен в условиях существования монополий не способствовал стимулированию производства; поспешное вступление страны в систему свободной конкуренции нанесло мощный удар по российской национальной промышленности; были явно преувеличены надежды на экономическую помощь Запада; серьезная внешняя задолженность затягивает регресс экономики России; ошибки в системе распределения и нарастание проявлений социальной несправедливости не позволяют решать множество социальных проблем и ведут к противостоянию широких народных масс и правительства; нестабильная политическая ситуация препятствует нормальному функционированию экономики.

Уроки экономической перестройки в России. Они имеют для реформирования экономики Китая учебно-наглядное значение. Во-первых, свидетельствуя, что политика и мероприятия по реформированию экономики должны отвечать существующим в стране реалиям. Один из важных выводов о причинах неудачи экономической перестройки в России состоит в том, что выбор модели реформ и ряд предпринятых политических акций не соответствовали реальному положению дел в стране. Некоторые эксперты подчеркива-

ли, что после 70 лет плановой экономики в канун реформ в России не было ни рынка, ни субъектов рынка. В этих специфических условиях слепое следование примеру отдельных стран, успешно перенесших шоковую терапию, заранее было обречено на провал. К чужому опыту следует подходить критически и выборочно, не просто копируя и используя его, а прежде всего исходя из собственных условий, из совместимости его с собственными историческими традициями и национальным сознанием.

Во-вторых, на опыте реформ в России подтверждается, что государственное макрорегулирование является гарантией успешного проведения экономических реформ. Рынок не есть нечто всемогущее, в его стихийности заключен негативный фактор. В период экономической перестройки из-за существования монополий, из-за несовершенства рынка, а также из-за того, что развитие экономики требует долгосрочного планирования, в рыночной деятельности обязательно существует элемент риска. Поэтому государство должно вторгаться в экономику, чтобы компенсировать изъяны рынка, обеспечивать равновесие в экономике. Российские же радикалы создали культ всемогущества рынка, считая, что лишь одного задействования рыночных механизмов достаточно для разрешения любых проблем и что таким путем можно достичь равномерного развития экономики. Однако на практике все получилось наоборот. По определению одного из китайских экспертов, даже в развитых странах с рыночной экономикой равновесие рынка весьма относительно, а рыночное неравновесие — обычное явление. Поэтому государственное макрорегулирование необходимо как для стран с перестраивающейся экономикой, так и для стран с развитой рыночной экономикой.

Российская внешняя политика при Ельцине.

На симпозиуме было уделено большое внимание вопросу о внешней политике России восьми лет пребывания Ельцина на посту президента.

Общая оценка внешней политики России. В ельцинскую эпоху внешнюю политику России можно подразделить на три периода:

Первый период (с момента провозглашения независимости до 1992 г.) был отмечен «односторонним креном» в сторону Запада. Внешнеполитическая цель этого — интегрироваться в возглавляемую США западную международную политическую и экономическую систему и систему безопасности, добиться экономической помощи и политической поддержки Запада, чтобы разрешить внутренний кризис. Поэтому Россия слепо следовала за Западом в международных делах, и ее международная деятельность концентрировалась на отношениях с западными державами. В международных вопросах она солидаризировалась с западным блоком, возглавляемым США.

Второй период (конец 1992 — начало 1994 г.) характеризуется тем, что Россия начала учитывать в своей внешней политике Восток и от «объятий с Западом» перешла к дружественным обменам с восточными странами и стремилась восстановить связи с союзниками бывшего СССР в различных районах мира. Хотя в этот период продолжалась проамериканская линия, однако, правительство Ельцина стало выдерживать известную дистанцию в отношении с США. Сам Ельцин посетил Южную Корею, КНР и Индию. Одновременно был начат широкий пересмотр политики в отношении стран СНГ с целью обеспечения политической, экономической и военной интеграции с ними. В этот же период Россия обратила внимание также на такие страны, как Вьетнам, Монголия, КНДР, Куба, Малайзия, Сингапур, Филиппины, Пакистан и другие.

Третий период (начало 1994 — 1999 гг.) уже характеризуется проведением всесторонней внешней политики, ставящей целью восстановление положения России как великой державы и обеспечение сферы ее влияния. Особенно наглядна эта политика проявилась после назначения Е.М. Примакова в январе

1996 г. министром иностранных дел. В период войны в Косово в первой половине 1999 г. Россия продемонстрировала позицию великой державы, сыграв соответствующую роль в этом кризисе.

По мнению участников симпозиума, внешняя политика России в эпоху Ельцина в целом была конструктивной. Она руководствовалась целями защиты национальных интересов страны и создания условий для национального возрождения России. Однако откровенно прозападный крен внешней политики первых лет пребывания Ельцина у власти был ошибкой, т.к. не соответствовал коренным интересам страны и объективным требованиям международной обстановки. России постепенно пришлось осознать несколько истин:

- Помощь западных стран во главе с США часто напоминает «слабоморозящий дождик после сильного грома»;
- Коренный интерес США состоит в сдерживании и ослаблении России;
- Расширение НАТО на Восток сокращает стратегическое пространство России, явно ухудшая ее геополитическое положение;
- Поддержание дружественных отношений со странами Востока не только сулит взаимодополняющую поддержку в экономике, но и, что еще более важно, способно обеспечить России тыл для сдерживания гегемонистской экспансии США.

О статусе России как великой державы участники симпозиума высказали в основном две точки зрения:

1) В настоящее время Россия уже не может считаться страной первого порядка в связи со значительным снижением ее совокупной мощи;

2) Хотя Россия экономически ослабла и ее суммарная мощь сократилась («это неоспоримый факт»), однако она по-прежнему обладает большим потенциалом развития, громадными ресурсами (земля, полезные ископаемые, источники энергии, людские ресурсы и др.) и внешнеполитическими возможностями. Кроме того, в ее распоряжении мощная индустриальная база, развитые наука и техника, превосходство в военной технике, космонавтике, ядерной энергетике, передовые позиции в ряде научных направлений. У нее также сильные вооруженные силы, большое влияние в международных делах. Поэтому и до восстановления ее экономической мощи она остается великой политической и военной державой мира.

Будущее российской внешней политики. По единодушному мнению участников симпозиума, окончание эпохи Ельцина дает старт новому этапу внешней политики России. Появление нового президента, новой Думы и нового правительства знаменует коренное изменение властной структуры. Однако в области внешней политики исходной базой при ее формировании останутся коренные интересы страны – развитие экономики, обеспечение безопасности, восстановление статуса великой державы. Однако при всей неизменности этих базисных положений конкретная ситуация в стране и в мире требует новых корректировок и подвижек во внешней политике России.

В обозримом будущем, как считают участники симпозиума, во внешней политике РФ можно предвидеть такие тенденции:

- *В российско-американских отношениях.* Сейчас Россия оказалась перед серьезными вызовами со стороны НАТО, возглавляемой Соединенными Штатами, а именно - продолжающимся расширением этого военного блока на Восток; дальнейшим обострением борьбы России и США за гегемонию в регионе СНГ; вмешательством западных стран во главе с США в чеченский вопрос. Осложнение российско-американских отношений возможно, если США прибегнут к санкциям или другим неприемлемым методам давления на Россию. Однако в обычных условиях существенного осложнения не произойдет, т.к., во-первых, Россия в короткие сроки не добьется развития экономики и во многих отношениях по-прежнему будет нуждаться в помощи западных стран во главе с США. Во-вторых, Россия по своей совокупной мощи, особенно в во-

енном плане останется слабее США и ей будет не под силу столкновение с США. И, в-третьих, оказывая давление на Россию, Соединенные Штаты вместе с тем большое внимание уделяют тактике и воздержатся от крайних мер. Поэтому и российская политика в отношении США будет определяться формулой «борьба – компромисс – новая борьба – новый компромисс».

– *Отношения России со странами СНГ.* Эти страны – последняя сфера влияния России, и за гегемонию в этом регионе разворачивается острая схватка между РФ и США. Поэтому для внешней политики России весьма актуально добиваться углубления дружественных связей со странами СНГ.

– *Отношения России с европейскими странами.* В обозримом будущем сохранится дружественное сосуществование России с государствами Европы, особенно будут развиваться связи с Англией, Францией, Германией. Хотя в российско-американском противостоянии эти страны «помогают США в сдерживании России», однако россияне ясно видят, что в российском вопросе они имеют очевидные, а иногда и коренные различия с США. Развивая дружественные связи с европейскими странами, Россия не только получает от них экономическую и техническую помощь, но и может снижать эффективность их использования Соединенными Штатами против России. И, наконец, сближение с Европейским сообществом, поднятие роли России как великой державы в регионе является фундаментом восстановления ее статуса мировой великой державы, что представляет для нее важную стратегическую задачу.

– *Отношения России с азиатскими и другими государствами мира.* Сегодня, когда Россия сталкивается со стратегическим сдерживанием со стороны США и когда ее геополитическое положение непрерывно ухудшается, дальнейшее углубление на базе развития дружественных отношений с европейскими странами таких же связей со всеми странами мира, в первую очередь со странами Востока (КНР, Индия, Вьетнам) и активное улучшение отношений с Японией явится объективным претворением в жизнь всесторонней внешней политики России. В еще большей мере этого требуют укрепление стабильности восточного региона России и противодействие расширению НАТО на Восток.

4. О российско-китайских отношениях.

Участники симпозиума пришли к заключению, что за 8 лет пребывания Ельцина у власти отношения между Россией и Китаем развивались нормально и что главной их особенностью было воплощение на практике их полного равенства. Основными факторами успешного развития этих отношений были следующие:

а) *Геополитический.* Учитывая важные изменения в геополитике и геостратегии после распада СССР и исходя из интересов своей безопасности, Россия определила одним из главных направлений своей внешней политики создание «пояса добрососедства». КНР является ее крупнейшим соседом. Поэтому развитие добрососедских дружественных отношений с Китаем означало обеспечение российских национальных интересов.

б) *КНР и Россия были объектами американского гегемонизма в международных делах.* Объективно это способствовало укреплению координации и сотрудничества двух стран на международной арене. Они выступили за многополярный мир, против узурпации мира Соединенными Штатами, а со времен войны в Косово – против нарушения суверенитета других стран под предлогом защиты прав человека.

в) *Сейчас и в будущем обоим государствам предстоит решать общую задачу борьбы с национальным сепаратизмом.* Чеченская проблема в России и тайваньская в Китае – это внутренние дела для обеих стран, и

такой подход закладывает крепкую базу для успешного развития двусторонних отношений между ними.

г) *Общие экономические интересы.* В обеих странах осознают, что развитие их торгово-экономических связей имеет колоссальный потенциал и что недопустимо недооценивать рынки друг друга. Укрепление сотрудничества с Китаем необходимо России для интеграции с АТР и ускорения освоения и открытости Сибири и Дальнего Востока. Большой потенциал для Китая кроется в участии в освоении российских энергетических ресурсов, в импорте передовых военных технологий и оборудования из России.

д) *Фактор безопасности России в центральноазиатском регионе.* Ситуация в странах СНГ, граничащих с КНР, играет чрезвычайно важную роль для обеспечения безопасности России. Поэтому укрепление сотрудничества с Китаем будет способствовать стабильности в Центральной Азии.

Некоторые участники симпозиума отметили, что в период ельцинского правления стабильное развитие отношений между двумя странами связано с двумя факторами: хорошими личными контактами между их лидерами Цзян Цзэмином и Ельциным и исключением воздействия идеологии на межгосударственные отношения, строительством этих отношений на базе пяти принципов мирного сосуществования.

На симпозиуме было проанализировано влияние и некоторых негативных факторов на развитие китайско-российских отношений.

а) Хотя отношения стратегического партнерства между КНР и Россией отличаются долговечностью и стабильностью, однако они не носят характера союза и стороны не имеют связывающих и конституированных обязательств. Лишь по отдельным вопросам достигнуто взаимопонимание. Иными словами, стороны не наполнили эти отношения конкретным и существенным содержанием. Поэтому отношения стратегического партнерства довольно заметно подвержены влиянию меняющихся международных условий. Например, когда сильно возрастает нажим США на Китай и на Россию, эти отношения могут укрепляться, а если США ослабляют свой прессинг или если отношения США с ними существенно улучшаются, то стратегическое партнерство КНР и России может ослабевать, и это, возможно, станет отражаться на отношениях между ними.

б) В этой связи Китай и Россия считают главной целью своей внешней политики развитие отношений с США. Объективно китайско-российские отношения стоят для них обоих на втором месте. Поэтому США в своей международной стратегии в зависимости от необходимости могут разыгрывать китайскую или российскую карты. Это, конечно, способно сказываться на китайско-российских отношениях.

в) Отрицательный эффект в отношениях КНР и России имеет растущий разрыв в экономической мощи двух стран (в настоящее время ВВП Китая в 5 раз больше российского, и экономическая мощь Китая впервые за 100 лет превысила российскую). У части россиян это вызывает острое чувство неуверенности, стыда и тревоги, страха и настороженности. Они считают, что усиление Китая невыгодно России, и в таких условиях возможно усиление влияния в обществе уже бытующей сейчас концепции китайской угрозы. К этому следует присовокупить националистический и великодержавно-шовинистический патриотизм, который получает все более заметное развитие в России, а также некоторые печальные моменты в истории двух стран. Все это может вызывать некоторые небольшие зигзаги в китайско-российских отношениях.

г) Существуют и некоторые проблемы в торгово-экономических связях между Китаем и Россией, например, их нестабильность, невысокий в целом уровень, отсутствие механизмов, соответствующих международным нормам, а также неопределенность в отношении возможностей сотрудничества. Все это может сказываться на развитии политических отношений между двумя странами.

Анализируя перспективы китайско-российских отношений после завершения эпохи Ельцина, участники симпозиума пришли к заключению, что какая бы новая власть ни сформировалась в России, это не окажет существенного влияния на двусторонние отношения, которые будут развиваться в русле установившегося стратегического партнерства, обращенного в XXI век. В обоснование этого были приведены следующие доводы.

– Ситуация в мире на перекрестке веков показывает, что США не отрешатся от своей гегемонистской политики, а основное препятствие, воздействующее на эту политику, создают Россия и Китай. Стремление этих двух держав к созданию многополярного мира также не изменится, и они будут в этом отношении сотрудничать между собой длительное время.

– Определенный период в будущем между Россией и США будут существовать противоречия стратегических интересов. Косовская проблема яснее высветила характер этих противоречий. США стремятся к однополярному миру и к созданию в Европе системы безопасности с НАТО в качестве ее основы. Россия же добивается утверждения статуса великой державы и равенства. Разумеется, противоречия стратегических интересов быстро не устранить, более того они могут углубляться по мере усиления американского гегемонизма. К тому же США не изменят свою политику, направленную на то, чтобы Россия была «слабой, но не находящейся в состоянии хаоса». Из-за сильного снижения суммарной мощи и особенно экономического потенциала Россия способна играть лишь ограниченную роль в решении глобальных проблем. В этих условиях она будет нуждаться в сотрудничестве с КНР по целому ряду вопросов.

– Китайско-американские отношения чрезвычайно важны. Однако американский гегемонизм собственную выгоду ставит на первое место, добиваясь, чтобы весь мир подчинялся США, и навязывает свои духовные ценности и общественный строй. Отсюда и источник постоянных противоречий между Китаем и США. Поэтому в этом противостоянии хорошие отношения между КНР и Россией служат предостережением для США.

Некоторые ученые – участники симпозиума отметили, что Россия в последнее время произвела важный пересмотр своей военной стратегии, благоприятный для развития китайско-российских отношений; как и в Китае, в России считают, что важным противоречием на перекрестке веков является противоречие между монополярностью и многополярностью; Россия считает для себя серьезной угрозой США и НАТО, что может снижать их прямое давление на Китай.

Все эти факторы закладывают новую базу для развития стратегического партнерства между КНР и РФ; возникает возможность дальнейшего сотрудничества двух стран в военно-технической сфере.

В целом, резюмировали участники симпозиума, между Китаем и Россией отсутствует конфликт коренных интересов, а позитивные факторы преобладают над негативными.

**«Белая книга»
о национальной обороне Китая в 2000 году
(China's National Defense in 2000. Beijing:
Information Office of the PRC State Council, October 2000. 72pp.)**

В октябре 2000 г. Управление информации Государственного Совета КНР опубликовало «Белую книгу» о национальной обороне Китая в 2000 г. Это - третье по счету издание такого рода в КНР, первая «Белая книга» была опубликована в ноябре 1995 г., вторая - в июле 1998 г. Новое издание «Белой книги» содержит характеристику изменений в военной политике, вооруженных силах и оборонном секторе экономики КНР за последние два года. Ниже излагается ее основное содержание.

Авторы «Белой книги» (далее в тексте: «Книга» - А.Б.) пишут, что Китай находится на пути модернизации, привержен задачам возрождения страны и, исходя из этого, строит свою политику в военной области. Фундаментальным интересам Китая служат мирная обстановка и благоприятное окружение. Китай проводит самостоятельную и независимую внешнюю политику мира и стремится к новому мировому и региональному порядку, основанному на многополярности, стабильности, сопроцветании и соразвитии.

Оценивая международную обстановку, авторы «Книги» делают вывод, что мир и развитие остаются двумя главными императивами в сегодняшнем мире. Получают развитие тенденции многополярности и экономической глобализации, ситуация в области международной безопасности, в целом, сохраняет тенденцию к улучшению. Отношения между великими державами характеризуются многими переплетающимися противоречиями и трениями. Однако взаимный учет сильных сторон, сотрудничество, контроль и сдерживание друг друга остаются основной чертой их отношений. Большое количество развивающихся стран со значительным потенциалом роста представляют важную силу, способствующую установлению справедливого и разумного нового международного порядка, содействующую сохранению всеобщего мира и развития. Наука и техника постоянно развиваются, экономические связи между странами становятся теснее.

Экономическое развитие, научные и технические новшества, рост совокупной национальной мощи остаются приоритетами для многих стран. Во всемирном масштабе силы мира преобладают над силами войны. Новая мировая война не разразится в перспективе в течение довольно долгого времени.

Однако, по мнению военно-политического руководства Китая, в сегодняшнем мире заметно усиливаются факторы, которые могут вызвать нестабильность:

- значительный дисбаланс в относительной мощи стран: отставание в развитии бедных стран от богатых, неравенство между ними, особенно между Югом и Севером, продолжают увеличиваться, поляризация становится все более серьезной проблемой;

- отсутствие фундаментальных изменений в старом нерациональном и несправедливом международном экономическом и политическом порядке;

- гегемонизм и действия с позиции силы все еще существуют и продолжают проявляться в сферах политики, экономики и безопасности;
- серьезный вызов авторитету ООН и ее роли в урегулировании проблем международной и региональной безопасности;
- негативные явления в области контроля над вооружениями и разоружения;
- рост финансовых и экономических рисков: в условиях ускоренного развития науки и техники, процессов экономической глобализации конкуренция между странами стала более ожесточенной, чем когда-либо ранее;
- растет количество локальных войн и вооруженных конфликтов наряду с конфликтами и беспорядками, вызванными этническими, религиозными, территориальными и другими факторами;
- расширяется и укрепление некоторыми странами военных альянсов;
- нарастает угроза со стороны сепаратистских, террористических и экстремистских сил всех мастей;
- загрязнение окружающей среды, распространение наркотиков, обострение проблемы беженцев и т.д.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе ситуация в области безопасности в целом стабильна. Уровень сотрудничества в экономической и финансовой областях постоянно повышается. Напряженная ситуация на Корейском полуострове заметно смягчается. Китай и Вьетнам подписали договор о сухопутной границе. Обстановка в Южно-Китайском море остается в целом стабильной. Однако и здесь имеются негативные явления в области безопасности:

- усиление военного присутствия США и военных альянсов с их участием в районах, прилегающих к границам Китая;
- планы развертывания в регионе системы противоракетной обороны театра военных действий (ПРО ТВД);
- развитие законодательной базы Японии в сторону оправдания развязывания военной экспансии в зоне, окружающей Японию;
- рост размаха военных учений, что наносит ущерб атмосфере доверия между странами;
- факторы неопределенности, влияющие на безопасность на Корейском полуострове;
- неустойчивая ситуация в Южной Азии;
- нередки покушения на суверенитет и интересы Китая в Южно-Китайском море, попытки некоторых стран за пределами региона влиять на эту проблему.

Особую озабоченность китайского руководства вызывает ситуация в зоне Тайваньского пролива. По оценке авторов «Книги», шаги руководства острова и действия ряда стран могут подорвать курс Китая на мирное воссоединение страны. Эта озабоченность вызывается следующими причинами:

- действия сепаратистских сил в руководстве Тайваня;
- военная помощь США острову, в том числе продажа оружия и перспектива ее расширения в случае принятия американским конгрессом специального закона о безопасности Тайваня;
- возможность включения Тайваня в систему ПРО ТВД, создаваемую под эгидой США;
- территориальные рамки японо-американского военного сотрудничества допускают интервенцию в зоне Тайваня.

В разрешении проблемы Тайваня китайское правительство, придерживаясь таких основополагающих принципов, как «мирное воссоединение» и «одна страна, две системы», выдвинуло восемь предложений по развитию отношений с Тайванем для обеспечения мирного воссоединения Китая. Разрешение тайваньской проблемы - всецело внутреннее дело Китая, и КНР сделает

все, что в ее силах, для достижения мирного воссоединения. Однако, если события поведут к отделению Тайваня от Китая под любым предлогом, то у правительства Китая не будет иного выхода, кроме принятия жестких мер, включая применение силы, для защиты территориальной целостности Китая.

Как следует из «Книги», главные положения военной доктрины Китая состоят в следующем:

- укрепление национальной обороны, противодействие агрессии и вооруженной подрывной деятельности, защита государственного суверенитета, единства, территориальной целостности и безопасности страны. Всецело для целей самообороны предпринимаются усилия Китая по модернизации своей обороны;

- создание и укрепление национальной обороны независимо, с опорой на собственные силы; Китай не стремится к союзу с какой-либо страной или блоком стран, не участвует ни в каких военных блоках;

- осуществление военной стратегии активной обороны: Китай придерживается принципа проведения главным образом оборонительных операций, самообороны, и овладения инициативой после удара противника;

- создание ограниченных и мощных вооруженных сил с китайской спецификой: НОАК трансформируется из армии количественного превосходства в армию качественного превосходства, переходит от упора на человеческий фактор к упору на технический фактор, ставит целью подготовку высококвалифицированного личного состава и повышение технического уровня вооружений с целью всемерного повышения эффективности вооруженных сил;

- укрепление единства вооруженных сил с народом и готовность к самообороне с участием всего народа: Китай придерживается концепции народной войны в современных условиях и в области национальной обороны проводит линию на сочетание постоянной армии с мощными резервными силами;

- подчинение национальной обороны общим задачам экономического развития страны;

- защита мира во всем мире и противодействие агрессии и экспансии. Китай отвергает гегемонизм и политику с позиции силы, выступает против попыток любой страны, навязать другим странам свою политическую систему и идеологию в любой форме; Китай не стремится к военной экспансии, не имеет за рубежом своих войск или военных баз, выступает против гонки вооружений и поддерживает мировое сообщество в его усилиях по обеспечению мира, безопасности и стабильности.

Китай располагает небольшим количеством ракетно-ядерного оружия. Он взял на себя обязательства не применять первым ядерное оружие, не применять и не угрожать его применением против неядерных стран, не участвовать в гонке ядерных вооружений, не размещать ядерное оружие за пределами своих границ, предпринимать эффективные меры для обеспечения его надежности и безопасности. Масштаб, состав и развитие ядерных сил Китая находятся в соответствии с общей линией китайской военной стратегии активной обороны. Ядерные силы Китая находятся под прямым управлением Центрального Военного Совета (ЦВС).

В последние два года структура и организация вооруженных сил Китая претерпевали изменения, связанные, главным образом, с необходимостью приспособления к общей линии экономического развития страны, к развитию рыночных отношений, к требованиям научно-технического прогресса. Эти изменения выразились в сокращении численности личного состава и количества частей и учреждений НОАК, оптимизации их структуры, системы их взаимодействия и подчиненности. Расходы Китая по статье госбюджета «Национальная оборона» в 2000 г. составили 121,29 млрд. юаней (14,6 млрд. долл.) или 8,29% общих бюджетных расходов государства, что составляет ме-

нее 2% валового внутреннего продукта страны (с.20-21). Расходы по основным статьям военного бюджета составили: содержание личного состава - 40,55 млрд. юаней (33,4% расходов по статье «Национальная оборона»), подготовка и содержание войск - 41,81 млрд. юаней (34,5%), вооружение и военная техника - 38,93 млрд. юаней (32,1%).

В сентябре 1997 г. Китай объявил о дополнительном сокращении в течение трех лет личного состава своих вооруженных сил на 500 тыс. чел., т.е. до численности менее 2,5 млн. чел. К концу 1999 г. оно было осуществлено, в основном были проведены преобразования структуры и организации вооруженных сил, которые характеризуются следующим:

- сократился личный состав всех структур вооруженных сил. Сухопутные войска были сокращены на 18,6%, ВМС - на 11,4%, ВВС - на 12,6%, силы второй артиллерии (ракетно-ядерные силы) - на 2,9%;

- органы управления уровня от корпуса и выше стали более компактными за счет совершенствования их организационной структуры. Общее число органов управления этого уровня уменьшилось более, чем на 1500, структура командования стала более компактной, гибкой и эффективной. Свыше 290 структур управления, связанных с коммерческой деятельностью НОАК, были либо полностью расформированы, либо переданы местным властям;

- в сухопутных войсках расформированы несколько корпусных управлений, дивизий и полков, в ВМС, ВВС и силах второй артиллерии расформированы или укрупнены некоторые из их структурных подразделений;

- проведены структурные реформы для усовершенствования отношений внутри НОАК. С целью централизации процесса разработки и закупки вооружения и военной техники учреждено Главное управление вооружения НОАК. Укрепилось межведомственное взаимодействие и управление вооружением в течение его жизненного цикла. Была внедрена объединенная система тылового обеспечения на основе командований военных округов, которая включает обеспечение общими предметами снабжения силами округов и централизованное обеспечение специализированными предметами снабжения. Реформа системы военного образования привела к уменьшению числа военных академий и училищ, к укрупнению отдельных институтов, улучшению качества подготовки офицеров и повышению процента офицеров, отобранных для подготовки.

В соответствии с модификацией в современных условиях концепции «народной войны» в Китае большое внимание уделяется подготовке в мирное время к проведению в случае войны мобилизации вооруженных сил и переводу национальной экономики с мирных на военные рельсы. Все государственные органы, все политические партии и массовые организации, все предприятия, институты и граждане в мирное время должны выполнять мобилизационные обязательства, оговоренные законами, и, после объявления государственного приказа о мобилизации, выполнять предписанные мобилизационные задачи.

За последние два года серьезные изменения произошли в системе военного обучения. Государство превратило военное обучение в часть образования всего народа, постепенно делая его более разнообразным, регулярным и институализированным. В Китае военное обучение руководствуется принципом, в соответствии с которым сочетается обычное и интенсивное обучение, обучение общего и повышенного типа, заочное и очное обучение.

В условиях развития в стране рыночных механизмов, получения опыта коммерческой работы в вооруженных силах и последующего решительного отказа от подобной практики в НОАК, особое внимание уделяется внедрению в оборонное строительство достижений науки и техники, совершенствованию процесса разработки и производства образцов вооружения и военной техники

на уровне современных требований. Совершенствуются система заказов военной техники и система приобретения военной техники на контрактной основе. Постепенно будет внедряться в практику охватывающая все заинтересованные организации система создания и эксплуатации военной техники в течение всего жизненного цикла, что должно привести к повышению качества и уровня контроля стоимости жизненного цикла высокотехнологичного оружия, к росту общей эффективности вооружения НОАК. Кроме того, будут совершенствоваться законы и положения, регулирующие управленческую работу по созданию военной техники.

С целью создания новой, эффективной системы управления оборонной наукой, техникой и промышленностью были проведены значительные перемены в этой области. В частности, в марте 1998г. была учреждена Комиссия по оборонной науке, технике и промышленности, которая, функционируя в рамках Государственного Совета, разрабатывает политику, законы, правила, планы, стандарты и осуществляет контроль в этой сфере. Эти реформы ставили целью внедрить в национальную оборонную науку, технику и промышленность Китая рыночный механизм конкуренции.

Характерной чертой оборонного строительства в Китае в последнее время стало укрепление его правовой базы. Развивается военно-юридическая система вооруженных сил, включающая военные суды, прокуратуру и внутренние органы безопасности. Органами высшей власти страны были пересмотрены Закон КНР о военной службе и Положение о действительной службе солдат НОАК. Центральный Военный Совет принял более 40 нормативных актов, в структурах НОАК разработано более 300 военно-юридических документов, способствующих укреплению юридической основы управления вооруженными силами. Ввод и размещение на постоянной основе гарнизона НОАК в Макао проведен в соответствии с заблаговременно принятым Законом КНР о гарнизоне в Макао.

Китай осуществляет защиту своих сухопутных границ и территориальных вод, суверенитета территории страны, ее морские права и интересы в соответствии с договорами и соглашениями, подписанными с соседними странами, и конвенциями ООН по морскому праву. Китай - сторонник решения отложенных и нерешенных вопросов о границах и демаркационных линиях на море путем переговоров, признает важность установления механизма взаимного доверия в приграничных регионах. Китай решил или в основном решил с большинством соседних стран вопросы о границах, оставленные в наследство историей. В 1960-е гг. Китай разрешил свои пограничные проблемы на основе переговоров с КНДР, Монголией, Афганистаном, Пакистаном, Непалом и Мьянмой. В 1990-е гг. Китай заключил новые договоры или соглашения о границе с Лаосом, Россией, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном и Вьетнамом. Границы Китая с Лаосом и Россией были повторно обследованы, завершено обследование границы между Китаем и Казахстаном, начато обследование границы между Китаем и Киргизией, намечается обследование границы между Китаем и Вьетнамом. Китай подписал договоры, соглашения и протоколы о взаимопонимании с КНДР, Монголией, Россией, Мьянмой, Вьетнамом и Лаосом по мерам контроля границы, установлению мер доверия, предотвращению опасной военной деятельности и улучшению сотрудничества в районе границы, совместному поддержанию порядка и обеспечения мира и стабильности на границе. В ходе развития отношений сотрудничества Китай открыл более 200 пунктов пропуска через свои сухопутные и морские границы.

Внешнеполитическая деятельность Китая по военной линии включает проведение военных обменов различного уровня, региональное сотрудничество в области безопасности, разработку и реализацию мер доверия, участие в миротворческих операциях ООН.

За последние два года Китай направил более 70 военных делегаций высокого уровня в более чем 60 стран, принял примерно 160 иностранных военных делегаций высокого уровня. Кроме того, китайские военные осуществляли дружественные обмены и сотрудничество со своими иностранными партнерами в военно-технической и других специальных областях. По этой линии было направлено за границу более 150 делегаций, а свыше 180 делегаций нанесли подобные визиты в Китай.

Успешно развивалось сотрудничество между НОАК и вооруженными силами других стран в вопросах военного образования и подготовки. За последние два года более 200 военнослужащих НОАК были направлены для обучения в Россию, Германию, Францию, Великобританию, Пакистан, Бангладеш, Таиланд и Кувейт, одновременно почти 1000 военнослужащих из Африки, Латинской Америки, Европы, Азии прибыли для обучения в Китай.

Китай участвует в Асеановском региональном форуме (ARF), Конференции по взаимодействию и мерам доверия в Азии (CICA), Совете сотрудничества в сфере безопасности в АТР (CSCAP), Диалоговом совещании по сотрудничеству в Северо-Восточной Азии (NEACD), Симпозиуме ученых Китая, США и Японии и других мероприятиях в интересах многостороннего диалога и сотрудничества в области безопасности.

Китай придерживается мнения, что ARF должен продолжать фокусировать внимание на мерах доверия, изучать новые концепции и методы в области безопасности, обсуждать вопрос о превентивной дипломатии. В то же время он считает, что заинтересованные страны должны в первую очередь как можно полнее обсудить концепцию, принципы и масштабы превентивной дипломатии в Азиатско-Тихоокеанском регионе и достичь согласия по этим вопросам. Китай активно поддерживает развитие многостороннего сотрудничества в рамках ARF по проблемам военной медицины, по военно-юридическим вопросам, по конверсии военной техники и технологии и военных предприятий. Он предложил создать под эгидой ARF центр информации и сбора данных по морским вопросам, что способствовало бы расширению практики обмена визитами военных высокого уровня и визитов доброй воли кораблей ВМС, улучшило бы сотрудничество при проведении спасательных операций и операций по ликвидации последствий стихийных бедствий, в вопросах безопасности навигации и защиты окружающей среды на море.

Китай проводит с Россией, США, Францией, Германией, Украиной, Канадой, Австралией, Новой Зеландией, рядом других соседних стран и региональных организаций консультации на регулярной и разовой основе по вопросам безопасности, обороны и контроля над вооружениями. Официальные лица и ученые из министерства обороны Китая и других учреждений все более широко участвуют в симпозиумах и других мероприятиях, связанных с обсуждением проблем безопасности АТР.

В апреле 1996 г. главы государств Китая, России, Казахстана, Киргизии и Таджикистана подписали Соглашение о мерах доверия в военной области в районе границы. В апреле 1997 г. главы этих пяти государств подписали Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы. Соглашение предусматривает, что каждая страна сокращает свои вооруженные силы, дислоцированные в пограничной зоне до такого минимального уровня, который был бы совместим с добрососедскими отношениями с четырьмя другими странами в соответствии с принципом равной безопасности. В соглашении вновь повторяется, что ни одна из стран-участниц не применит или будет угрожать применением силы против других, не будет пытаться в одностороннем порядке достичь военного превосходства; что вооруженные силы одной стороны, расположенные в приграничной зоне не будут проводить здесь какой-либо военной деятельности с целью угрозы другой стороне или нанесения ущерба

миру и стабильности в пограничной зоне; что численность личного состава и количество основных категорий вооружения и военной техники в географической зоне, как это определено в соглашении, будет сокращено или ограничено (с.51-52).

В Душанбинском заявлении глав пяти государств (июль 2000г.) отмечается, что пять стран играют важную и позитивную роль в обеспечении региональной безопасности и стабильности и принимают обязательство сделать «Шанхайскую пятерку» региональным механизмом многостороннего сотрудничества во всех областях. Пять стран решили углубить сотрудничество в политической, дипломатической, экономической и торговой, военной, военно-технической и других областях с целью укрепления региональной безопасности и стабильности, эффективного выполнения всех положений подписанного ими соглашения об укреплении доверия в военной области и взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы. Они также заявили, что никогда не позволят какой-либо стране использовать их территорию для любой деятельности, которая может нанести ущерб суверенитету, безопасности и общественному порядку любой из пяти стран-участниц, что они будут поддерживать усилия друг друга в обеспечении своей национальной независимости, государственного суверенитета, территориальной целостности и общественной стабильности (с.52-53).

На встрече министров обороны пяти стран (Астана, Казахстан, март 2000 г.) была подтверждена решимость развивать военные и политические отношения и осуществлять дружественное сотрудничество, основанное на равенстве и взаимном доверии, с должным учетом интересов всех сторон и соседствующих районов. Было отмечено, что подобное сотрудничество не направлено против какой-либо третьей страны или группы стран. Пять стран подчеркнули свое твердое неприятие вмешательства во внутренние дела других стран под предлогом защиты этнических или религиозных интересов или прав человека. Они заявили, что никогда не смирятся с национальным сепаратизмом, религиозным экстремизмом или терроризмом и что они будут решительно противостоять любой деятельности таких сил на их территории против других стран. Они обязались совместно предпринимать эффективные меры по пресечению подобной деятельности в интересах сохранения мира и стабильности в регионе.

В августе 1995 г. министр обороны Китая и директор Федеральной пограничной службы России подписали Российско-китайское соглашение о сотрудничестве по охране границы. В соответствии с этим соглашением две стороны будут:

- сотрудничать друг с другом в охране границы и делать все возможное, чтобы превратить границу между Китаем и Россией в зону мира, спокойствия и дружбы;
- обмениваться информацией в интересах сотрудничества по охране границы;
- координировать свои мероприятия с целью эффективной охраны границы и поддержания там порядка;
- предотвращать случайные инциденты и конфликты в зоне границы;
- сотрудничать друг с другом в осуществлении мер против незаконной деятельности в зоне границы;
- помогать в поиске, задержании и своевременной передаче людей, незаконно пересекающих границу, вместе с их имуществом и средствами транспорта;
- обмениваться опытом по организации и осуществлению охраны своих национальных границ;
- помогать друг другу в техническом оснащении по охране своих национальных границ.

В ноябре 1999 г. министр национальной обороны Китая и глава управления пограничной охраны Монголии подписали монголо-китайское соглашение о сотрудничестве по охране границы.

Китайское правительство считает, что для того, чтобы гарантировать успех и развитие миротворческих операций ООН, необходимо при их проведении строго придерживаться целей и принципов Устава ООН, особенно принципов уважения государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела других стран. Ни одна миротворческая операция не должна быть начата без предварительного согласия заинтересованных стран. Миротворческие силы не должны становиться участниками конфликта. Двойные стандарты и военное вмешательство под прикрытием ООН недопустимы.

Придерживаясь вышеупомянутых принципов, Китай активно участвует в миротворческой деятельности ООН. К настоящему времени Китай направил 522 человека в качестве военных наблюдателей, офицеров связи или советников, а также две группы общей численностью 800 человек из частей инженерных войск для участия в миротворческих операциях ООН. В настоящее время 38 китайских военных наблюдателей все еще принимают участие в четырех миротворческих операциях ООН.

Китайское правительство придает большое значение проблеме контроля над вооружениями и разоружения, стремится содействовать развитию справедливого и рационального международного разоруженческого процесса. В то же время оно решительно выступает против попыток некоторых стран использовать контроль над вооружениями и разоружением как инструмент ослабления других стран и укрепления своего военного превосходства, в целях обеспечения своей региональной или глобальной гегемонии.

Китай выступает за полное запрещение и в конечном итоге - уничтожение ядерного оружия, провозгласив, что он не применит первым такое оружие вне зависимости от времени или обстоятельств. В мае 2000 г. Китай вместе с четырьмя другими ядерными державами принял совместное заявление, в котором декларировалось, что их ядерное оружие не нацелено на какую-либо страну.

Китай поддерживает усилия ряда стран по созданию на добровольной основе зон, свободных от ядерного оружия, и принимает на себя как позитивные, так и негативные гарантии в отношении неядерных стран и безъядерных зон. В июле 1999 г. Китай достиг соглашения с АСЕАН по тексту Протокола к Договору о зоне, свободной от ядерного оружия в Юго-Восточной Азии, и стал первой среди пяти ядерных держав, кто заявил о готовности подписать Протокол после того, как его исправленный текст будет открыт для подписания.

Китай поддерживает усилия по консолидации и укреплению международного механизма нераспространения ядерного оружия. В декабре 1998 г. Он подписал с Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ) дополнительный протокол, направленный на повышение эффективности системы гарантий МАГАТЭ, взяв на себя обязательство докладывать в МАГАТЭ о сотрудничестве Китая со странами, не располагающими ядерным оружием.

Как подписавший одним из первых Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, Китай поддерживает скорейшую ратификацию Договора, несмотря на такие негативные события последних двух лет, как ядерные испытания в Индии и Пакистане и отказ сената США ратифицировать этот договор. В настоящее время китайское правительство уже завершило все необходимые приготовления и официально представило Договор в ВСПН для рассмотрения и ратификации.

Китай поддерживает переговоры о заключении конвенции о запрещении производства делящихся материалов для ядерного оружия (ФМСТ). Вместе с тем, имея в виду тот факт, что США наращивают усилия по разработке и

возможному развертыванию национальной системы ПРО и космического оружия, а также тот факт, что США и Россия все еще располагают ядерными арсеналами, достаточными для многократного уничтожения всего живого на Земле, китайское правительство считает, что продолжение ядерного разоружения и предотвращение гонки вооружений в космосе являются более важными вопросами для обсуждения на многосторонних форумах о контроле над вооружениями, чем переговоры о запрещении производства делящихся материалов для ядерного оружия. Поэтому Конференция по разоружению не должна делать упор только на важности конвенции о запрещении производства делящихся материалов, не уделяя при этом достаточного внимания проблеме ядерного разоружения и предотвращения гонки вооружений в космосе, а как минимум должна уделять равное внимание всем трем проблемам и вести их сбалансированную проработку.

Китай считает, что Договор об ограничении систем ПРО (Договор ПРО) играет очень важную роль в поддержании глобального стратегического баланса и стабильности, содействуя ядерному разоружению и укрепляя международную безопасность. Он выразил свое решительное несогласие с действиями США по ускорению разработки системы национальной ПРО, создание которой противоречит соответствующим положениям Договора ПРО и подрывает глобальный стратегический баланс, нанесет серьезный ущерб процессу ядерного разоружения и международным усилиям в области нераспространения, создаст угрозу глобальному миру и региональной стабильности и может вызвать новый виток гонки вооружений.

Совместная разработка системы ПРО ТВД, проводимая США и Японией с перспективой ее развертывания в Восточной Азии, повысит общие наступательные и оборонительные возможности японо-американского военного альянса до беспрецедентного уровня, далеко превышающего оборонительные потребности Японии.

Китай выступает решительно против передачи Тайваню системы ПРО, ее компонентов или технологии. Китай также решительно против любой попытки какой-либо страны включить Тайвань в систему ПРО ТВД.

С точки зрения китайского правительства, выполнение Конвенции о химическом оружии со времени ее ввода в действие три года назад в целом удовлетворительно. Однако есть ряд проблем, которые нельзя игнорировать:

- универсальность Конвенции оставляет желать лучшего;
- некоторые государства-участники на деле игнорируют положения Конвенции о необходимости приведения в соответствие с ней внутреннего законодательства;
- некоторые государства-участники очень медленно уничтожают запасы своего химического оружия.

Китай всецело поддерживает международные усилия по повышению эффективности Конвенции о биологическом оружии. Сразу по присоединении к Конвенции Китай отметил отсутствие конкретных и эффективных мер контроля за ее выполнением. Китай считает, что для того, чтобы повысить эффективность Конвенции о биологическом оружии, необходимо создать механизм контроля, который должен быть простым, справедливым и выполнимым. Для того, чтобы обеспечить безопасность и коммерческие интересы стран-участниц, необходимо предпринять конкретные меры для предотвращения злоупотребления правом контроля. В то же время, необходимо иметь конкретные меры, способствующие международному сотрудничеству и обменам между странами-участницами в области биотехнологии в целях, не запрещенных Конвенцией. Такие меры будут способствовать повышению универсальности Конвенции и будущего Протокола.

Китай придерживается точки зрения, что изучение и использование космоса должно быть всецело в интересах экономического, научного и культурного развития всех стран. Он считает, что в настоящее время имеются намерения, планы и действия по достижению одностороннего военного и стратегического превосходства в космосе, контроля над ним. Они являются реальными, и их масштабы возрастают. Существующие многосторонние и двусторонние правовые документы, регулирующие деятельность в космосе стран-участниц, не отражают нынешнего этапа развития современной аэрокосмической технологии и поэтому неспособны эффективно предотвращать милитаризацию или гонку вооружений в космосе. Китай считает, что наиболее прямой и эффективный путь для достижения этой цели в новом столетии – это переговоры и разработка нового международно-правового документа в дополнение к строгому выполнению уже существующих.

В области участия в международных акциях по борьбе с противопехотными минами Китай оказывает помощь странам, пострадавшим от них, путем внесения вклада в фонд ООН по разминированию, передачи оборудования для разминирования нуждающимся странам, проведения международных курсов для обучения специалистов.

Китай участвовал в регистре ООН по обычным вооружениям с 1992 по 1997 г. Однако после того, как США в нарушение соответствующих резолюций ГА ООН начали регистрировать свои продажи вооружения Тайваню в форме сносок в своем национальном отчете, Китай вынужден был приостановить свое участие в Регистре.

Китай выступает за принятие необходимых мер борьбы с незаконным распространением и чрезмерным накоплением стрелкового оружия. В то же время, китайское правительство придерживается точки зрения, что стрелковое оружие само по себе не является коренной причиной проблемы. Для большинства стран стрелковое оружие все еще служит необходимым средством обеспечения их национальной обороны и общественного порядка. При рассмотрении вопроса о стрелковом оружии необходимо полностью уважать суверенитет соответствующих стран, особые условия различных стран и регионов. Необходимо также отметить, что не должно быть затронуто право стран на законное владение и нормальную торговлю стрелковым оружием.

Китай ответственно относится к производству и передаче стрелкового оружия и имеет на этот счет строгие законы и меры административного контроля. Закон КНР о контроле над огнестрельным оружием и Положение КНР об экспорте оружия содержат детальные условия производства, транспортировки, продажи, снаряжения, ввоза и вывоза огнестрельного оружия и боеприпасов и предусматривают строгие наказания за нарушения.

В целом, «Белая книга» о национальной обороне Китая в 2000 году свидетельствует о проходящих в стране процессах сокращения численности армии и совершенствования военных структур, приведения их в соответствие с реальными возможностями экономики страны и изменениями в международной обстановке, о расширении роли военно-политических и военно-дипломатических акций во внешнеполитической деятельности КНР.

Экономика

Проблемы развития азиатских НИС в зеркале зарубежной экономической науки

© 2001

П. Мозиас

В последнее время и среди отечественных ученых, и в обществе в целом все больше осознается то обстоятельство, что по основным параметрам социально-экономического развития современная Россия гораздо ближе к развивающимся, чем к развитым странам. Поэтому при выработке стратегии дальнейших реформ особое значение имеет изучение опыта зарубежных развивающихся стран и прежде всего тех из них, которые сумели во второй половине XX века добиться существенного экономического прогресса. В этой связи вполне закономерно новое оживление интереса к опыту новых индустриальных стран (НИС) Восточной Азии.¹

Достижения азиатских НИС общеизвестны. В течение всего периода 50-90-х годов здесь поддерживались беспрецедентно высокие темпы экономического роста. Еще недавно отсталые аграрные экономики претерпели бурный процесс индустриализации и вплотную подошли к рубежам постиндустриального общества. Промышленное развитие сопровождалось массивной экспортной экспансией, азиатские НИС превратились в ведущих мировых поставщиков широкого круга товаров обрабатывающей промышленности. В противоположность опыту большинства развивающихся стран экономическое развитие азиатских НИС сопровождалось не ухудшением, а улучшением показателей распределения доходов, то есть сглаживанием социального неравенства.

Не менее впечатляющи динамичные сдвиги в институциональной и отраслевой структурах экономик. На ранних этапах экономической трансформации, в 50-70-е годы, ведущую роль в большинстве восточно-азиатских экономик играло государство, а в структуре промышленного производства и экспорта доминировали относительно простые трудоемкие товары. В дальнейшем, в 80-90-е годы, в экономической политике все более отчетливо проявлялась тенденция к либерализации, а в структуре промышленности и в экспорте повышалась доля капиталоемкой и технологичной продукции. В социально-политическом аспекте развитие рыночной экономики способствовало росту среднего класса и становлению институтов гражданского общества. Авторитарные режимы, существ-

---

Мозиас Петр Михайлович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ВНИИВС при Министерстве экономического развития и торговли РФ.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Исследовательский проект № 00-02-00241а

вовавшие в азиатских НИС с конца 40-х до конца 80-х годов, в дальнейшем постепенно эволюционировали в сторону плюралистической демократии.

Экономическое «чудо» Восточной Азии оказалось под вопросом из-за тяжелого финансового кризиса 1997-1998 гг. В публицистическом запале многие критики, особенно из либеральных кругов, стали изображать те самые механизмы, которые способствовали раньше бурному экономическому развитию, как первопричину финансово-экономических катаклизмов. В любом случае, однако, происшедший кризис не отменяет самого факта беспрецедентного экономического развития предыдущих десятилетий.² О сохраняющемся значительном потенциале «восточно-азиатской модели» свидетельствует и быстро наступившее (уже в течение 1999 г.) новое оживление в пострадавших от кризиса экономиках. Несомненно, важную роль в этом сыграли денежные вливания МВФ и предпринятые по рекомендации Фонда антикризисные и структурные мероприятия. Но вряд ли либерализационные реформы, активизировавшиеся в конце 90-х годов, могут считаться главной причиной быстрого выхода из кризиса: эффект таких мероприятий должен сказаться лишь в долгосрочной перспективе. Более справедливым представляется предположение, что быстрое оживление было обеспечено в первую очередь благодаря базовым конструкциям «восточно-азиатской модели», которые и раньше способствовали динамичному развитию.

Теперь, когда, так сказать, пыль, поднятая кризисом, постепенно оседает, особенно важно вернуться к теоретическому осмыслению экономического опыта Восточной Азии. В отечественном востоковедении за последние годы проделана на этом направлении значительная работа.³

В настоящей статье предпринята попытка проследить эволюцию научных концепций по проблематике азиатского новоиндустриализма, представленных в зарубежной (главным образом, западной) литературе. Рассматривается период с конца 70-х до середины 90-х годов – до начала азиатского финансового кризиса.

К группе НИС Азии обычно принято относить Тайвань, Южную Корею, Сингапур и Гонконг. В отдельных исследованиях эту «четверку» нередко объединяют в одну группу с Японией, а также с наиболее развитыми странами АСЕАН – Малайзией, Таиландом и Индонезией. В настоящей работе внимание сосредоточено на собственно НИС, причем только на двух из них – Тайване и Южной Корее. Эти две экономики обычно объединяют с Гонконгом и Сингапуром, принимая во внимание практически одновременный (в 60-е годы) их выход на мировые рынки промышленных товаров.

Однако хозяйственные механизмы Гонконга и Сингапура существенно отличны как от тайваньского и корейского, так и друг от друга. Экономическое развитие Сингапура в решающей мере было обеспечено за счет привлечения иностранных прямых инвестиций, которое дополнялось активным государственным регулированием хозяйственной жизни. В Гонконге, напротив, английская колониальная администрация традиционно проводила суперлиберальную политику, а ключевую роль в деловом сообществе играло местное китайское предпринимательство. Общей для Гонконга и Сингапура характеристикой является незначительная емкость внутренних рынков, обусловившая своеобразие структурной динамики. Если Южная Корея и Тайвань пошли по пути создания диверсифицированных промышленных комплексов, то в Гонконге и Сингапуре на смену трудоемким промышленным отраслям в качестве главных сфер специализации пришли финансовый сектор и международная посредническая торговля.

В экономическом развитии Тайваня и Южной Кореи не просто много, а поразительно много общего. Это не только аналогии в методах экономической политики, но и сходные внешние условия (в обоих случаях речь шла о частях разделенных стран, вовлеченных после 1945 г. в американскую сферу влия-

ния). Об экономическом опыте Тайваня и Южной Кореи написаны сотни книг и тысячи статей. Тем не менее приходится констатировать, что среди многочисленных исследователей до сих пор не достигнуто консенсуса даже по самым фундаментальным вопросам.

Теория экономического развития: основные подходы

Когда к концу 70-х годов стало ясно, что экономическое развитие Тайваня и Южной Кореи приобрело характер «экономического чуда», то достаточно быстро выявились и трудности в попытках объяснить этот феномен с позиций наиболее популярных в то время теоретических подходов – неоклассической версии теории развития и так называемой «теории зависимости». Эти две конкурировавшие между собой концепции в течение 70-х годов постепенно оттеснили на второй план кейнсианские модели, составлявшие основное направление теории развития в 50-60-е годы.

Для кейнсианцев ключевым условием обеспечения самоподдерживающегося экономического роста и запуска механизма индустриализации в развивающихся странах было решение проблемы накопления капитала. В кейнсианском истолковании частные инвестиции – это всегда сложная материя, зависящая от множества противоречивых обстоятельств. А применительно к условиям развивающихся стран ситуация усугублялась дополнительными ограничениями – низкой нормой сбережений, узостью внутренних рынков, нехваткой предпринимательских и квалифицированных трудовых ресурсов, информационными проблемами координации инвестиций в различных отраслях, зависимостью экономики от импорта инвестиционных товаров и от поступлений иностранной валюты за счет экспорта собственной сырьевой продукции. Выход из положения кейнсианцы видели в активном государственном вмешательстве в процесс экономического развития, в том числе непосредственно в процесс капиталообразования. Во внешнеэкономической области государственная активность выражалась в протекционистской политике защиты внутреннего рынка от иностранной конкуренции, в поощрении тем самым собственной импортзамещающей промышленности.

Многочисленные неудачи в реализации политики развития в странах Латинской Америки, Африки, Южной Азии, ставшие очевидными к середине 70-х годов, способствовали утрате кейнсианскими рецептами их былой популярности. Набиравшая силу неоклассическая критика кейнсианства фокусировала внимание на негативных последствиях государственного вмешательства в экономические процессы. Государственные интервенции, отмечали неоклассики, способствуют рентоориентированному поведению субъектов хозяйственной деятельности, их стремлению к получению доходов за счет государственных субсидий, что само по себе подрывает стимулы к производственным инвестициям. Протекционистская политика импортзамещения приводит к формированию неэффективных и неконкурентоспособных производственных комплексов, требующих постоянной государственной поддержки, а это способствует хронической инфляции.

Кроме того, на деле реализация политики импортзамещения не привела к преодолению импортной зависимости. Сохраняется значительная потребность в импортных поставках современного оборудования и промежуточной продукции для вновь созданных промышленных производств. В то же время связанное с высоким уровнем протекционизма завышение реального валютного курса угнетает экспортную деятельность. В таких условиях проблемы платежного баланса становятся хроническими, и их остроте приходится снимать за счет привлечения иностранных инвестиций и финансовой помощи.

Позитивная программа неоклассиков основывалась на идее либерализации. Хотя большинство неоклассических теоретиков формально признавали специфику развивающейся экономики, но в их понимании главная проблема

экономического развития была по сути той же, что и в случае с высокоразвитой экономикой. Речь шла не о проблеме накопления капитала, а о проблеме эффективного распределения ресурсов. Для ее решения, по мнению неоклассиков, основополагающее значение имеет «недеформированная» структура цен, которая складывается в результате спонтанного действия рыночных механизмов. Соответственно, государству следует сосредоточиться на поддержании макроэкономической и правовой стабильности, а процесс капиталообразования должен быть оставлен на усмотрение частных инвесторов.

Рецепты неоклассиков во внешнеэкономической сфере основывались на том, что наилучшее решение для развивающихся стран – это интеграция внутренних рынков с мировыми. Саморегулирующийся рыночный механизм будет способствовать перераспределению ресурсов в те отрасли, по которым страна имеет сравнительное преимущество. В условиях развивающейся экономики с ее многочисленной дешевой рабочей силой это трудоемкие отрасли обрабатывающей промышленности. Их продукция будет поставляться на экспорт, и это будет способствовать развитию экономики в целом. Товары, по которым издержки внутреннего производства выше мировых, рационально импортировать. Внешнеэкономическая открытость будет способствовать эффективному привлечению иностранных технологий и инвестиций. По мере экономического развития излишек трудовых ресурсов абсорбируется, происходит рост реальной заработной платы, складывается национальный инвестиционный и технологический потенциал. В результате происходит смена сравнительного преимущества, но страна остается в высокой степени интегрированной в систему мирохозяйственных связей. В целом, таким образом, рецепт успеха – это либерализационная внешнеэкономическая политика, направленная на создание открытой экономики с низкими барьерами для импортных товаров и дружественным отношением к иностранному капиталу.

В явной или косвенной форме экономисты-неоклассики предполагали, что, используя возможности свободного рынка, современные развивающиеся страны смогут проделать примерно тот же путь, который прошли в свое время страны Запада. Напротив, с точки зрения сторонников «теории зависимости» экономическая ситуация в современных развивающихся странах имеет принципиальную специфику, причем именно характер взаимодействия с внешней средой является источником проблем и неудач в процессе развития.

Исходный пункт в рассуждениях приверженцев «теории зависимости» – это констатация деления мирового хозяйства на высокоразвитый Центр и зависимую от него Периферию, деления, сохраняющегося в своей основе со времен существования колониальной системы. Развитие индустриального капитализма в западных странах, ныне составляющих Центр, происходило в свое время параллельно с формированием структуры мирового хозяйства. Сейчас же такая структура уже имеется в наличии, и это определяет в принципиальном плане ситуацию на Периферии. Нельзя утверждать, будто периферийный капитализм проходит в своем развитии те же стадии, что и на Западе. Универсальные закономерности, описанные на основе западного опыта, в данном случае не применимы.

Ранняя (конца 60-х годов), более простая и в то же время радикальная, версия этой теории предполагала, что освободившиеся от колониализма страны в рамках мирового хозяйства выступают исключительно как источники сырья и рынки сбыта для готовой продукции из Центра. Поэтому реально процесс развития на Периферии не происходит, центр заинтересован в поддержании периферийных экономик в состоянии стагнации. К концу 70-х годов сложилась более рафинированная версия «теории зависимости» (важнейшую роль в этом сыграли бразильский социолог Ф.Э.Кардозо и американский политолог П.Эванс).⁴ В ее рамках промышленное развитие на Периферии уже не

отрицалось как таковое, но утверждалось, что оно имеет имманентные пределы и в долгосрочном плане усиливает экономические диспропорции и социальное неравенство.

Сторонники этой, более поздней, версии обосновывали свои выводы, адресуясь главным образом к опыту экономического развития стран Латинской Америки, в особенности – на «вторичной» стадии импортзамещения, когда происходило развитие капиталоемких отраслей обрабатывающей промышленности. По сути речь шла о тех же проблемах, на которых акцентировали внимание неоклассики, но истолкование их было принципиально иным. Утверждалось, что в периферийных странах инвестиционный сектор не достаточно силен для того, чтобы обеспечить развитие без участия внешних сил. Поэтому развитие возможно только там, где имеются экономические ресурсы и достаточно емкие рынки, способные заинтересовать инвесторов из Центра. Как следствие – в процесс развития изначально заложены противоречия между интересами иностранного капитала и интересами принимающей инвестиции страны.

В рамках «теории зависимости» был определенным образом использован методологический аппарат современных концепций, описывающих поведение ТНК (теория «цикла жизни продукта» Р.Вернона, концепция «монополистических преимуществ» С.Хаймера и т.д.). Согласно им, в развивающиеся страны иностранными инвесторами переносятся производства только по стандартизованным технологиям, уже прошедшим пик популярности на Западе. При этом сохраняется монополия фирм Центра на финансовые и технологические ресурсы. Монополистические преимущества реализуются путем создания в периферийных странах ориентированных на внутренние рынки капиталоемких производств, выпускающих товары инвестиционного назначения и потребительские товары длительного пользования. Но если для развитых стран такого рода потребительские товары представляют собой продукцию массового спроса, то в периферийных странах это предметы роскоши. Их производство соседствует с использованием крайне отсталых технологий в отраслях, производящих товары для широких масс населения (в пищевой, швейной промышленности и т.п.).

Развивающиеся с участием иностранного капитала современные капиталоемкие отрасли создают весьма ограниченное количество новых рабочих мест. Излишек трудовых ресурсов промышленностью не поглощается, усиливается фрагментация рынка труда. Рост доходов происходит весьма медленно, главным образом он касается представителей небольших привилегированных социальных групп. В результате воспроизводится относительная узость внутренних рынков, а поэтому свойственный капиталоемким отраслям промышленности эффект экономии на масштабах производства в условиях периферийных экономик реализован быть не может. В то же время процесс импортзамещения не способствует реальному преодолению зависимости от импорта. Иностраный капитал слабо заинтересован в реинвестициях, происходит отток прибылей ТНК в страны Центра.

Все это отнюдь не означает, что иностранный капитал – это единственный агент процесса развития. По определению П.Эванса, в периферийной экономике складывается «тройственный альянс», участниками которого является ТНК, местная буржуазия и национальное государство. «Теория зависимости», таким образом, признавала важную роль государства в процессе экономического развития, но трактовала ее специфически. Утверждалось, что государство выступает как экономический субъект, опосредующий отношения национальной экономики и ТНК путем проведения определенной политики льгот и ограничений для иностранного капитала. Кроме того, государство стимулирует накопление национального капитала в тех сферах, которые не представляют интереса для ТНК, в том числе посредством создания предприятий госсектора.

В то же время особенности процесса индустриализации предопределяют характер политического режима. По мнению сторонников «теории зависимости» адекватным политическим устройством для случая «зависимого развития» является «авторитарно-бюрократический режим». Дело в том, что по мере углубления социального неравенства господствующие группы переходят к прямым репрессиям против обездоленных масс. На смену политической демократии приходят военные диктатуры. В целом, процесс развития воспроизводит социально-экономическое неравенство как внутри периферийной страны, так и по линии «Центр-Периферия». Гармоничное развитие станет возможным только при выходе за пределы мировой капиталистической системы.

Факты и теория: попытки примирения. «Теория зависимости»

Понятно, что с позиций «теории зависимости» особенно трудно было объяснить реалии азиатских НИС с их высокими темпами экономического роста, успешным освоением мировых рынков промышленной продукции и относительно равномерным распределением доходов. И это при том, что чисто формально экономическая история НИС в XX в. вполне укладывалась в прокрустово ложе теоретической схемы «зависимости». Будучи до 1945 г. японскими колониями, Тайвань и Корея специализировались на поставках в метрополию аграрной продукции. В 50-е годы их экономическое развитие в решающей степени зависело от финансовой помощи США, а с 60-х годов, с началом политики экспортной ориентации — от ситуации на мировых товарных рынках.

Первые работы об азиатском новоиндустриализме, написанные с точки зрения «теории зависимости», представляли собой не более чем попытки любой ценой, даже с явным искажением фактов, реализовать априорно принятую идеологическую схему. Утверждалось, что экспортная ориентация — это еще один вариант «зависимого развития», не менее противоречивый и конфликтный, чем импортзамещение. Азиатские НИС — это простые «экспортные платформы», где ТНК создают производства, основанные на использовании дешевого неквалифицированного труда. Такие предприятия носят анклавный характер по отношению к национальной экономике, и крайне незначительно способствуют эндогенному промышленному развитию. Дуализм промышленной структуры ведет к углублению неравенства доходов, что находит свое выражение в господстве репрессивных, зависимых от США политических режимов.⁵

В более добросовестных исследованиях декларировался тезис об «исключительности», «уникальности» опыта азиатских НИС. Этот «экономический парадокс» объясняли стечением особо благоприятных обстоятельств, к числу которых относили:

- особый, «прогрессивный» характер японского колониализма;
- приток после 1945 г. квалифицированной рабочей силы и предпринимателей с территорий, подпавших под власть коммунистов;
- осуществленные на Тайване и в Южной Корее в начале 50-х годов радикальные аграрные реформы, приведшие к утверждению в деревне мелкого фермерского землевладения и способствовавшие тем самым сглаживанию социальных контрастов;
- беспрецедентно значительную американскую финансовую помощь;
- традиции конфуцианской трудовой этики и т.д.⁶

Среди такого рода исследований выделялась концепция Бр.Каминза, в рамках которой применение наиболее рафинированных положений «теории зависимости» сочеталось с использованием обширного фактического материала.⁷ Экономические успехи Тайваня и Южной Кореи, по мнению Каминза, — это специфический региональный феномен, и модель развития этих двух НИС не

может быть применена в условиях других развивающихся стран. Развитие Тайваня и Южной Кореи нельзя понять вне контекста их взаимоотношений с Японией, речь идет о едином процессе, в котором участвовали все три экономики. В этом смысле «экономическое чудо» началось еще в 30-е годы, когда японцы в ходе военных приготовлений стали создавать в своих колониях предприятия тяжелых отраслей промышленности. Затем, в послевоенный период японскими предпринимателями по схеме «циклов жизни продукта» переносились в Южную Корею и на Тайвань промышленные производства, задействовавшие местную дешевую рабочую силу.

После 1945 г. система «зависимости» претерпела кардинальные изменения. Страной-гегемоном для периферийных Тайваня и Южной Кореи стали США, а побежденная Япония заняла теперь «полупериферийное» положение. Каминз акцентировал внимание на особом, «открытом» характере американского гегемонизма, отличном от традиционной колониальной практики. Зависимые страны удерживались в политической сфере влияния Вашингтона, но в то же время допускалась их конкуренция с США в экономической области. Японские, корейские и тайваньские фирмы могли поставлять свою трудоемкую промышленную продукцию на американский рынок, хотя это и угрожало разорением американским производителям в соответствующих отраслях. Система, таким образом, не исключала возможностей для экономического развития периферийных стран. Но, и это принципиальный момент, для реализации таких потенциальных возможностей требовалась активная поддержка процесса развития со стороны национального государства.

Еще в колониальный период в Корею и на Тайвань была перенесена японская практика «направляемого государством развития» (*state-led development*). В ходе послевоенной индустриализации в НИС государство, по характеристике Каминза, «заменяло собой отсутствовавший или, в лучшем случае, пребывавший в зачаточном состоянии предпринимательский класс.»⁸ В то же время оно активно способствовало формированию национального частного бизнеса. Экономика Тайваня и Южной Кореи был присущ «бюрократический капитализм», характерный тесным переплетением государственных и частных интересов. Каминз особо подчеркивал важную роль политического авторитаризма в обеспечении функционирования такой системы. Будучи относительно независимым от влияния групп интересов, государство могло последовательно осуществлять установки своей экономической политики, в том числе и посредством проведения непопулярных мероприятий.

Гораздо сложнее, однако, оказалось объяснить, каким образом формируется такая система. В истолковании Каминза, речь шла о еще одной разновидности «бюрократического авторитаризма» – по аналогии с версией, описанной «теорией зависимости» на латиноамериканских примерах. Но очевидные трудности возникли уже с датировкой зарождения такого рода режима. Принадлежность к Латинской Америке «теория зависимости» утверждала, что он формируется по окончании первой, «легкой», фазы импортзамещения, характерной развитием отраслей, выпускающих продукцию потребительского назначения. Этой первой фазе обычно свойствен режим демократического популизма, и только с началом второй фазы, когда происходит развитие капиталоемких производств и углубляются социальные противоречия, в политической области верх берут авторитарные тенденции.

В случае же с Тайванем и Южной Кореей, как вынужден был отметить сам Каминз, авторитарные режимы существовали еще с конца 40-х годов. Именно они, а не демократические правительства осуществляли политику первой фазы импортзамещения в 50-е годы. С началом проведения в 60-е годы политики экспортной ориентации пути Восточной Азии и Латинской Америки стали расходиться и в экономической области. Пытаясь удержаться в рамках

принятого методологического подхода, Каминз утверждал, что «бюрократический авторитаризм» как раз и является наиболее адекватным политическим устройством для экспортной ориентации с ее очевидной «зависимостью» от внешних сил и что авторитаризм в азиатских НИС еще более усилился в 70-е годы, в период «вторичного» импортзамещения. При этом он ссылаясь на репрессивный характер трудовых отношений в НИС в 60-70-е годы (запреты забастовок, «карманный» характер профсоюзов, идеологическую индоктринацию работников и т.д.). Но даже если соглашаться со всем этим, то нельзя не признать, что увязать нарастание авторитарных тенденций с усилением социального неравенства в случае с азиатскими НИС все-таки не удается. Характерно, что вопрос о постепенном улучшении дел с распределением доходов в Восточной Азии Каминзом вообще не поднимался.

Множество вопросов вызывает и применение к случаю с азиатскими НИС стандартных характеристик внешнеэкономической «зависимости». Каминз подробно писал о важности для Южной Кореи и Тайваня американских поставок зерна и нефти, об импорте инвестиционных товаров из США и Японии, о значительной в 60-70-е годы концентрации экспортных потоков из НИС на американском рынке. Однако такая принципиальная для «теории зависимости» тема, как отношения с иностранным капиталом, им практически не освещалась. В случае с Тайванем и Южной Кореей он упоминал лишь о притоке иностранных прямых инвестиций в созданные в 60-70-е гг. свободные экспортно-промышленные зоны. Еще более характерно, что, настаивая (даже в середине 80-х годов!) на «зависимом» положении не только НИС, но и Японии по отношению к США, Каминз одновременно приводил статистику, свидетельствующую о крайне незначительном присутствии иностранных инвесторов в японской экономике.

Под вопросом оказывалась, таким образом, важнейшая посылка «теории зависимости» о слабости национального инвестиционного потенциала, принципиальной невозможности процесса развития без доминирования ТНК. Но в таком случае уязвимой оказывалась и вся «трехуровневая» (США – Япония – НИС) система «зависимости», описанная Каминзом. Ведь если роль иностранных инвесторов в экономическом развитии НИС не принципиально велика, то не понятен механизм распространения «циклов жизни продукции» в Южную Корею и на Тайвань, или во всяком случае ясно, что эти процессы не были главной причиной экономического успеха НИС. А тогда не понятно, почему опыт азиатских НИС столь уникален, и почему при проведении аналогичной политики и при благоприятной ситуации на внешних рынках успехи НИС не могут быть воспроизведены в других развивающихся странах.

Если реальность отклоняется от предсказаний теории, то решать проблему можно и не только путем ссылки на действие уникальных факторов. Другой возможный вариант – это корректировка самой теории. Такую попытку расширить рамки «теории зависимости», включить в нее латиноамериканский и восточно-азиатский варианты развития как частные проявления общей закономерности предпринял один из ведущих разработчиков поздней версии этой теории П.Эванс. В 1987 г. он опубликовал статью с весьма примечательным названием «Классы, государство и зависимость в Восточной Азии: уроки для латиноамериканистов».⁹

Для Эванса преимущества Тайваня и Южной Кореи над латиноамериканскими странами и по динамике экономического развития, и по тенденциям распределения доходов – это неоспоримый факт. И, как считал Эванс, объяснить его с точки зрения «теории зависимости» как раз совсем не сложно. Негативные тенденции в периферийных странах, согласно «теории зависимости», напрямую связаны с доминированием иностранного капитала в национальных экономиках. Но, как прямо признавал Эванс, в развитии азиатских НИС ино-

странный капитал никогда не играл такой существенной роли, как это было в государствах Латинской Америки.

В Мексике, Бразилии и других южноамериканских странах иностранный капитал в первой половине XX в. господствовал в добывающих отраслях, а в ходе послевоенной индустриализации он захватил ведущие позиции и в обрабатывающей промышленности. То есть речь шла о непрерывном доминировании ТНК. Напротив, в азиатских НИС за послевоенной конфискацией японской собственности последовали два десятилетия почти полного отсутствия иностранных прямых инвестиций. Их приток возобновился только с середины 60-х годов, уже после того, как были «включены» внутренние механизмы экономического развития, причем показатели привлеченных иностранных вложений и в дальнейшем оставались гораздо скромнее латиноамериканских.

По-иному, чем в большинстве развивающихся стран, складывалась в азиатских НИС и ситуация с использованием иностранной финансовой помощи, а также с участием в международном торговом обмене. Американская помощь 50-х – начала 60-х годов не использовалась для обслуживания интересов иностранных инвесторов и традиционной аграрной олигархии, а, наоборот, способствовала укреплению институтов национального государства и проведению реформ в сельском хозяйстве. Что же касается значительной роли экспорта в экономическом развитии, то речь шла об экспорте товаров обрабатывающей промышленности, а не о вывозе сырья, с которым обычно ассоциируются негативные аспекты «зависимости». Итак, в Восточной Азии конфигурация «зависимости» была иная, а потому и результаты иные.

Если исходить из базовых предпосылок самой «теории зависимости», то такие аргументы при всей их формальности кажутся почти безупречными. Гораздо больше вопросов вызывает глубинный срез концепции Эванса, а именно то, каким образом он пытался примирить опыт азиатских НИС с фундаментальными положениями «теории зависимости» о роли государства в экономическом развитии, об отношениях государства с частным капиталом, о социальных корнях авторитаризма и т.д.

Согласно Эвансу, экономические успехи Тайваня и Южной Кореи вполне согласуются с тезисом о важности сильного национального государства как субъекта взаимоотношений с ТНК, способного минимизировать негативные последствия «зависимости». В подтверждение этой мысли он использовал для анализа социально-экономической структуры Тайваня и Южной Кореи собственную модель «тройственного альянса», разработанную в свое время на бразильском материале. В случае с азиатскими НИС очевидным представлялось доминирование государства в «тройственном альянсе» и подчиненное положение двух других его участников.

Слабость национального частного капитала Эванс объяснял специфическими обстоятельствами, такими, как подавление национального предпринимательства японцами в колониальный период, ограничения на бизнес коренных тайваньцев со стороны гоминьдановцев – пришельцев с материка и т.п. А значительные возможности государства диктовать свои условия иностранным инвесторам, согласно Эвансу, объяснялись тем, что в азиатских НИС, в отличие от стран Латинской Америки, авторитарно-бюрократические режимы сложились еще до того, как начался активный приток иностранных предпринимательских инвестиций. Поэтому сильное государство изначально могло определять условия, на которых иностранный капитал участвовал в процессе индустриализации.

Но если, так сказать, исходный пункт – это государство, то не ставится ли тем самым под сомнение сама концепция «тройственного альянса»? Ведь из логики рассуждений Эванса вытекало, что изначально двух других партнеров по альянсу практически не было вовсе. Они появились на сцене гораздо позже,

чем сформировалось сильное государство, и появились в немалой степени благодаря его поощрительной политике. Но как тогда быть с базовым определением «теории зависимости» и о сильном государстве как агенте отношений с ТНК? Получается, что сильное государство появляется на свет по каким-то другим причинам, не связанным напрямую с отношениями с иностранным капиталом.

Эванс признавал, что длительное господство авторитарных режимов в азиатских НИС сочеталось с позитивными тенденциями в распределении доходов, а их он объяснял двояко. Помимо относительно незначительной роли иностранного капитала в экономиках Тайваня и Южной Кореи большое значение, на его взгляд, имели эгалитарные аграрные реформы, а также экспортная ориентация промышленности (развитие ориентированных на внешние рынки трудоемких производств, что позволило абсорбировать излишки рабочей силы и повысить уровень доходов).

С этими тезисами трудно не согласиться. Но не ставят ли они под сомнение всю проблематику «зависимости»? Ведь аграрные реформы – это результат сознательного выбора правительства, а экспортная ориентация – это тем более определенная государственная политика, причем такая, которая смогла использовать внешние факторы для гармоничного развития национальной экономики. И в таком случае, если динамика развития определяется прежде всего поведением государства, то не связаны ли различные последствия присутствия иностранного капитала в латиноамериканских и азиатских экономиках именно с различиями в государственной политике привлечения иностранных инвестиций – более либеральной в Латинской Америке и более протекционистской в случае с Тайванем и Южной Кореей? Если же это так, то тогда модель «тройственного альянса» представляется слишком статичной, не улавливающей долгосрочные динамические тенденции в отношениях «государство – иностранные инвесторы» и «государство – национальный капитал». А сама базовая идея «теории зависимости» об определяющем влиянии внешней среды на развитие периферийной экономики выглядит весьма спорной, коль скоро выясняется, что национальное государство может воздействовать на характер вовлечения экономики в мирохозяйственные связи.

Обоснованность такого рода сомнений подтверждают и результаты конкретных страновых исследований, выполненных на основе методологии «теории зависимости». Так, предпринятое Т.Голдом исследование социально-экономической эволюции Тайваня в 40-80-х годах с использованием модели «тройственного альянса» Эванса на деле переросло в описание отношений по линии «государство – общество». Причем анализ свидетельствовал, что роль второго из этих контрагентов на протяжении всего рассматривавшего периода последовательно усиливалась.¹⁰

Р.Баретт и М.Уайт, проанализировавшие влияние внешних факторов на экономику Тайваня, пришли к выводу, что ориентация промышленности на внешние рынки и привлечение иностранного капитала позитивно отразились на динамике экономического роста и распределении доходов.¹¹ Не отвергая саму концептуальную канву «зависимости», Баретт и Уайт утверждали, что определенные конкретные формы «зависимости» могут не препятствовать, а способствовать сбалансированному развитию. Нельзя не отметить, однако, что само понятие «зависимости» при такой постановке вопроса становится весьма абстрактным или даже приобретает принципиально новый смысл. Оно уже не означает вполне определенные отношения господства и подчинения, связанные с устройством мирового хозяйства, а, скорее, просто указывает на особую важность внешнеэкономических связей для развивающейся экономики.

Можно сказать, таким образом, что в работах, написанных с позиций «теории зависимости», были вполне адекватно сформулированы наиболее трудные вопросы, возникающие при исследовании восточно-азиатского «чуда».

Однако при поиске ответов на них стали очевидными статичность самой «теории зависимости» и априорность ее базовых положений. Не будет преувеличением сказать, что неудача в объяснении феномена азиатских НИС стала одной из причин, по которым «теория зависимости» постепенно утратила свою популярность. Этому способствовали и процессы, протекавшие с начала 80-х годов в самих НИС и явно расходившиеся с предсказаниями этой теории: переход экономик к новым сферам экспортной специализации, прогресс национального предпринимательства, политическая либерализация и т.д. Да и в Латинской Америке, долгое время служившей для «теории зависимости» главным источником фактической информации, стали одна за другой рушиться военные диктатуры, а изменение хозяйственной политики в ряде стран привело к улучшению экономической динамики. В итоге к началу 90-х годов число публикаций, выдержанных в духе «теории зависимости», резко пошло на убыль. Многие исследователи, ранее работавшие в рамках этой интеллектуальной традиции, пересмотрели свою точку зрения.¹²

Факты и теория: попытки примирения. Неоклассика

Если для большинства сторонников «теории зависимости» феномен азиатских НИС представлял собой нечто, требовавшее дополнительного объяснения, то экономисты-неоклассики поспешили записать его в категорию аргументов, подтверждавших правильность их собственных концепций. Экспортная ориентация экономик НИС, вовлечение в мирохозяйственные связи на основе сравнительного преимущества по трудоемким отраслям обрабатывающей промышленности трактовались как пример последовательной реализации неоклассических рецептов экономической политики.

Концептуально обосновывалась возможность воспроизведения опыта НИС другими развивающимися странами. Один из ведущих неоклассических теоретиков развития Б.Балаша на основе эмпирического анализа экспортных потоков из развитых и развивающихся стран обосновал «стадиальный подход» к сравнительному преимуществу. Данные Балаша свидетельствовали, что с прогрессом экономического развития страны, в связи с накоплением физического и человеческого капитала происходят сдвиги в товарной структуре экспорта. Былые преимущества трудоемкой специализации утрачиваются. В экспорте страны увеличивается доля капиталоемких товаров и товаров, для производства которых нужна рабочая сила высокой квалификации.

Страна, таким образом, переходит на более высокую стадию сравнительного преимущества. Ее позиции на мировых рынках трудоемких промышленных изделий теперь могут быть заняты менее развитыми странами, у которых сохраняются значительные массивы дешевых неквалифицированных трудовых ресурсов. В конкретном плане это означало, что стратегия освоения внешних рынков, с успехом апробированная азиатскими НИС, могла быть взята на вооружение и другими развивающимися государствами.¹³

В работах экономистов-неоклассиков были комплексно проанализированы позитивные взаимосвязи между экспортной ориентацией и процессом экономического развития. Они выглядели особенно выигрышно на фоне тех трудностей, с которыми столкнулись латиноамериканские и другие страны, от «легкой» фазы импортзамещения перешедшие непосредственно к его «углублению». Отмечалось, что экспортная ориентация позволяет преодолеть ограничения, связанные с узостью внутреннего рынка развивающейся страны. В результате промышленные производства достигают экономически рациональных объемов выпуска, реализуется эффект экономии на масштабах. Предприятия вступают в международную конкуренцию, а это создает стимулы к повышению эффективности производства — к снижению издержек, улучшению качества продукции, внедрению новых технологий.

Стабильное увеличение объемов экспорта способствует смягчению валютных проблем, препятствующих экономическому росту. Обеспечивается бесперебойный импорт оборудования и сырья для нужд национальной промышленности. В то же время рост промышленного экспорта приводит и к увеличению спроса на инвестиционные товары внутреннего производства. Создаются дополнительные рабочие места, с постепенным исчерпанием излишка трудовых ресурсов ускоряется рост доходов лиц, работающих по найму. В сумме эти обстоятельства способствуют увеличению емкости внутреннего рынка, расширению внутреннего спроса на продукцию обрабатывающей промышленности. Повышение уровня доходов влечет за собой и рост нормы сбережений. Как следствие - расширяются возможности для финансирования капиталовложений из внутренних источников, ослабляется зависимость экономики от иностранных инвестиционных ресурсов.

Б.Балаша и другие неоклассики с привлечением обширного фактического материала показали, что азиатские НИС гораздо легче, чем латиноамериканские страны, перенесли нефтяные шоки 70-х годов. Тем самым было опровергнуто предположение о том, что экспортная ориентация повышает уязвимость экономики к неблагоприятным тенденциям мирохозяйственной конъюнктуры. Напротив, постоянное вовлечение фирм-экспортеров в процесс международной конкуренции формирует у них адаптивные способности, и экономика в целом может гибко реагировать на изменение внешних условий.¹⁴

По мнению неоклассиков, несомненным преимуществом экспортной ориентации является и то, что она побуждает экономическую политику действовать в таком направлении, которое способствует лучшему функционированию рынков. Необходимость адаптироваться к уровню мировых цен способствует проведению консервативной финансовой политики, удержанию инфляции в рамках разумного. Позитивное влияние испытывает на себе и валютная политика, так как курс национальной валюты в условиях экспортной ориентации, как правило, быстро приводится в соответствие с уровнем внутренней инфляции, не допускается его чрезмерное завышение.¹⁵

Но каким образом реально работал в экономиках азиатских НИС механизм экспортной ориентации? В ранних неоклассических истолкованиях речь шла об автоматическом, управляемом чисто рыночными сигналами процессе перераспределения ресурсов в трудоемкие отрасли промышленности. Соответственно, экспортная ориентация отождествлялась с последовательно либеральной политикой, и надо сказать, что в обращении с фактами многие неоклассики были ничуть не более добросовестными, чем самые догматичные сторонники «теории зависимости».

«...Государственное вмешательство по преимуществу отсутствует», - утверждал, к примеру, гонконгский экономист Эд.Чэнь применительно к экономикам не только НИС, но и Японии.¹⁶ Ускоренный рост этих экономик, с его точки зрения, был достигнут благодаря использованию рыночных механизмов и энергии частного предпринимательства, а государство лишь обеспечивало адекватную макроэкономическую и правовую среду. «Цены факторов производства... не были серьезно деформированы», - писал Я.Литтл в статье, посвященной экономическому развитию Тайваня.¹⁷ Причины экономического успеха НИС он связывал с беспрепятственным доступом экспортеров к импорту сырья и оборудования по мировым ценам; с политикой бюджетных профицитов; со свободным функционированием рынков труда (отсутствием государственно-го регулирования минимальной зарплаты, слабостью профсоюзов и их неспособностью монополизировать предложение труда и т.д.).

Б.Балаша к числу преимуществ экономической политики в азиатских НИС по сравнению с латиноамериканскими странами относил: поддержание реальных процентных ставок на положительном уровне; отсутствие субсидиро-

вания тарифов на услуги естественных монополий; стабильность реальных валютных курсов; фактическое предоставление режима свободной торговли экспортерам, которые могли сами выбирать, где им закупать промежуточную продукцию – на внутреннем или внешнем рынках. Признавая наличие в азиатских НИС практики поощрения экспорта, он в то же время указывал на ее недискриминационный характер, на автоматизм в предоставлении льгот экспортерам вне зависимости от специфики той или иной отрасли. Балаша утверждал, что это сильно отличалось от системы субсидирования экспорта в странах Латинской Америки, которая была в высокой степени селективной, а экспортеры принуждались к закупкам сырья и оборудования у местных поставщиков.

Сопоставление особенностей экономической политики в восточно-азиатских и латиноамериканских странах перерастало у Балаша в целый ряд взаимосвязанных дихотомий. Экспортная ориентация азиатских экономик отождествлялась с «внешнеориентированной стратегией развития» и экономическим либерализмом, тогда как реализовывавшаяся в странах Латинской Америки политика импортзамещения ассоциировалась с «внутриориентированной стратегией развития» и государственным дирижизмом.¹⁸

Сами определения «экспортной ориентации» и «импортзамещения» у неоклассиков не были симметричными. Политика импортзамещения определялась как поощряющая реализацию товаров национального производства на защищенном внутреннем рынке. Экспортная же ориентация трактовалась не как проэкспортный режим, а как система «нейтральных стимулов», в равной степени поощряющих продажи и на внутреннем, и на внешних рынках. Фактически тем самым подразумевалось, что переход к экспортной ориентации есть не что иное, как возврат к естественному состоянию свободного рынка, нарушенному протекционистской политикой импортзамещения.¹⁹

С этих позиций определялся неоклассиками и «исходный пункт» экономических успехов азиатских НИС. Его относили к рубежу 50–60-х годов, когда и на Тайване, и в Южной Корее были проведены либерализационные экономические реформы, знаменовавшие собой завершение периода «первичного» импортзамещения и начало экспортной ориентации.²⁰ Речь шла об отказе от множественности валютных курсов и о значительных девальвациях национальных валют; об отмене многих действовавших ранее количественных ограничений импорта и о снижении импортных таможенных тарифов; об освобождении экспортеров от уплаты таможенных пошлин и косвенных налогов по ввозимым инвестиционным товарам; о развитии системы банковского кредитования экспорта; о мерах, гарантировавших права иностранных инвесторов и т.д.

Негативное в целом отношение неоклассиков к курсу на импортзамещение предопределяло их отношение к той политике, которая осуществлялась на Тайване и в Южной Корее в 50-е годы. Так, М.Скотт вообще отрицал необходимость в политике «первичного» импортзамещения и утверждал, что с самого начала индустриализации можно было ориентировать промышленные производства и на внутренний, и на зарубежный рынки.²¹ Г.Ранис указывал на то, что режим импортзамещения в азиатских НИС в 50-е годы был сравнительно «мягким», а период осуществления такой политики был намного короче, чем в других развивающихся странах.²² С этим соглашался и Б.Балаша, но он тем не менее признавал объективную обусловленность «первичного» импортзамещения как начальной фазы индустриализации, в ходе которой происходит освоение национальной промышленностью внутреннего рынка технологически сложных потребительских изделий. Однако Балаша утверждал, что и в рамках этой фазы жесткий импортный протекционизм не оправдан, так как формирующиеся трудоемкие отрасли промышленности и без того конкурентоспособны благодаря дешевизне рабочей силы.²³

Однозначно негативными были оценки неоклассиков по поводу «вторичного» импортзамещения 70-х годов («политика развития тяжелой и химической промышленности» в Южной Корее и осуществление «десяти важнейших проектов» на Тайване). В работах, написанных непосредственно в тот период, усилия властей азиатских НИС по развитию капиталоемких промышленных отраслей (черной и цветной металлургии, химии и нефтехимии, транспортного и точного машиностроения и т.д.) расценивались как не соответствовавшие сравнительному преимуществу, не принимавшие в расчет бедность Тайваня и Южной Кореи ресурсами физического капитала и, в особенности, природными ресурсами.

Саму логику «вторичного» импортзамещения, ставящую во главу угла цепочки межотраслевых связей, Я.Литтл называл «инженерной», не учитывающей экономические показатели рентабельности инвестиций.²⁴ Б.Балаша считал, что ввиду сохранявшейся узости внутренних рынков НИС новые промышленные отрасли ради достижения экономии на масштабах следовало изначально ориентировать и на внутренние, и на экспортные рынки. А для этого нужен был режим «нейтральных стимулов», а не протекционистская политика импортзамещения.²⁵

В более поздних исследованиях структурная политика 70-х годов, в особенности в случае с Южной Кореей, оценивалась как приведшая к образованию в промышленности значительных избыточных мощностей; к потерям бюджетных средств, направленных на поддержку новых отраслей; к накоплению «плохих долгов» в банковской системе и дефициту кредитных ресурсов для экспортных трудоемких производств; к росту внешней задолженности. Утверждалось, что по этим причинам политика поощрения тяжелой промышленности на рубеже 70-80-х годов была свернута, и выбор был сделан в пользу нового тура либерализации.²⁶

(Окончание следует)

1. О таком интересе свидетельствует, в частности, дискуссия на страницах журнала «Мировая экономика и международные отношения», начатая статьей: Эльянов А. Индустриализация развивающихся стран в интерьере мирохозяйственных связей и Россия // МЭМО. 1999. №№ 1,2. В ходе дискуссии и ее инициатор, и многие участники отдавали предпочтение именно экономической модели азиатских НИС как примеру для России.
2. Трактовка автором причин азиатского финансового кризиса была дана в работе: Моziас П. Кризис финансовых рынков в развивающихся странах // МЭМО. 1999. № 1. Если говорить предельно коротко, то первопричиной кризиса послужили не сами методы экономической политики и институциональные структуры, сложившиеся в странах Восточной Азии, а дисбаланс между достигнутой к середине 90-х годов степенью внутриэкономической либерализации – с одной стороны, и ускорившимися в последние годы темпами «открытия» экономик для иностранного спекулятивного капитала – с другой. Вследствие этого дисбаланса резко возросла уязвимость экономик к внешним шокам, и конъюнктурный отток иностранных средств привел к обрушению финансовых индикаторов, а затем – и к экономической рецессии.
3. Среди наиболее заметных исследований последнего десятилетия следует, прежде всего, упомянуть: Максимов А. Экономика Тайваня: итоги и перспективы развития. М., 1991; Хруцкий В. Южнокорейский парадокс. М., 1992; Современный Тайвань. Иркутск, 1994; Суслина С. Республика Корея на постиндустриальной стадии развития (конец 80-х-начало 90-х годов). М., 1997; Буров В. Модернизация тайваньского общества. М., 1998; Островский А. Тайвань накануне XXI века. М., 1999. и др.
4. См.: Cardoso F.H., Faletto E. Dependency and Development in Latin America. Berkley, 1978; Evans P. Dependent Development. The Alliance of Multinational, State, and Local

- Capital in Brazil. Princeton, 1979. В дальнейшем, если не делается специальных оговорок, то речь идет об англосаксонских авторах.
5. См. например: Landsberg M. Export - Led Industrialization in the Third World: Manufacturing Imperialism // Review of Radical Political Economics. 1979. № 4. P. 50-63. Надо сказать, что сходный подход был свойствен и большинству советских работ донерестроечного периода.
  6. Wynn S. The Taiwanese "Economic Miracle" // Monthly Review. April 1982. № 11. P. 30-40.
  7. Cumings Br. The Origins and Development of the Northeast Asian Political Economy: Industrial sectors, product cycles, and political consequences // International Organization. 1984. № 1. P. 1-40.
  8. Cumings. Op.cit. P.8.
  9. Evans P. Class, State and Dependence in East Asia: Lessons for Latin Americanists // Deyo Fr. (ed.) The Political Economy of the New Asian Industrialism. Ithaca-London, 1987. P. 202-226.
  10. Gold T. State and Society in the Taiwan Miracle. Armonk-London, 1986.
  11. Barrett R., White M. Dependency Theory and Taiwan: Analysis of a Deviant Case // American Journal of Sociology. Vol. 87. № 5. March 1982. P. 1064-1090.
  12. В этом смысле показательно развитие взглядов исследователя трудовых отношений в НИС Фр.Дейо. В его работах начала 80-х годов главный акцент делался на репрессивном характере социальной политики в НИС. Впоследствии он сосредоточил свое внимание на эволюции рынков труда в НИС по мере структурных сдвигов в экономиках и политической либерализации. Ср.: Deyo Fr. Dependent Development and Industrial Order: An Asian Case Study. N.Y., 1981; Deyo Fr. Imperatives of Development and the Formation of Social Policy: East Asia's NICs // Modernization in East Asia. Political, Economic, and Social Perspectives. Westport-London, 1992. P. 49-64.
  13. Balassa B. The Newly Industrializing Countries in the World Economy. N.Y. 1981. P. 146-167.
  14. Ibid. P. 15-21, 29-81.
  15. Krueger A. Foreign Trade Regimes and Economic Development: Liberalization Attempts and Consequences. Cambridge (Mass.), 1978. P. 277-279.
  16. Chen Ed. Hyper-growth in Asian Economies: A Comparative Study of Hong Kong, Japan, Korea, Singapore, and Taiwan. L., 1979. P. 183.
  17. Little I. An Economic Reconnaissance // Galenson W. (ed.) Economic Growth and Structural Change in Taiwan. The Postwar Experience of the Republic of China. Ithaca-London, 1979. P.482.
  18. Balassa. Op.cit. P. 6-14.
  19. Bhagwati J. Anatomy and Consequences of Exchange Control Regimes. New York - Cambridge (Mass.), 1979. P. 182-215.
  20. Balassa. Op.cit. P. 381; Chen. Op.cit. P. 111-112, 183-186; Little. Op.cit. P. 472-483.
  21. Scott M. Foreign Trade // Galenson (ed.) Op.cit. P. 308-383.
  22. Ranis G. Industrial Development // Galenson (ed.) Op.cit. P. 206-262. Эту оценку Г.Ранис повторил и в статье, опубликованной спустя полтора десятилетия. См.: Ranis G. Another Look at the East Asian Miracle // World Bank Economic Review. Vol. 9. № 3. September 1995. P. 509-534.
  23. Balassa. Op.cit. P. 5-6.
  24. Little. Op.cit. P. 504-507.
  25. Balassa. B. Op.cit. P. 16-19; 347-422.
  26. Balassa B., Willtarnsom J. Adjusting to Success: Balance of Pyments Policy in the East Asia NICs. Wash., 1990. P. 15-16.

Иностранные инвестиции в Китае: структура, динамика и тенденции развития

© 2001

Ван Лолинъ, Пэй Чжанхун, Лу Шэнлян

Привлечение иностранных инвестиций в КНР в ходе реформы: основные итоги

Реформы и политика открытости положили начало привлечению и использованию прямых иностранных инвестиций в КНР. Весь период их привлечения и использования можно разделить на 4 этапа:

(1) На первом этапе реформ в 1979-1987 гг. прямых иностранных инвестиций в Китае привлекалось сравнительно мало, что было обусловлено несовершенной законодательной базой в этой сфере, слабой инфраструктурой, опасениями потенциальных инвесторов. Иностранные инвесторы еще относились к инвестированию в Китай скорее как к эксперименту.

К концу 1987 г. в Китае было создано 10528 предприятий с участием иностранного капитала, в среднем 1170 предприятий в год, за этот период было подписано инвестиционных соглашений на общую сумму 23,12 млрд.ам.долл., или 2,57 млрд.ам.долл. в среднем за год, было реализовано инвестиций на сумму 10,618 млрд.ам.долл., то есть на 1,18 млрд. долл. в год.

(2) Период с 1988 по 1991 гг. - этап широкого развития инвестиционной сферы. С середины 80-х годов в Китае ускорилась работа по созданию законодательной базы в области привлечения прямых иностранных инвестиций. В частности, в октябре 1986г. Госсоветом КНР было опубликовано Постановление "О поощрении иностранных инвестиций". В нем были решены некоторые проблемы, с которыми сталкивались предприятия с иностранным капиталом, а также предоставлен режим наибольшего благоприятствования экспортно ориентированным и использующим передовые технологии предприятиям с участием

Центр по изучению иностранных инвестиций АОН Китая был основан в 1996 году. В этом Центре ведут исследования не только ученые АОН Китая, занимающиеся проблемой иностранных инвестиций, но и специалисты и официальные лица из правительственных органов, связанные с практической деятельностью по привлечению иностранного капитала в Китай и осуществлению китайских инвестиций за рубежом. Помимо научных исследований Центр по изучению иностранных инвестиций АОН Китая регулярно публикует материалы об иностранных инвестициях в Китае. Ниже в сокращенном варианте публикуется материал о прямых иностранных инвестициях в КНР по состоянию на 1995-1996 гг., подготовленный ведущими научными сотрудниками Центра по изучению иностранных инвестиций АОН Китая.

Ван Лолинъ - вице-президент АОН Китая, директор Центра, председатель Научного совета Центра.

Пэй Чжанхун - зам.директора Центра, постоянный зам.председателя Научного совета Центра.

Лу Шэнлян - зам.ученого секретаря Центра.

иностранного капитала. Рядом министерств и ведомств Госсовета КНР также было издано более десяти инструкций о применении вышеуказанного закона. Одновременно в эти годы заметно увеличились инвестиции в инфраструктуру - в транспорт, связь и энергетику. Это во многом способствовало привлечению иностранных инвестиций. Всего за период с 1988-1991 гг. в Китае было утверждено создание 31975 предприятий с участием иностранного капитала (7994 предприятия в среднем за год) с общим объемом согласованных инвестиций на сумму 29,47 млрд.ам.долл., в среднем на 7,37 млрд.ам.долл. в год, фактически было реализовано иностранных инвестиций на сумму 14,44 млрд.ам.долл. (или на 3,61 млрд.ам.долл. в год).

(3) Период с 1992 по 1995 гг. - период стремительного роста прямых иностранных инвестиций. В начале 1992 г. товарищ Дэн Сяопин, выступая с речью во время своей поездки на юг Китая определил основную цель реформы экономической системы, которая заключается в создании социалистической рыночной экономики. С тех пор Китай стал еще более активно проводить политику открытости. Госсовет КНР принял решение на основе уже имеющихся приморских открытых районов расширить их площадь вглубь страны по реке Янцзы, по линии Синьцзян - Ганьсу - Шанхай и по приграничным районам. В результате принятых мер в 1992-1995 гг. было создано уже 216760 предприятий с участием иностранного капитала, общий объем согласованных инвестиций составил 343,522 млрд.ам.долл., а объем реализованных инвестиций достиг соответственно 109,810 млрд.ам.долл. В 1993 г. по общему объему фактически использованных прямых иностранных инвестиций Китай занял первое место среди развивающихся стран и второе место в мире вообще, уступив в этом отношении лишь США.

Основные особенности использования иностранных инвестиций на этом этапе заключались в следующем: увеличился объем иностранных инвестиций в среднем на каждый объект; иностранные инвесторы стали проявлять усиленный интерес к праву контроля за предприятиями, что привело к появлению большого числа предприятий с полностью иностранным капиталом, а на действующих предприятиях с участием иностранного капитала общепринятым явлением стало увеличение иностранных инвестиций и рост долевого участия иностранных инвесторов; некоторые известные транснациональные компании начали осуществлять крупномасштабные инвестиции в Китай, в отдельных отраслях был нанесен удар по господству на рынке государственных предприятий КНР, что повлекло возникновение в ряде отраслей даже определенной монополии иностранных ТНК; появились некоторые новые формы использования иностранного капитала, такие, как BOT (build operate transfer)* и работа на рынке ценных бумаг.

(4) 1996 год открыл этап регулирования и роста использования прямых предпринимательских иностранных инвестиций. В середине 1995 г. в целях приведения в соответствие проводимой в Китае отраслевой политики и использования инвестиций Госплан КНР, Государственный комитет по экономике и торговле, а также Министерство внешней торговли и внешнеэкономических связей публиковали "Временное положение об управлении иностранными инвестициями", а также "Отраслевой каталог для иностранных инвесторов". Все объекты инвестирования были разделены на 4 категории, а именно: поощряемые, разрешенные, ограничиваемые и запрещенные, причем поощряемые, ограничиваемые и запрещенные категории объектов инвестирования были включены в "Отраслевой каталог для иностранных инвесторов".

---

* Перевод средств, полученных от торговых и финансовых операций на строительство крупных объектов инфраструктуры, требующих больших капиталовложений и длительных сроков строительства.

Регулирование инвестиционной политики в 1996 г. проходило по двум основным направлениям:

а) *регулирование политики льготного налогообложения предприятий с участием иностранного капитала.* В целях создания равных условий конкуренции между китайскими предприятиями и предприятиями с участием иностранного капитала было решено начиная с 1 апреля 1996 г. постепенно отказываться от ранее введенной политики льготного налогообложения при импорте инвестиционных товаров предприятиями с участием иностранного капитала. Так для объектов с иностранными инвестициями до 30 млн.ам.долл. был предоставлен льготный период освобождения от таможенных пошлин и налога на импорт на ввозимое оборудование для собственных нужд. Для объектов с иностранными инвестициями на сумму свыше 30 млн.ам.долл. все эти льготы продолжали действовать лишь до 31 декабря 1997 г.

б) *эксперименты по внедрению системы расчетов в области компенсационной торговли.* В целях обеспечения нормального развития компенсационной торговли в ноябре 1995 г. в городах Сучжоу, Дунгуань и Нинбо были проведены эксперименты по внедрению этой системы расчетов, в результате которых с 1 июля 1996 г. эта система уже была распространена на весь Китай. В 1996 г. произошла смена приоритетов в использовании иностранных инвестиций с упором на их качество, что главным образом выразилось в значительном увеличении объема фактически реализованных инвестиций при уменьшении общего количества создаваемых совместных предприятий и общего объема инвестиций по подписанным соглашениям, увеличении объема инвестирования в среднем на каждый объект и заметном росте инвестиций в сферу высоких технологий и инфраструктуру.

К концу 1996 г. в Китае было образовано 283820 предприятий с участием иностранного капитала, заключено соглашений на сумму 469,39 млрд.ам.долл., фактически использовано иностранного капитала на сумму 176,595 млрд.ам.долл. В 90-е гг. происходил стремительный рост доли иностранных инвестиций в производстве ВВП и в основные производственные фонды (ОПФ). Если в 1990 г. доля прямых иностранных инвестиций в ВВП составляла всего 0,9%, а в общем объеме инвестиций в ОПФ - 2,6%, то в 1996 г. их удельный вес заметно возрос - до 5,2 и 10,4%, соответственно.

Среди всех форм привлечения иностранного капитала самая большая доля принадлежит совместным предприятиям Китая с зарубежными странами (СП). В частности, в 1979-1996 гг. на совместные предприятия приходилось свыше 61% всех предприятий с участием иностранного капитала, 46% общего объема инвестируемого иностранного капитала в соответствии с подписанными соглашениями и 51% общего объема фактически использованных иностранных инвестиций. Вместе с тем в 90-е гг. стала наблюдаться и тенденция к ежегодному приросту доли предприятий, полностью принадлежащих иностранному капиталу.

Среди источников поступления прямых иностранных инвестиций большая часть приходится на инвестиции из Гонконга, Макао и Тайваня, меньшая доля приходится на инвесторов США, Японии, Сингапура, Южной Кореи, Англии, Германии и Франции.

Наконец в 1996 г. по количеству объектов инвестирования, общему объему согласованных инвестиций и объему фактически использованных инвестиций лидировали хуацяо из Гонконга, Макао и Тайваня, с участием которых было образовано 202714 предприятия (71,41% от общего числа предприятий с участием иностранного капитала), заключено соглашений о прямых иностранных инвестициях на сумму 307,6 млрд.ам.долл. (или 65,53% общей суммы инвестиций на основе подписанных соглашений) и было фактически использовано

118,558 млрд.ам.долл. (или 67,65% от общего объема фактически использованных инвестиций).

По отраслевой структуре иностранных инвестиций преобладает "вторая сфера" (промышленность и капитальное строительство), где в 1979-1995 г. было создано 176744 совместных предприятия (76% общего количества всех СП) с общим объемом капитала 386,5 млрд.ам.долл. (61% всех иностранных инвестиций), общим объемом зарегистрированного капитала - 258,2 млрд.ам.долл. (64% всего объема зарегистрированного капитала) и общим объемом перечисленного иностранными партнерами капитала - 159 млрд.ам.долл. (62% всего объема фактически перечисленного капитала). Доля иностранного капитала в "третьей сфере" (транспорт, торговля, услуги, финансы и прочие отрасли) относительно невелика - 38% объема иностранных инвестиций, 34% всего зарегистрированного капитала и 36% всего фактически перечисленного капитала). Минимальными остаются иностранные инвестиции в "первую сферу" (отрасли сельского хозяйства, ирригация, метеорология) - не более 1-2% по всем отраслевым показателям.

В разных регионах страны размеры иностранных инвестиций неодинаковы. В основном они пока сконцентрированы в восточных приморских районах. В центральных и западных районах Китая объем привлеченных иностранных инвестиций невелик. На территории 12 провинций и городов центрального подчинения восточных районов (Ляонин, Пекин, Тяньцзинь, Жэбэй, Шаньдун, Цзянсу, Шанхай, Чжэцзян, Фуцзянь, Гуандун, Гуанси, Хайнань) находится 81,7% всех предприятий с участием иностранного капитала, привлечено 86,9% общего объема иностранных инвестиций, 84,9% общего объема зарегистрированного капитала и 85,1% объема перечисленного капитала. Практически по всем показателям доля иностранных инвестиций в центральных и западных районах КНР не превышает 15% по каждому из упомянутых показателей.

В 90-е г. стремительный рост объемов импорта и экспорта предприятий с иностранным капиталом явился основным показателем развития внешней торговли. Доля импорта и экспорта предприятий с иностранным капиталом в общем объеме импорта и экспорта страны возросла с 5,6 в 1987г., до 47,3% в 1996 г. А доля их импорта в общем объеме импорта страны составила 54,5% в 1996 г., что свидетельствует о ведущей роли предприятий с участием иностранного капитала в импорте Китая.

На предприятиях с участием иностранного капитала ситуация с управлением производством лучше чем на государственных предприятиях. Согласно данным годовой проверки предприятий, проведенной Государственным Административным управлением промышленности и торговли, в 1995г. насчитывалось 35,5 тыс. предприятий, которые имели прибыль по итогам финансового года (32,6% от общего числа предприятий с иностранным капиталом), их средняя прибыль превышала 400 тыс.ам.долл. на одно предприятие. Однако 63,9 тыс. предприятий были убыточными, то есть 58,7% от их общего числа. В среднем общая сумма убытков составила 160 тыс.ам.долл. на одно предприятие. Согласно данным по финансовой отчетности 46 тыс. предприятий с иностранным капиталом за 1995 г. средняя прибыль на капитал составила 6%, а средняя прибыль от продаж - 3,5%, что превышало показатели государственных промышленных предприятий.

В 90-е годы в Китае происходил быстрый рост валютных резервов. На конец 1996 г. объем валютных резервов достиг 105 млрд.ам.долл. Определенную позитивную роль в этом играли иностранные инвестиции. Их влияние на платежный баланс Китая проявлялось на мировом рынке с одной стороны, в положительной роле иностранных инвестиций, в связи с притоком капитала, с другой - в отрицательном воздействии при пассивном торговом балансе пред-

приятый с участием иностранного капитала; и при выплате иностранным инвесторам прибыли в иностранной валюте. Например, в 1995 г. объем прямых иностранных инвестиций в КНР составил 33,736 млрд.ам.долл., пассивное сальдо торгового баланса предприятий с иностранным капиталом - 16,06 млрд.ам.долл., а объем выплат прибыли этим предприятиям - 9,953 млрд. ам.долл. В итоге в 1995 г. объем валютных резервов КНР увеличился на 7,723 млрд. ам.долл., что составило прирост в 34,4%.*

За годы реформ и политики открытости благодаря использованию большого объема иностранного капитала экономика Китая получила быстрое развитие. В свою очередь успешное использование иностранных инвестиций сыграло активную роль в обновлении идеологии и ускорении реформ и политики открытости. Основной вклад иностранного капитала в экономику страны складывается из следующих факторов:

(1) Увеличиваются темпы экономического роста. Иностранные инвестиции восполнили недостаток собственных, внутренних инвестиций. По средствам привлечения иностранных инвестиций приобретает передовой опыт управления и передовые производственные технологии. Предприятия с иностранным капиталом выплачивают налоги в бюджет, что обеспечивает рост финансовых доходов государства. Наконец, эти предприятия создают определенное число новых рабочих мест и способствуют решению проблемы занятости; на них происходит также обучение местных кадров.

(2) Ускоряется процесс перехода страны к рыночной экономике. Приток иностранных инвестиций способствует созданию в Китае рыночного механизма и механизма конкуренции, что приводит к росту конкуренции среди китайских предприятий к более глубокому пониманию ее механизма. Иностранные инвестиции стимулируют реформу государственных предприятий, способствуют обновлению механизма хозяйствования на них. Иностранные инвестиции оказывают далее стимулирующее воздействие на реформу всей системы хозяйствования: в целях совершенствования инвестиционного климата в Китае постепенно начали проводить глубокие реформы системы цен, финансовой, налоговой, инвестиционной, валютной политики, а также систем внутренней и внешней торговли и других областей всего механизма хозяйствования.

(3) Происходит ускорение процесса интеграции Китая в мировую экономику. Степень открытости предприятий с участием иностранного капитала довольно высока, что способствовало укреплению связей экономики Китая с внешним рынком. Работа на мировом рынке предприятий с участием иностранного капитала явилась примером для китайских предприятий, и это привело к изменению их производственной политики; теперь она уже не ограничивается рамками одного Китая, расширяясь до масштабов мировых рынков. В результате постоянно растет число китайских предприятий, вышедших на международный рынок и использующих его возможности. Иностранные инвестиции стимулируют тем самым развитие китайской экономической системы в соответствии с международными требованиями. Это выражается в постепенном приближении к международным стандартам системы управления китайских предприятий, правовых режимов, системы бухгалтерского учета на них.

Иностранный капитал в Китае: вызовы и проблемы для китайской экономики

1. Иностранные предприниматели и их контроль в отраслях через акционерный капитал. В некоторых отраслях экономики контроль за хозяйст-

* В 1999 г. валютные резервы Китая составили 156 млрд. ам. долл. (Прим. редакции).

венной деятельностью предприятий осуществляется иностранными инвесторами использующими для этого два способа - создание предприятий со 100%-м участием иностранного капитала и наличие в их руках контрольного пакета акций в СП. По данным Государственного Административного управления промышленности и торговли, доля предприятий со 100%-м участием иностранного капитала увеличилась с 24,5 в 1993 г. до 32,9% в 1995 г., и в последующие годы также наблюдалась тенденция к росту доли таких предприятий.

На СП пакет акций иностранных инвесторов также непрерывно увеличивается. В 1995 г. в провинции Фуцзянь, например, в СП, имеющих капитал более 10 млн. долл., доля акций иностранных инвесторов составляла 57,8%. Эти инвестиции имеются в таких отраслях, как финансы, электроэнергетика, производство химических волокон, стекла, цемента, бытовой техники, нефтехимической, электронной и бумажной промышленности, а также в сфере операций с недвижимостью.

В машиностроении к концу 1995 г. среди СП с общим объемом инвестиций более 10 млн.ам.долл. количество предприятий с контрольным пакетом акций у иностранного инвестора превысило число предприятий с контрольным пакетом акций у отечественных инвесторов. Большинство таких предприятий - более 83% - были созданы в период 1994-1995 годов. Иностранные инвесторы занимают ведущие позиции в производстве бытовых электроприборов, где они контролируют 75% акций всех СП отрасли, в производстве фармацевтической продукции - 70% акций; средств - отрасли на 13 из 15 СП иностранные предприниматели обладают контрольным пакетом акций и в производстве шин - контрольные пакеты на 16 из 22 СП.

2. Иностранный капитал и отраслевые рынки. Согласно материалам 3-й Всекитайской промышленной переписи, доля валовой продукции промышленности предприятий с участием иностранного капитала составила 14,7% валовой продукции всех промышленных предприятий КНР. Хотя по стоимости производимой продукции принадлежащая этим предприятиям доля рынка невысока, но они контролируют некоторые наиболее важные и ключевые его сегменты рынка.

Постоянно растет доля предприятий с иностранным капиталом в новых, а также в высокотехнологичных отраслях. В ряде отраслей такие предприятия уже полностью контролируют китайский внутренний рынок. Например, в микроэлектронике из 8 предприятий, производящих интегральные схемы, 5 предприятий являются совместными, 1 - полностью с иностранным капиталом и лишь 2 - государственные. Объем инвестиций указанных 6 предприятий с иностранным капиталом составил 469 млн.ам.долл. (66% общей суммы инвестиций в эту отрасль). По уровню технологии и качеству производимой продукции предприятия с иностранным капиталом повсеместно превосходят государственные. Например, большинство видов продукции микроэлектроники с характеристикой менее 0,8 μm производится предприятиями с иностранным капиталом. В области производства компьютеров американская компания IBM открыла одну фирму со 100%-м иностранным капиталом и 6 контролируемых ею СП, а также имеет в Китае 72 партнерские фирмы, 200 специализированных магазинов по продаже персональных компьютеров. Она заняла первое место по объему инвестиций в сферу компьютерных технологий Китая. То, что компьютерное производство приобрело также крупные масштабы в стране, во многом произошло благодаря предприятиям с иностранным капиталом.

Уже заметна тенденция к захвату иностранными инвесторами рынка отраслей с высокой нормой прибыли. При выборе иностранными инвесторами направлений вложений инвестиций наблюдаются две характерные особенности: первая - при выборе отрасли, преимущество отдается отсталым отраслям;

вторая - при выборе вида продукции, наибольший интерес привлекают производство конечного продукта, а также товары широкого потребления, имеющие хорошие рыночные перспективы и высокую рентабельность. Отрасли же с высокой себестоимостью и низкой рентабельностью остаются государству. В результате наибольшая прибыль достается иностранным инвесторам. Например, в таких отраслях машиностроения, как автомобилестроение, электроника и производство оборудования для нефтехимии, доля иностранных инвестиций составила 75%. В области медицины и фармацевтики предприятия с иностранным капиталом в основном занимаются производством готовых препаратов, производство сырья осуществляют практически только китайские предприятия. К отраслям с высокой рентабельностью, в которых активно действуют иностранные инвесторы, относятся также производство синтетических моющих средств, пивоварение, производство велосипедов, холодильников, стиральных машин и кондиционеров. После 1998 г. иностранный капитал контролирует свыше 50% рынка бытовой электротехники в Китае.

Предприятия с участием иностранного капитала постепенно начинают осуществлять крупномасштабные инвестиции в традиционные китайские отрасли и контролировать там большую долю рынка. Например, машиностроение имело довольно хорошую базу, но в связи с большими иностранными инвестициями, вызвавшими рост производительности, при малой доли экспорта предприятиям с участием иностранных инвестиций пришлось занимать внутренний рынок. Согласно выборочному обследованию по предприятиям машиностроения, в 1994 г. 70% предприятий в основном ориентировались на внутренний сбыт и только 30% предприятий работали прежде всего на внешний рынок. Текстильная промышленность, являющаяся традиционной, а также основной экспортной отраслью Китая, тоже привлекла большие объемы иностранных инвестиций, причем среди предприятий этой отрасли имеется немало экспортно ориентированных, но их доля сбыта на внутреннем рынке по-прежнему велика - приблизительно 42%.

3. Конкуренция товаров иностранных марок. Некоторые всемирно известные компании, используя свое преимущество в технологии, оговаривают требование, чтобы произведенный в СП товар имел торговую марку этой фирмы. В результате чего многие китайские торговые марки теряют свою популярность на отечественном рынке. Часто СП с контрольным пакетом акций иностранного инвестора не используют прежние китайские торговые марки. Что особенно характерно для таких отраслей, как производство бытовых электроприборов, легкой и химической промышленности. Это происходит потому, что доход от реализации продукции с иностранной торговой маркой выше, чем с китайской.

Проникновение известных зарубежных торговых марок в Китай не только ведет к потере рынка для товаров отечественных марок, но и создает трудности в их развитии. Например, разработанные в Китае технологии телефонных коммутаторов с цифровым управлением H1D - 04 для крупных компаний достигли мирового уровня и завоевали определенную известность на внутреннем рынке, начав оказывать немалое влияние и на международный рынок цифровых коммутаторов. Тем не менее аналогичная продукция известных зарубежных торговых марок в большом количестве продолжает поступать на китайский рынок, на котором ее изготовители имеют определенные преимущества перед отечественными производителями (объем инвестиций, льготы в налоговой и других сферах для предприятий с иностранным капиталом). В результате известные отечественные торговые марки уступили часть внутреннего рынка зарубежным торговым маркам.

4. *Проблема передачи технологий.* Привлечения иностранных инвестиций связывалось с желанием получить передовые зарубежные технологии, однако в действительности в некоторых отраслях эта цель так и не была достигнута. Большая часть новейших технологий, предоставленная транснациональными компаниями, являются продукцией вчерашнего дня. Это явление характерно, в частности, для медицинской и фармацевтической промышленности, где значительная доля продукции, производимой на СП, разработана в самом Китае и не является дефицитом на внутреннем рынке. В станкостроении многие СП представляют собой сборочные цеха собственной продукции для иностранных компаний. При этом те стремятся передать в СП, как правило, технологию низовых производственных звеньев либо стандартные технологии.

Транснациональные компании обычно выбирают себе в Китае в партнеры мощные и эффективные предприятия, которые уже имеют опыт освоения технологий. После образования СП большинство предприятий упраздняют прежние структуры, занимавшиеся разработкой технологий, и используют технологии, предоставляемые зарубежными партнерами. Возможности для самостоятельной разработки технологий в СП очень ограничены, что приводит к их зависимости от зарубежных стран.

Большинство СП по своим размерам невелики, их технологический уровень невысок. Например, в электронной промышленности более чем на 80% из 10 тыс. СП зарегистрированный иностранный капитал не достигает 500 тыс. ам.долл, причем большая часть продукции производится ими на компенсационной основе. Иностранные инвесторы главным образом используют дешевую рабочую силу и другие производственные ресурсы Китая. Так, многие гонконгские и тайваньские предприниматели переносят на территорию КНР производство конечного продукта или конечный этап производства своей собственной продукции.

5. *Неравноправные условия конкуренции с китайскими предприятиями.* В начале 80-х годов в целях привлечения иностранных инвестиций китайское правительство предоставляло различные льготы для иностранного капитала.

Внутригосударственные налоговые льготы. Действовала льготная политика в сфере налогообложения для СП, суть которой состояла в полном освобождении от двух видов налогов и частичном - от трех; в особых экономических зонах (ОЭЗ) и зонах развития высоких технологий для СП в производственной сфере, помимо полного освобождения от двух видов налогов и частичного - от трех видов, предоставлялись также льготные ставки подоходного налога, а в сфере капитального строительства или инфраструктуры - льготные налоговые ставки; в некоторых отраслях, например в шинной промышленности, СП освобождались от уплаты акцизов, в то время как отечественные предприятия должны были их платить. В 1994 г., после ввода в действие новой налоговой системы, выплачиваемый ранее СП единый торгово-промышленный налог был преобразован в налог на добавленную стоимость, и китайские предприятия были уравнены с иностранными, но при выплате подоходного налога и акцизов льготы для СП сохранены.

Льготные таможенные пошлины. До 1 апреля 1996 г. импортируемые предприятиями с иностранным капиталом машины и оборудование, сырье и другие инвестиционные товары не облагались таможенными пошлинами. С 1 апреля 1996 г. эти льготы были упразднены, но предприятия, подписавшие до 1 апреля 1996г. договоры на сумму свыше 30 млн. ам.долл., продолжали пользоваться льготами в течение срока от 8 до 20 месяцев. В результате иностранные инвесторы, вкладывающие свои средства в производство товаров компенсационной торговли, получали прибыль главным образом за счет льготного таможенного режима. Развитие компенсационной торговли частично подменило со-

бой экспорт китайских предприятий и создало неравноправные условия конкуренции отечественным предприятиям.

Льготное ценообразование. В настоящее время в Китае на некоторые виды продукции цены устанавливает государство, в то время как на предприятия с иностранным капиталом подобные ограничения не распространяются, что создает неравные условия конкуренции. Наиболее типичным примером являются цены на лекарственные препараты. Вследствие того, что цены на продукцию госпредприятий фиксированы, цены СП на однотипную продукцию выше в несколько раз цен на продукцию госпредприятий.

6. *Вопросы управления предприятиями с участием иностранного капитала.* На начальной стадии деятельности СП существовало две основных проблемы:

(1) Несовершенство политики допуска иностранных инвестиций. В Китае только в 1995 г. был разработан "Отраслевой каталог", определяющий, каким отраслевым министерствам разрешается привлекать иностранные инвестиции. Правда, и этот перечень был недостаточно конкретным и полным. Однако проблемы, о которых мы упоминали выше (владение контрольным пакетом акций, распределение рынка, недостаточно полная передача технологий) возникают как раз в отраслях, разрешенных для иностранных инвестиций.

(2) Наличие противоречий между управлением на макроуровне и интересами местных органов власти и коллективов предприятий. В "Отраслевом каталоге", а также во всех планах развития ведущих отраслей упоминается о государственном управлении иностранными инвестициями на макроуровне, но в связи с тем, что на практике по многим конкретным вопросам это управление осуществляется плохо, возникает противоречие с интересами местных органов власти и коллективов предприятий. Многие крупные предприятия и местные органы власти в целях дальнейшего ускорения экономического развития стали создавать большое количество СП для получения различных льгот, особенно в сфере налогообложения. После слияния с иностранным капиталом в форме акционерного пая они смогли не только привлечь дополнительные инвестиции и новейшие технологии, но и стимулировать производственный оборот. Данный простой и эффективный способ решения проблем государственных предприятий стали использовать повсеместно. В масштабах страны это неизбежно ведет к возникновению бесплановости, и дублирования объектов строительства, снижения требований, предъявляемых к иностранному инвестору.

На определенной стадии деятельности СП возник еще ряд новых проблем, связанных с их управлением. Во-первых, государственные органы недостаточно контролируют текущую деятельность СП, полагают, главное - общий объем привлечения иностранного капитала, а собственно производственная деятельность СП - дело второстепенное.

Во-вторых, отсутствует система проверки статистических данных о деятельности СП. В настоящее время ряд ведомств, например Государственное административное управление промышленности и торговли, Управление по финансам и налогам, Министерство внешнеэкономических связей и внешней торговли проводят ежегодные проверки хозяйственной деятельности СП. Однако содержание статистических данных, полученных в результате этих проверок, оказывается различным из-за различий статистической учетной базы, и это не дает полной ясности относительно экономической ситуации на предприятиях с участием иностранного капитала по стране в целом.

В-третьих, характер трудностей, возникающих у СП в разных отраслях, связан не только с отраслевой спецификой производства, но и с деятельностью отраслевых министерств и ведомств, которые зачастую не способны пе-

рестроиться и по-прежнему пытаются непосредственно руководить деятельностью СП.

В-четвертых, недостаточно организовано ведется работа по управлению китайскими держателями пакетов акций, которые часто не ориентируются в ситуации и делают неоправданные уступки иностранным инвесторам в ходе переговоров или в процессе практического разделения обязанностей и ответственности.

Наконец, на многих СП не соблюдаются интересы китайских рабочих и служащих (тяжелые условия труда, наличие конфликтов у них с местными властями и иностранными инвесторами т.д.).

Регулирование инвестиционной политики

В будущем, по мере углубления рыночных отношений в стране и глобализации процесса китайской экономики, с развитием отраслевой структуры и повышением технологического уровня китайских предприятий, будет необходимо продолжать активно, разумно и эффективно использовать иностранный капитал. Китай должен и в дальнейшем стимулировать продвижение институциональных реформ, совершенствовать инвестиционную обстановку и повышать привлекательность китайского рынка для иностранных инвесторов.

1. Реформа экономической системы, изменение ситуации на внутреннем рынке в соответствии с ситуацией на мировом рынке.

За прошедшие 20 лет процесс открытия Китая для внешнего мира опередил процесс внутренних реформ, что привело к возникновению проблем в сфере использования иностранного капитала. Правда, отчасти это было связано и с отставанием процесса преобразований внутри экономической системы страны. Предприятия с участием иностранного капитала, функционирующие в соответствии с принципами рыночной экономики, отличаются от китайских предприятий всех других секторов экономики, особенно от государственных предприятий. На первые не распространяются различного рода ограничения, то есть они находятся в более выгодном положении, чем отечественные предприятия.

Ускорение реформы экономической системы в КНР сможет обеспечить равные условия конкуренции китайских предприятий и предприятий с участием иностранного капитала. Уровень развития производства и успехи хозяйственной деятельности СП обычно выше, чем чисто китайских предприятий. В этой ситуации необходимо шире заимствовать опыт и методы работы предприятий с участием иностранного капитала, привлекать иностранный капитал к сотрудничеству с китайскими предприятиями, поощрять слияние отечественных и иностранных предприятий и покупку иностранными компаниями отечественных предприятий. Предоставляя иностранным инвесторам льготы, можно создавать мощные отечественные предприятия.

2. Введение национального режима для предприятий с участием иностранного капитала.

Вслед за усилением роли прямых иностранных инвестиций в стимулировании экономического развития в ходе процесса глобализации стала постепенно складываться соответствующая практика, которая подразумевает предоставление иностранным инвесторам национального инвестиционного режима. Иначе говоря - права у иностранных инвесторов должны быть не меньше, чем у местных. Это - одно из основных требований Всемирной торговой организации (ВТО). Его цель - предотвращать дискриминационные действия в отношении иностранных инвесторов.

В китайском законодательстве еще не оговорен вопрос о предоставлении иностранным предпринимателям национального инвестиционного режима.

На начальном этапе реформ, в условиях плановой экономики, предприятия с иностранным капиталом обладали такой особенностью, как "функционирование вне рамок плановой системы". Вопрос об использовании национального инвестиционного режима не ставился, иностранные инвесторы просто старались по возможности осуществлять свою производственную деятельность в соответствии с принципами рыночной экономики.

Такое "функционирование вне рамок плановой системы" было очень удобным для производственной деятельности предприятий с участием иностранного капитала. Например, продукция государственных предприятий могла реализовываться только по ценам, установленным правительством, предприятия же с иностранным капиталом могли продавать свою продукцию по рыночным ценам; вместе с тем, государственные предприятия получают сырье и энергоресурсы по принципу "планового снабжения по внутренним государственным ценам", а предприятия с иностранным капиталом могли приобретать их только по рыночным ценам. Для того чтобы нейтрализовать это неблагоприятное порождение существующей системы, в Китае в течение долгого периода применялось большое количество разных льгот в отношении предприятий с участием иностранного капитала, включая освобождение от таможенных пошлин, подоходного налога, льготное пользование землей и многое другое. В ряде вопросов, в частности таких, как разрешенный размер инвестиций, доступ к основным факторам производства, распределение акционерами паев, условия увеличения уставного капитала и размера доли, они уже поставлены в одинаковое положение с китайскими предприятиями. Однако в вопросах ставок подоходного налога, экспортно-импортных прав, финансовых прав на международных рынках капитала они по-прежнему имеют больше общих льгот по сравнению с китайскими предприятиями.

Весь вышеприводимый анализ свидетельствует о том, что в Китае в отношении иностранных инвесторов уже в основном осуществляется национальный режим и что вряд ли какие-то отдельные несущественные вопросы по поводу разницы в нормативах доходов и расходов в целом повлияют на решение проблемы предоставления национального режима иностранным инвесторам. Так что в будущем, Китай окажется в состоянии выполнить основную задачу по предоставлению национального режима иностранным инвесторам.

В вопросе национального режима для иностранных инвесторов следует особо отметить два момента:

(1) Осуществление национального режима вовсе не означает безусловного открытия внутреннего рынка. В частности, решение таких вопросов, как степень открытости внутреннего рынка перед иностранным капиталом, право вхождения на рынок, паевые доли совместных предприятий и др., по-прежнему является прерогативой самой страны.

(2) Национальный режим не исключает возможности одновременного предоставления иностранным инвесторам льготного режима. Применение принципа национального режима предусматривает предоставление иностранным инвесторам прав не меньше, чем местным инвесторам, и вовсе не исключает возможности предоставления иностранным инвесторам определенного льготного режима. В частности, в Китае предполагается проводить льготную политику для привлечения иностранного капитала в сельское хозяйство и предприятия высоких технологий центральных и западных районов страны.

3. Отраслевое и территориальное регулирование прямых иностранных инвестиций.

Начиная с 1995 г. с утверждением "Отраслевого каталога для иностранных инвестиций" в Китае поощряются инвестиции в новые сельскохозяйственные технологии, в объекты комплексного освоения, инфраструктуру и базовые

отрасли, а также направляемые на увеличение экспорта и улучшение структуры экспортных товаров, инвестиции в объекты комплексного использования ресурсов, охрану окружающей среды, а также инвестиции в центральные и западные районы страны. К ограничиваемым инвестициям были отнесены инвестиции в уже освоенные или привлеченные технологии, в объекты, производственные мощности которых позволяют полностью удовлетворить спрос внутреннего рынка; в отрасли, продукция которых реализуется путем спецпродаж; в объекты, осуществляющие освоение и разработку редких и драгоценных полезных ископаемых, а также в другие объекты, попадающие под единое государственное планирование. К запрещенным инвестициям относятся инвестиции в объекты уникальных технологий и объекты освоения секретных и уникальных ресурсов, в средства массовой информации, в объекты оборонной промышленности и некоторые другие, (исходя из существующей практики) запрещенные для прямых иностранных инвестиций объекты. Однако на деле обернулось совсем иначе.

Объем инвестиций в поощряемые правительством отрасли оказался крайне мал, их удельный вес низок, например в отрасли, разрабатывающие новые сельскохозяйственные технологии. А вот концентрация иностранных инвестиций в некоторых запрещенных отраслях, таких, как производство цветных телевизоров, холодильников, автомобилей, строительство фешенебельных отелей оказалась очень высокой. Анализ территориальной структуры иностранных инвестиций показывает, что доля иностранных инвестиций, направленных в центральные и западные районы Китая, незначительна.

4. Усиление контроля и управления работой совместных предприятий.

В работе по привлечению иностранных инвестиций в Китае всегда была проблема: основное внимание уделялось привлечению инвестиций, а управление ими считалось делом второстепенным. Существовал разрыв между управлением СП на этапе привлечения инвестиций и управлением на последующих этапах строительства и функционирования этих предприятий. Между тем именно в последующей, производственной, деятельности часто нарушались обязательства, взятые на переговорах между китайскими и иностранными инвесторами. В частности, не соблюдается квота экспортной продукции в общем объеме производства созданного СП, уровень импортируемой технологии оказывается ниже обещанного инвестором; в свою очередь, китайской стороной не выполняются в срок обещания по комплектации и т.п.

Многие годы в системе управления Китая существовала проблема разделения административной власти "по вертикали и горизонтали", то есть между регионами и ведомствами. Она была перенесена и на управление СП, что выражалось в непредоставлении теми статистической отчетности в отраслевые министерства или местные органы власти, что затрудняло принятие стратегических решений по управлению СП в масштабах страны. Последнее исключительно важно при работе с транснациональными корпорациями, имеющими долгосрочную инвестиционную стратегию.

По мере того как с каждым днем росло число крупных транснациональных компаний, осуществляющих инвестиции в Китай, обострялась необходимость скорейшей разработки законодательства и политики, обеспечивающих конкурентоспособность китайского рынка. Некоторые транснациональные корпорации после проникновения на китайский рынок непрерывно наращивали там капиталы, создавали новые предприятия. Начав с приобретения контрольного пакета акций одного предприятия, они переходили затем к завоеванию контроля на рынке в целом. В отдельных отраслях и районах Китая возникла тенденция к созданию монополии иностранных инвесторов, сильно ослаблявшая конкурентность рынка. Поэтому на будущее необходимо путем разработки

антимонопольного закона и других соответствующих актов и положений защищать конкурентность рыночной структуры. В открытых для внешнего мира сферах необходимо следить за соблюдением дифференциации и разнообразия источников поступления иностранных инвестиций, формировать отношения конкуренции между иностранными инвестиционными предприятиями, стремиться к тому, чтобы иностранные инвесторы использовали новейшие технологии, производили новую продукцию, снижали себестоимость импорта и всемерно способствовали развитию производства в Китае.

5. Дальнейшее расширение сфер открытости и увеличение многообразия форм использования иностранного капитала.

За последние несколько лет правительство Китая уменьшило инвестиционные ограничения во многих отраслях - розничной и внешней торговле, финансах, страховании, авиации, сфере юридических услуг, бухгалтерском аудите, информационных услугах. Необходимо ускорять продвижение реформ в сфере услуг, в том числе как можно скорее осуществить переход к рынку в отраслях с недостаточной конкуренцией и высоким уровнем монополизации, где основу составляют государственные предприятия. Следует отметить, что конкурентоспособность многих отраслей "третьей сферы" Китая по сравнению с другими странами намного ниже именно вследствие длительного отсутствия конкуренции. Поэтому здесь должно быть одинаковое отношение как к местным, так и к иностранным инвесторам.

Китаю также следует активно искать новые способы использования капитала. В связи с тем, что заимствования за рубежом ограничиваются размерами долга, в будущем практика использования иностранных инвестиций за счет заимствований за рубежом может быть ограничена. Поэтому наряду с привлечением прямых иностранных инвестиций, необходимо одновременно активно открывать новые пути использования иностранного капитала, с тем чтобы они смогли бы обеспечивать такую структуру иностранных инвестиций, которая строилась бы на принципе долговременного и бездолгового притока капитала, недопущения чрезмерно высокой доли иностранных паев в некоторых важных отраслях в целях предотвращения явлений монополизации и контроля иностранных инвесторов в этих отраслях.

За последние 10 лет, кроме прямых иностранных инвестиций, возникли новые формы бездолговых международных инвестиций - в виде особых прав использования финансовых средств международных рынков ценных бумаг и "ВОТ" (build operate transfer). Например, в США общественные фонды уже стали одной из важных сфер использования этой формы. В 1993 г. общий объем его имущества составил 2 трлн. ам.долл. - 85% всех банковских депозитов США. Для строительства объектов инфраструктуры Китаю нужны крупные средства. Однако объем необходимых инвестиций довольно велик, сроки строительства весьма продолжительны, расходы контролируются правительством, сроки окупаемости тоже продолжительны и по множеству причин неопределенны. Если не будет разработана специальная политика в этом вопросе, то будет невозможно привлечь прямые иностранные инвестиции в требуемых масштабах. Между тем как использование обычных займов, как отмечалось, ведет к увеличению внешнего долга. В последнее время во многих странах для использования иностранного капитала в реализации инфраструктурных проектов стали использовать именно такую новую форму "особых прав строительства общественных объектов", как "ВОТ". В Китае тоже проводится на двух объектах такого рода эксперимент. После обобщения его итогов и завершения разработки соответствующего законодательства Китай будет более активно использовать данную форму привлечения иностранного капитала.

Дальнейшие перспективы привлечения иностранного капитала

Основным фактором, определяющим динамику привлечения иностранного капитала в Китай, являются инвестиции из Гонконга и Тайваня. С 1979 по 1996 г. в Китае реально было использовано иностранных инвестиций на сумму 177,2 млрд.ам.долл., причем инвестиции из Гонконга, Макао и Тайваня составили 118,58 млрд.ам.долл., или 67,65% общего объема использованных инвестиций. В 1994 г. и 1995 г. объемы иностранных инвестиций значительно выросли. Прямые инвестиции США, Японии, Великобритании, Франции и Германии тоже значительно увеличились, однако их приток в Китай был относительно невелик, между тем, как "четыре азиатских дракона" рассматривали Китай как основной рынок для своих инвестиций.

Как показывают выборочные данные за 1994-1995 гг., большая часть зарубежных инвестиций из Гонконга, Тайваня и Сингапура направлялась в экономику КНР. В частности, в 1995 г. в КНР было вложено 20 млрд. ам.долл. из 25 млрд.ам.долл. (или 80,2% всех зарубежных инвестиций) из Гонконга, с Тайваня - 3,2 млрд.ам.долл. из 3,822 млрд.ам.долл. (82,7% всех зарубежных инвестиций), из Сингапура - 1,85 млрд.ам.долл. из 2,799 млрд.ам.долл. (66,1% всех зарубежных инвестиций), из Южной Кореи - 1,04 млрд.ам.долл. (34,7%), из Японии - 3,11 млрд.ам.долл.(14,6%). Таким образом, основным рынком для зарубежных инвестиций из Гонконга и Тайваня стал Китай, для Южной Кореи и Сингапура Китай также стал основным инвестиционным рынком. В глазах японских инвесторов инвестиционный рынок Китая тоже занимает твердое место, а вот американские, английские, французские и немецкие инвесторы не уделяют такого же большого внимания китайскому рынку. Для Китая главным источником инвестиций являются азиатские страны или районы, а инвестиции из Европы и Америки - это вспомогательные источники. Однако по абсолютным показателям - 3,2 млрд.ам.долл. составил общий объем инвестиций из США - эта страна играет заметную роль в китайской экономике.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в будущем благоприятствовать увеличению иностранных инвестиций в КНР будут, видимо, следующие факторы:

— невысокие темпы экономического роста развитых стран Запада и активность иностранных инвесторов на мировом рынке;

— довольно высокие темпы развития "четырех азиатских драконов" и четырех стран АСЕАН могут вызвать приток иностранных инвестиций в развивающиеся страны Азии;

— в предстоящие несколько лет в Китае будет поддерживаться тенденция высоких темпов экономического роста, и китайский рынок сохранит привлекательность для иностранных инвесторов;

— будет улучшаться инвестиционный климат в Китае, и предприятия с участием иностранного капитала на его территории приобретут высокую рентабельность;

— хотя правительство Китая не может больше проводить политику предоставления льгот для привлечения иностранных инвестиций, но многие государственные предприятия в ходе рыночной конкуренции и их преобразований станут привлекать иностранный капитал, чтобы сохранить свою жизнеспособность и продолжить развитие. Это может снизить себестоимость сделок, заключаемых с иностранными инвесторами, обеспечить реальные льготы иностранным инвесторам и стать благоприятным фактором, стимулирующим иностранные инвестиции.

Вместе с тем, скорее всего, могут проявиться и неблагоприятные для роста иностранных инвестиций факторы: конкуренция за прямые иностранные

инвестиции с соседними развивающимися странами в результате проведения ими политики либерализации торговли и улучшения инвестиционного климата; постепенное сокращение льгот для иностранных инвесторов, что может снизить приток иностранных инвестиций; стремление правительства Китая к увеличению притока иностранных инвестиций в центральные и западные районы Китая, где инвестиционный климат хуже, чем в восточных районах; перепроизводство в обрабатывающей промышленности КНР ведет к необходимости привлечения передовых технологий и увеличению объемов иностранных инвестиций в СП на территории Китая, что может сдерживать приток инвестиций от мелких и средних зарубежных инвесторов.

Кроме того, есть еще некоторые факторы неопределенности, а именно:

Предложение дешевой рабочей силы из обширных сельских внутренних районов Китая является скрытым фактором привлечения экспортноориентированных иностранных инвесторов. Однако чтобы выявить этот фактор, необходимо создавать реальные условия - в частности совершенствовать транспортную, информационную, портовую инфраструктуру и сферы услуг.

Реформа цен на товары и услуги, а также конъюнктура валютного рынка в стране будет определять те отрасли, которые наиболее привлекательны для иностранного капитала. В настоящее время предложение валюты достаточно и даже превышает спрос, однако неясно, как изменится эта ситуация в последующие несколько лет и произойдет ли ослабление контроля за движением капиталов.

“Третья сфера” станет наиболее привлекательной для иностранных инвестиций, но сможет ли она стать новой отраслью для крупномасштабных иностранных инвестиций, будет зависеть от степени открытости рынка услуг. Какие его отрасли и когда будут открыты, каковы будут масштабы их хозяйственной деятельности и какие территории будут открыты, пока не определено.

© 2001

Перевод с китайского языка Литвиненко Е.С.

Материал для публикации подготовил главный научный сотрудник ИДВ РАН, доктор экономических наук Островский А.В.

Планирование семьи в Китае: итоги и перспективы

© 2001

Я. Бергер

Переход в новый век и новое тысячелетие – подходящий момент для того, чтобы осмыслить и заново оценить гигантские демографические перемены, происходящие в самой большой по численности населения стране мира и имеющие без преувеличения судьбоносное значение как для существования и развития самой китайской нации, так и для всей планеты.

Эти перемены определяются как объективно – теми сдвигами, которые происходят в социально-экономической и культурной среде обитания населения Китая, так и субъективно – той целенаправленной демографической политикой, которую вот уже несколько десятилетий проводит китайское государство, используя самые разнообразные ресурсы и средства. Разделить воздействие объективных и субъективных факторов иногда бывает непросто, ясно, что соотношение их может меняться с течением времени и от места к месту, но важно другое: и те, и другие действуют в едином направлении, способствуя замедлению роста численности народонаселения страны и переходу к принципиально иному типу его воспроизводства, со всеми его плюсами и минусами. Именно это движение, во всех его аспектах, и служит предметом внимательного анализа как исследователей, китайских и зарубежных, так и многомиллионной армии практических работников в Китае, ответственных за претворение в жизнь государственного курса.

1. Демографический переход: Китай на фоне глобальных перемен.

При всей уникальности сдвигов, происходящих в демографическом развитии Китая (о чем речь пойдет ниже), важно подчеркнуть, что эти сдвиги находятся в полном соответствии с глобальными историческими тенденциями. Что касается несомненной китайской специфики, то в первую очередь она проявляется в масштабах и темпах реализации здесь мировых закономерностей, а также тех средств и методов, которые используются для их ускоренного воплощения.

Китай за последние десятилетия форсированно включился в процесс демографического перехода¹. Китайские исследователи считают такой процесс предпосылкой вступления в модернизацию². Демографический переход начался с поступательного сокращения смертности на северо-западе Европы еще в XVII-XVIII вв. и охватил весь земной шар к середине XX в. До этого между смертностью и рождаемостью существовало определенное равновесие, которое

Бергер Яков Михайлович, доктор исторических наук, директор Центра восточных культур Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы.

было нарушено ускоренным экономическим ростом и соответствующими социальными и политическими переменами. Результатом стало пятикратное увеличение численности населения Земли по сравнению с серединой XIX в. Рост, однако, был заторможен новым относительным равновесием, установившимся в связи с падением рождаемости. Последнее началось во Франции в XVIII в. и стало всеобщим для Запада в последней трети XIX в., а для всего мира – в последние десятилетия XX в.

До середины XX в. Азия с ее колоссальным и в основной своей массе бедным и неграмотным населением оставалась почти не затронутой этим процессом. Исключение составляла лишь экономически более развитая Япония, где снижение смертности и рождаемости было отмечено в начале XX в., и Шри-Ланка, где в тот же период стало распространяться образование, положившее начало первому демографическому переходу в Азии.

До конца XIX в. ожидаемая продолжительность жизни при рождении нигде в Азии не превышала 30 лет. Решающее изменение ситуации началось со второй половины XX в. В 1950-1955 гг. в большей части Азии ожидаемая продолжительность жизни при рождении составляла около 40 лет. В Японии она достигла 64 лет, лишь на 2 года, уступая Европе, а в Шри Ланке – 57 лет. С тех пор этот показатель в большинстве азиатских стран увеличивался ежегодно на полгода³.

Таблица 1

**Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в странах Азии
в 1950-1995 гг.**

	1950-1955	1995	Среднегодовое увеличение
Восточная Азия	41	70	0,6
КНР	41	69	0,7
Япония	64	79	0,4
Республика Корея	48	72	0,6
Юго-Восточная Азия	41	64	0,5
Индонезия	38	63	0,6
Вьетнам	40	65	0,6
Филиппины	48	65	0,4
Таиланд	47	70	0,5
Южная и Центральная Азия	39	61	0,5
Индия	39	60	0,5
Пакистан	39	61	0,5
Бангладеш	37	55	0,4

Источник: United Nations. World Population Prospects: The 1994 Revision. N.-Y.

Одновременно началось и снижение рождаемости. Если не считать Японии, которая первой вступила на этот путь еще в начале XX в., хотя и продвигалась по нему не очень быстро вплоть до окончания второй мировой войны, а также бывших советских республик – Казахстана и Кыргызстана, где этот процесс начался до 1950 г., то первыми среди азиатских стран, где под воздействием развития просвещения, здравоохранения, экономики, а также политики семейного планирования стала уменьшаться рождаемость, оказались Шри-Ланка и Сингапур (вторая половина 50-х годов), за ними последовали Республика Корея, Тайвань, Филиппины (первая половина 60-х годов), затем –

Гонконг, Малайзия, Таиланд (вторая половина 60-х годов) и, наконец, азиатские гиганты: Индия, Индонезия, КНР (первая половина 70-х годов). Немногими исключениями из этого общего движения остаются пока Пакистан, Афганистан и Лаос.

Страны, одновременно приступавшие к уменьшению рождаемости, находились подчас на весьма разных ступенях экономического благосостояния, но при этом уровни развития просвещения и здравоохранения были довольно схожими. Так, Сингапур по доходу на душу населения превосходил Шри-Ланку в 1982 г. в почти в 20 раз, а по уровню урбанизации — более чем в 5 раз, но зато в обеих странах почти все девочки учились в начальной школе и весьма значительная часть детей (от четверти до трети) была охвачена средней школой⁴. Равным образом Республика Корея в экономическом отношении была далеко впереди Филиппин, а Малайзия существенно обгоняла Таиланд, но от 80 до 90% девочек в этих странах учились в начальной школе. Что касается азиатских гигантов, прежде всего КНР и Индии, то они начинали с еще более низкого экономического старта (доход на душу населения здесь исчислялся не тысячами, а всего сотнями долларов США), относительно невысокими были и показатели развития просвещения и здравоохранения, именно поэтому первостепенное значение здесь приобретали государственные программы планирования семьи.

Национальные программы планирования семьи имеются в подавляющем большинстве стран Центральной, Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии. Первой из них стала индийская программа, провозглашенная в 1952 г. Азиатские программы основывались на распространении различных средств предупреждения беременности через сеть центров здоровья и планирования семьи. Эти средства в разных странах существенно варьируют. Так, ранние программы в Республике Корея и на Тайване были рассчитаны на внедрение внутриматочных устройств (ВМУ). Индийская программа почти исключительно ориентировалась на стерилизацию, первые десятилетия — главным образом мужчин, а позже — женщин. В КНР 80% средств для предохранения от беременности (исключая аборт) составили ВМУ и стерилизация.

Успех или неуспех государственных программ планирования семьи в огромной степени зависит от того, насколько настойчиво и последовательно ведут себя национальные элиты, призванные политически и этически подкреплять их реализацию. Важность этого фактора особенно подчеркивается тем обстоятельством, что речь идет об исторически очень быстром переходе от архаичных стереотипов семьи к современной модели в условиях, когда такой переход фактически еще не подготовлен в социально-экономическом плане и когда в очень большой степени сохраняется идейный, моральный и конфессиональный контекст прежних идеалов семьи и деторождения.

Чем менее в экономическом, социальном и культурном отношениях страны предрасположены к объективно обусловленному снижению рождаемости, тем больше усилий требуется от государства в реализации программ планирования семьи и тем более жесткой подчас становится государственная политика при достижении этой цели. Опыт ряда стран Азии показал, что достаточно жесткая политика, сопряженная в большей или меньшей степени с прямым административным и экономическим принуждением, может приводить к сокращению рождаемости даже в очень бедных, слабо урбанизированных странах. Принуждение стало важным слагаемым успеха в контроле над рождаемостью в КНР. Индия за короткий период чрезвычайных мер в 1975-77 гг. увеличила уровень стерилизации на 50%, превзойдя КНР.

Такая констатация, однако, ни в коей мере не перечеркивает роль предоставления услуг по планированию семьи на добровольной основе в программах, которые характерны для значительной части азиатского региона, особенно в тех случаях, когда им благоприятствуют также социальные и экономические перемены. С помощью таких программ немалых успехов достиг, например, Таиланд.

Отдавая должное целенаправленной, последовательной и неукоснительной политике государства в деле обеспечении сокращения рождаемости, вместе с тем необходимо признать, как мы увидим далее, что возможности такой политики все же ограничены в том случае, если они не подкреплены в должной мере достижениями социально-экономического и культурного развития. Так, в КНР курс, направленный на ограничение семей рождением одного ребенка, был реализован только в крупных городах. Он не смог достичь тех результатов, которые зафиксированы в Республике Корея, в Сингапуре, на Тайване и среди китайского населения Малайзии, которые богаче и более урбанизированы, чем КНР.

При этом важно отметить, что когда объективные тенденции набирают силу, их не может повернуть вспять даже изменение государственной политики планирования семьи. Так, на Тайване в 1992 г. был существенно скорректирован правительственный курс. Администрация отказалась от задачи «смягчения роста народонаселения» и провозгласила ряд мер для повышения рождаемости до уровня замещения. Фактически, однако, эти меры желаемого результата не принесли. Необратимой тенденцией на Тайване стало уменьшение числа браков и увеличение числа разводов, сокращение репродуктивных устремлений тайваньских женщин, и все это привело к тому, что естественный прирост населения на Тайване продолжает снижаться⁵.

Государственная политика КНР в отношении рождаемости.

За более чем полувековую историю существования КНР отношение китайского государства к масштабам и темпам роста народонаселения страны претерпевало столь же радикальные перемены, как и вся внутренняя и внешняя политика страны, пройдя практически через те же этапы.

Непосредственно после основания КНР, в обстановке революционного энтузиазма, естественно, не могла возникнуть даже мысль о необходимости ограничивать рост народонаселения. Напротив, ряд высказываний Мао Цзэдуна проникнут убежденностью в том, что чем больше людей в стране, тем для нее лучше. Эта убежденность подкреплялась демографической теорией и практикой «старшего брата» - Советского Союза, где тогда, как известно, всемерно поощряли многодетные семьи.

Политику того времени характеризуют два документа. Первый - «Правила по ограничению абортс женщин — кадровых работников в организациях и войсках», утвержденные в апреле 1950 г. Министерством здравоохранения Центрального Народного правительства и Департаментом здравоохранения Народного военно-революционного комитета, второй - «Временные правила по ограничению стерилизации и искусственных абортов», одобренные Комитетом по культуре и просвещению Госсовета Центрального Народного правительства в декабре 1952 г. Первый документ запрещал «незаконные аборты». Под «незаконными», как вытекало из духа документа, понимались все аборты, за исключением тех случаев, когда продолжение беременности, могло нанести серьезный ущерб здоровью женщины или ребенка. Однако даже в таких экстраординарных случаях для операции требовалось разрешение многочисленного начальства.

Во втором документе назывались три условия, при которых допускалась стерилизация. Первое из них разрешало стерилизацию «замужней женщины в возрасте старше тридцати пяти лет, родившей шестерых и более детей, в числе которых не менее чем одному исполнилось десять лет, в том случае, если новые роды серьезно угрожают ее здоровью и даже жизни»⁶. В статье седьмой данного документа предписывалось наказывать в судебном порядке как женщин, которые в нарушение данного постановления прерывают беременность, так и тех, кто помогал им сделать аборт.

В середине 50-х годов появляются первые, еще довольно робкие попытки поставить под сомнение столь жесткий подход к планированию семьи. В частности, в современной демографической литературе в соответствии с общей установкой на возвеличение личности и идей Дэн Сяопина имеются ссылки на то, что он еще в августе 1953 г., будучи тогда заместителем премьера, возражал против введенного Министерством здравоохранения запрета на импорт противозачаточных средств (в Китае они тогда не производились). Странным образом, однако, Министерство здравоохранения на это возражение внимания не обратило. Почти год спустя, в мае 1954 г., Дэн Сяопин в письме к заместителю председателя Всекитайской Федерации женщин Дэн Инчао осуждает упорство министерства и высказывается в поддержку контрацепции. За ограничение рождаемости выступили и некоторые другие политические деятели. Под их влиянием Министерство здравоохранения в ноябре 1954 г. выпустило Уведомление № 579, в котором органам здравоохранения предписывалось не ограничивать меры по предотвращению беременности и сокращению деторождения и оказывать необходимые консультации всем, кто этого пожелает. Однако искусственные аборты и стерилизация без ясных на то медицинских показаний, просто из соображений планирования семьи, по-прежнему строго запрещались.

Все это способствовало быстрому росту населения. В 1950-1954 гг. общий коэффициент рождаемости достигал 37-38 промилле, а суммарный коэффициент рождаемости женщин в репродуктивном возрасте превышал 6,0. Вплоть до 1957 г. общий коэффициент рождаемости сохранялся на уровне выше 30 промилле, число рождений ежегодно достигало 17 млн. Одновременно в связи с улучшением санитарных условий значительно сократилась смертность - с 20 промилле в 1949 г. до 10,08 промилле в 1957 г. В итоге с 1949 по 1957 гг. численность населения Китая возросла на 148,6 млн. чел., что превышало суммарную численность населения Японии и Кореи⁷.

В конце 1954 - начале 1955 гг. намечается некоторое ослабление запретов. В декабре 1954 г. ЦК КПК созвал специальное совещание по проблеме контроля над рождаемостью, на котором с короткой речью выступил Лю Шаоци. Он заявил, что Китай не намеревается присваивать звание матерей-героинь, поощряя рождаемость, что слишком быстрый рост населения чреват увеличением трудностей для семьи, общества и государства, что неверно считать контроль над рождаемостью негуманным и что политика в отношении такого контроля должна стать более терпимой.

В резолюции ЦК КПК на доклад парткома Министерства здравоохранения по проблеме ограничения рождаемости (март 1955 г.) указывалось, что «в современных исторических условиях во имя интересов государства, семьи и нового поколения наша партия одобряет соответствующее ограничение рождаемости»⁸. В самом докладе искусственные аборты, мотивированные исключительно стремлением уменьшить рождаемость, при получении определенных разрешений допускались, но стерилизация по-прежнему была категорически запрещена.

Тем временем жесткое противодействие государства стремлению людей самим определять число детей в семье мало-помалу становились предметом внимания общественности, в частности научной. Некоторые ученые выступили в печати с публикациями, призывавшими сдерживать рост численности населения. Среди них были Чэнь Чжанхэн, Чэнь Да, У Цзинчао, Фэй Сяотун, Сунь Бэнвэнь, Чжун Хуэйлань и др. В июле 1957 г. была опубликована работа известного экономиста и общественного деятеля Ма Иньчу «Новая теория народонаселения», где автор выступал за ограничение численности населения Китая.

Однако во второй половине того же года развернулась широкая кампания по борьбе с «правыми», в ходе которой не избежал нападок и Ма Иньчу. 14 октября 1957 г. газета «Жэньминь жибао» опубликовала статью «Не позволим правым использовать проблему народонаселения для осуществления политического заговора», где подвергался нападкам Ма Иньчу, хотя и не названный по имени.

Политика «большого скачка» еще более усилила эту тенденцию. Если в 1957 г. Мао Цзэдун говорил: «Лучше рожать поменьше», то в 1958 г. заявил, что «сейчас людей все же мало» и «чем больше людей, тем больше мнений, выше энтузиазм, больше решимость». В 1957 г. он требовал ограничить рождаемость, «в противном случае население достигнет 800 млн., и будет поздно что-либо предпринимать», а в 1958 г. утверждал: «Необходимо понимать, что когда людей много — это хорошее дело, когда население достигнет 750–800 млн. чел., тогда и будем ограничивать» и назвал пессимистическими утверждения, будто рост населения чреват трудностями. На таких же позициях стоял и Лю Шаоци, который призывал рассматривать человека прежде всего как производителя, а тех, кто с этим не соглашался объявлял антиленинцами и антимарксистами⁹.

Провал «большого скачка» и последовавшие за ним голод и «три года трудностей» вызвали резкое сокращение рождаемости и рост смертности. В 1959 г. общий коэффициент рождаемости упал до 24,78 промилле, в 1960 г. — до 20,86 промилле, в 1961 — до 18,02 промилле. В 1960 г. естественный прирост численности населения был отрицательным, составив -4,57 промилле, общая численность населения страны сократилась на 10 млн. чел.¹⁰.

Однако как только ситуация стала несколько меняться, с 1962 г. вновь начался резкий рост рождаемости. В 1963 г. суммарный коэффициент рождаемости достиг наивысшей за всю историю КНР цифры — 7,50, общий коэффициент рождаемости составил 43,6 промилле. Вторая Всекитайская перепись населения, проведенная в 1964 г., установила, что численность населения превысила 700 млн. чел., превзойдя на 120 млн. чел. данные 1953 г.¹¹.

На этом фоне, в условиях далеко не преодоленных еще экономических трудностей, стали вновь меняться взгляды партийного и государственного руководства КНР, что способствовало возврату к идее сдерживания роста населения. В декабре 1962 г. ЦК КПК и Госсовет совместно опубликовали «Указание о последовательной пропаганде планирования семьи», в котором призывали «в городах и густо населенной сельской местности пропагандировать ограничение рождаемости, соответствующим образом сдерживать коэффициент естественного роста населения с тем, чтобы проблема рождаемости из состояния абсолютной бесплановости постепенно стала политикой, определенной социалистическим строительством в нашей стране»¹². Тем самым планирование семьи было возведено в ранг государственной политики. «Указание» впервые как официальный документ выдвигало требование «соответствующим образом отсрочить брачный возраст». В качестве эффективного метода ограничения рождаемости признавались противозачаточные меры, но вместе с тем

органам здравоохранения поручалось «разработать конкретные способы и активно создавать условия, чтобы помочь массам проводить искусственные аборты и операции по стерилизации».

С 1960 г. и вплоть до начала «великой культурной революции» в 1966 г. ЦК КПК и Госсовет КНР одобрили целый ряд документов по вопросам планирования семьи. В 1964 г. была создана Канцелярия по планированию семьи при Госсовете КНР и соответствующие органы в ряде провинций, автономных районов и городов центрального подчинения, укреплена в материально-техническом отношении система разработки, производства и поставок противозачаточных средств и на практике достигнуты явные успехи в работе по планированию семьи в городах. В 1965 г. суммарный коэффициент рождаемости сократился до 6,08 промилле. Работа по планированию семьи развернулась и в сельской местности.

«Культурная революция», начавшаяся в 1966 г., вновь сорвала этот процесс. Она полностью дезорганизовала управление социальными и экономическими процессами в стране, включая и планирование семьи. Чистый прирост численности населения за пятилетие с 1966 по 1970 гг. превысил 100 млн. чел., число рождений в год составляло от 25 до 27 млн., средний коэффициент рождаемости превысил 33 промилле¹³.

Новый перелом наступает в начале 70-х годов, когда о планировании рождаемости начинают говорить как о важнейшей составной части народнохозяйственного и социального планирования. Такое суждение, в частности содержалось в «Докладе о налаживании работы по планированию семьи», утвержденном Госсоветом в июле 1971 г. В 1973 г. планирование семьи было включено в четвертый пятилетний план развития народного хозяйства. Были определены показатели естественного роста населения по городам и волостям. Идеальной стала считаться семья с двумя детьми. В декабре 1973 г. на 1-й Всекитайском отчетном совещании по планированию семьи был провозглашен курс «позже, реже, меньше» («позже жениться и рожать, увеличить промежутки между беременностями, меньше и лучше рожать»). После 1973 г. в центре и провинциях были созданы руководящие группы по планированию семьи. В октябре 1978 г. ЦК официально призвал супружеские пары «оптимально рожать одного, максимально — двух и с промежутком не менее трех лет». Повсеместно стали бесплатно распространять контрацептивы, почти бесплатно осуществлялась стерилизация, семьи, принимавшие планирование, материально и морально поощрялись.

Этот курс увенчался очевидным успехом. Коэффициент суммарной рождаемости снизился с 5,812 в 1970 г. до 2,238 в 1980 г., чистый прирост населения — с 23 210 тыс. чел. до 11 630 тыс. чел. коэффициент естественного прироста — с 2,88% до 1,19%¹⁴.

В сентябре 1980 г. на 3-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 5-го созыва Госсовет официально представил пересмотренный вариант политики в области планирования семьи. Смысл его состоял в требовании к супружеской паре ограничиться рождением одного ребенка повсеместно, за исключением лишь редко населенных районов национальных меньшинств. Вскоре ЦК КПК опубликовал открытое письмо ко всем членам партии и комсомольцам, призывавшее претворять в жизнь новый курс. С введением этого курса рождение второго ребенка должно было стать редчайшим исключением — как в городе, так и в деревне. Политика планирования семьи распространялась и на национальные меньшинства, хотя и в несколько облегченном виде.

Что касается городов, то новый курс фактически фиксировал уже сложившуюся обстановку. К 1980 г. коэффициент суммарной рождаемости в горо-

дах упал до 1,15. Отсюда нетрудно сделать вывод, что хотя прежняя политика формально допускала рождение двух детей, но фактически лимитировала семью одним ребенком, т. е. ничего нового для городского населения новый курс с собой не нес.

Однако в деревне он натолкнулся на сильное сопротивление со стороны крестьян, которые к тому времени стали освобождаться от жесткого экономического, социального и административного контроля в условиях, когда народные коммунуны были, по сути дела, распущены. Политика планирования семьи вошла в противоречие с возрастанием функций семьи как производственной и хозяйственной единицы, с усилением ее автономии, в том числе и в сфере воспроизводства населения. Требование государства ограничиться одним ребенком расходилось с интересами крестьянской семьи, которая стремилась увеличить число рабочих рук, причем преимущественно в своей мужской части.

Отношения между кадровыми работниками и сельским населением обострились, а результат фактически оказался обратным желаемому. При прежнем курсе коэффициент суммарной рождаемости в деревне к 1980 г. упал до 2,48, а после введения нового курса в период с 1981 по 1984 гг. он последовательно составил 2,91, 3,32, 2,78 и 2,70¹⁵.

Новый курс исходил из необходимости ограничить численность населения Китая к концу века отметкой в 1,2 млрд. человек. По расчетам ряда китайских демографов, эта цифра изначально была совершенно нереальной. Даже при коэффициенте суммарной рождаемости, равном 1,5, численность населения к концу века превысила бы этот предел. Для достижения поставленной цели требовалось сократить коэффициент роста населения в 1985 г. до 5 промилле, а к концу века — до нуля. Уже в то время было понятно, что в ситуации, когда эволюция возрастной структуры населения Китая будет способствовать появлению пика рождаемости, пытаться путем «однодетного» курса срезать этот пик — дело безнадежное. В некоторых местах, чтобы обеспечить выполнение плана, шли на еще большее ужесточение курса, заставляя избавляться даже от первой беременности.

Вскоре руководство попыталось как-то скорректировать свой курс. В сентябре 1981 г. на заседании секретариата ЦК КПК были представлены два проекта. Первый пропагандировал однодетную семью, но допускал рождение второго ребенка, второй — также выступал за однодетную семью, позволяя рождение второго ребенка в случае семейных затруднений. В результате был принят второй проект, который однако четко не прояснял ситуации с «затруднениями». В октябре того же года ЦК КПК утвердил резолюцию Всекитайского рабочего совещания по планированию семьи, в которой назывались 10 ситуаций, которые принимались во внимание при выдаче разрешений на рождение второго ребенка. Однако, по подсчетам Государственного комитета по планированию семьи, все эти ситуации охватывали не более 5% случаев рождения второго ребенка и фактически не способствовали разрешению действительных трудностей с рождаемостью в деревне.

«Однодетный курс», провозглашенный в 1980 г., просуществовал до весны 1984 г. Для того чтобы обеспечить его реализацию, принимались самые различные, прежде всего, административные меры. Был повышен статус всех органов, занимавшихся планированием семьи. В марте 1981 г. учрежден приравненный к министерству Государственный комитет по планированию семьи. Соответствующие комитеты создавались и при уездных правительствах. На местах с женщинами репродуктивного возраста заключались контракты на планирование семьи. Была создана сеть станций по обслуживанию этой деятельности. Все это однако не увенчалось ожидаемым успехом.

В апреле 1984 г. ЦК КПК утвердил подготовленный парткомом Государственного комитета по планированию семьи «Отчет о положении в работе по планированию семьи», который, продолжая пропагандировать однодетную семью, одновременно вводил послабления на рождение второго ребенка в деревне. Вместе с тем строго воспрещались «внеплановые» рождения второго ребенка и последующих детей. Иметь двух детей, а в отдельных случаях — и трех разрешалось супружеским парам, принадлежащим к национальным меньшинствам, численность которых составляла менее 10 млн. чел. В народе называли этот курс «открытием малых щелей, закупориванием больших дыр и перекрытием обходных путей». Вслед за этим Государственный комитет по планированию семьи выбрал несколько экспериментальных уездов, где опробовались разные варианты нового курса, которые затем распространялись по всей стране. Фактически еще до принятия указанного документа был обнаружен опыт провинции Шаньдун, где при определенных условиях тем сельским супружеским парам, у которых первым ребенком была девочка, разрешалось рожать второго ребенка. В мае 1986 г. ЦК КПК одобрил этот опыт официально.

В 1990 г. были опубликованы предварительные итоги четвертой переписи населения, согласно которым численность населения Китая достигла 1 130 млн. чел., превысив более чем на 10 млн. прежние оценки. При этом обнаружилось, что за период после переписи 1964г. ежегодно имело место более 1 млн. незарегистрированных рождений. Стало очевидным, что к концу века общая численность населения приблизится к 1,3 млрд. чел., в связи с чем вновь стали раздаваться голоса с требованием в очередной раз ужесточить курс. Тем не менее возобладали мнения тех специалистов из числа практиков и научных работников, которые сопротивлялись такому повороту. В итоге в силу остались произведенные в 1984 г. изменения, которые шли навстречу минимальным требованиям крестьянских семей. В результате, после некоторой либерализации курса рождаемость не только не возросла, но, напротив, даже немного понизилась. Так, за 1981-1983 гг. коэффициент суммарной рождаемости составил в среднем 2,64, а за 1985-1990 гг. — 2,40¹⁶.

3. Достижения и проблемы.

Подводя итоги государственной политики планирования семьи, проводившейся, как мы видели, с теми или иными колебаниями и недостаточно последовательно на протяжении трех последних десятилетий, китайские демографы отмечают, что эта политика не только затормозила слишком быстрый рост населения, но и принесла значительный экономический эффект и способствовала социальному развитию. С 1971 по 1998 гг. вследствие политики планирования семьи и под воздействием объективных социально-экономических факторов в Китае родилось на 634 млн. чел. меньше, чем в том случае, если бы этих субъективных и объективных факторов не существовало, в том числе благодаря планированию семьи число рождений сократилось на 338 млн., вследствие чего было сэкономлено 7,4 трлн. юаней. За тот же период денежные и не денежные расходы на планирование семьи составили 90,5 млрд. юаней. Если бы не планирование семьи, то численность населения Китая сегодня превысила 1,5 млрд. чел.

Успехи Китая в сокращении рождаемости выглядят особенно рельефно на фоне аналогичных процессов, происходивших в других развивающихся странах и регионах¹⁷.

Таблица 2

**Коэффициент суммарной рождаемости в Китае и развивающихся регионах
с 1950-1955 гг. по 1990-1995 гг.**

Район	1950-1955	1955-1960	1960-1965	1965-1970	1970-1975	1975-1980	1980-1985	1985-1990	1990-1995
Китай	6,11	5,48	5,61	5,94	4,76	3,26	2,50	2,41	1,95
Юго-Восточная Азия	6,03	6,08	5,90	5,81	5,32	4,82	4,21	3,67	3,29
Центральная и Южная Азия	6,08	6,06	6,01	5,91	5,72	5,24	4,95	4,50	4,12
Западная Азия	6,37	6,25	6,17	5,90	5,57	5,18	4,95	4,72	4,41
Лат. Америка	5,87	5,90	5,96	5,51	4,98	4,38	3,84	3,40	3,09
Африка	6,64	6,70	6,75	6,67	6,55	6,46	6,32	6,08	5,80

Источник: United Nations (1995). World Population Prospects: The 1994 Revision. Sales No. E. 95 XIII.16 (Цит. по 27, с. 97)

Из таблицы явствует, что при почти одинаковых стартовых позициях в 50-х и 60-х годах Китай начиная с 70-х годов значительно обходит другие развивающиеся регионы по темпам сокращения рождаемости, что, конечно, в очень большой мере связано с интенсивностью реализации политики планирования семьи.

В Азии рождаемость быстро сокращалась во многих странах, но в отдельных странах она уменьшалась медленно или вообще не сокращалась.

Таблица 3

**Падение коэффициента суммарной рождаемости в Китае
и других азиатских странах и районах.**

Страны и районы	Период сокращения па рождаемости		Коэффициент суммарной рождаемости в период сокращения		Число лет	Общее сокращение	В среднем за год	Степень приближения к уровню замещения (%)
	Начало	Конец	Начало	Конец				
Китай	1965-70	1990-95	5,94	1,95	25	3,99	0,16	104
Тайвань	1955	1986	6,53	1,68	31	4,85	0,16	109
Сянган	1960-65	1990-95	5,31	1,21	30	4,1	0,14	128
Япония	1930	1957	4,71	2,02	27	2,69	0,1	103
Юж. Корея	1955-60	1985-	6,07	1,73	30	4,34	0,14	109
КНДР	1965-70	1990-95	7	2,37	25	4,63	0,19	94
Монголия	1970-75	1990-95	5,8	3,56	20	2,24	0,11	61
Камбоджа	1965-70	1990-95	6,22	5,25	25	0,97	0,04	24
Индонезия	1965-70	1990-95	5,57	2,9	25	2,67	0,11	77
Лаос	1970-75	1975-80	6,15	6,69	5	-0,54	-0,11	-13
Малайзия	1960-65	1990-95	6,72	3,62	30	3,1	0,1	67
Мьянма	1965-70	1990-95	6	4,16	25	1,84	0,07	47
Филиппины	1955-60	1990-95	7,09	3,93	35	3,16	0,09	63
Сингапур	1950-55	1980-85	6,4	1,69	30	4,71	0,16	110
Таиланд	1965-70	1990-95	6,14	2,1	25	4,04	0,16	100
Вьетнам	1970-75	1990-95	5,85	3,87	20	1,98	0,1	53
Афганистан	1975-80	1990-95	7,21	6,9	15	0,31	0,02	6

Страны и районы	Период сокращения па рождаемости		Коэффициент суммарной рождаемости в период сокращения		Число лет	Общее сокращение	В среднем за год	Степень приближения к уровню замещения (%)
	Начало	Конец	Начало	Конец				
Бангладеш	1970-75	1990-95	7,02	4,35	20	2,67	0,13	54
Индия	1965-70	1990-95	5,69	3,75	25	1,94	0,08	54
Иран	1960-65	1990-95	7,26	5	30	2,26	0,08	44
Непал	1975-80	1990-95	6,54	5,42	15	1,12	0,07	25
Пакистан	1980-85	1990-95	7	7,17	10	0,83	0,08	17
Шри-Ланка	1950-55	1990-95	5,74	2,48	40	3,26	0,08	90
Ирак	1970-75	1990-95	7,11	5,7	20	1,41	0,07	28
Израиль	1970-75	1990-95	3,77	2,88	20	0,89	0,04	53
Иордания	1975-80	1990-95	7,38	5,57	15	1,81	0,12	34
Ливан	1960-65	1990-95	6,35	3,09	30	3,26	0,11	77
Сауд. Аравия	1980-85	1990-95	7,28	6,37	10	0,91	0,09	18
Сирия	1970-75	1990-95	7,69	5,9	20	1,79	0,09	32
Иемен	1975-80	1990-95	7,61	7,6	15	0,01	0	0
Азия	1965-70	1990-95	5,64	3,03	25	2,61	0,104	74
Африка	1965-70	1990-95	6,67	5,8	25	0,87	0,035	19
Лат. Америка	1960-65	1990-95	5,96	3,09	30	2,87	0,096	74
Разв. страны	1960-70	1990-95	5,96	3,48	25	2,48	0,099	64

Источник: United Nations (1995). World Population Prospects: The 1994 Revision. Sales No. E. 95 XIII.16 (Цит. no 27, с. 98)

Как видно из таблицы, быстрее, чем в КНР, рождаемость сокращалась только в КНДР, но данные по этой стране крайне ненадежны, и оценки ООН здесь носят характер скорее догадок. В остальном же процесс сокращения рождаемости на материке происходил теми же темпами, что и на Тайване (с его чрезвычайно динамичной экономикой, высоким уровнем жизни, медицинского обслуживания и образования), опережая другие быстро развивавшиеся страны и районы Восточной и Юго-Восточной Азии - Сингапур, Сянган, Южную Корею, Японию, Таиланд. В результате как в континентальном Китае, так и в указанных районах и странах-лидерах модернизации коэффициент суммарной рождаемости достиг или даже опустился ниже уровня замещения. Темпы снижения рождаемости в этих странах были беспрецедентными. При таких темпах переход от досовременного коэффициента суммарной рождаемости, равного 6, к современному, равному 2, совершался за каких-нибудь 15-20 лет. Но даже на этом фоне Китай с его огромным населением и отсталой экономикой выделяется особо. Если исключить периоды стихийных бедствий эпидемий и войн, то в истории человечества не было примеров столь быстрого массового снижения рождаемости, как это произошло в современном Китае. Причем это достигнуто в стране, где 80% населения живет в деревне и 300 млн. чел. неграмотны. В начале 70-х годов неграмотными были 50% женщин в стране в целом и 60% жительниц села, и тем не менее суммарная рождаемость с 1970 по 1980 г. сократилась на 61,5%¹⁸.

Все это произошло в первую очередь благодаря государственной политике, нацеленной на сокращение рождаемости. Вместе с тем нельзя игнорировать и влияние факторов экономической, социальной и культурной модернизации, в первую очередь, разумеется, в городах. Об этом свидетельствует, в частности, то обстоятельство, что в городе сокращение рождаемости началось еще до принятия политики планирования семьи в масштабах страны. Введение

планирования семьи в городах в 1964-67 гг. ускорило эту тенденцию. Но в очень большой мере она стимулировалась также падением смертности среди детей и взрослых, быстрым повышением уровня образования, занятостью обоих супругов, серьезной нехваткой жилья, высокими ожиданиями родителей в отношении образования детей и распространившейся за последние годы ориентацией на потребление. Нужно также принять во внимание все большее влияние, которое с принятием курса на реформы и открытость оказывают на ценностные представления и репродуктивные установки супругов в городах западная культура и западные представления.

В деревне, хотя и в меньшей мере, также отмечается связь между социально-экономическим и культурным развитием, с одной стороны, и уровнем рождаемости - с другой. В первую очередь речь идет о влиянии на рождаемость размеров дохода и роли женщины в семье как работницы и кормилицы, а также улучшения здравоохранения, сокращения младенческой и детской смертности и т.п.

Таблица 4

**Среднемесячные доходы на душу населения и рождаемость в Китае
в 1991 г.**

Среднемесячные доходы на душу населения (юани)	Число детей	Возраст первого брака	Возраст беременности
В среднем по стране	2,13	22,05	23,15
Менее 25 юаней	2,64	21,39	22,65
26-50	2,55	21,16	22,17
51-75	2,43	21,34	22,39
76-100	2,14	22,09	23,25
101-200	1,91	22,79	23,09
201-300	1,95	22,79	23,88
301-400	1,84	22,09	23,01
401-500	1,59	21,74	22,72
Более 501 юаня	1,93	22,79	23,57

Источник: Тянь Сюэюань. Тенденции в динамике народонаселения в Китае в XXI в. и исследование проблемы выбора решений // Синьхуа вэньчжай. 1998. №5. С. 22-27.

С 80-х годов в сельских семьях значительно возросли прямые расходы на содержание, образование, медицинское обслуживание детей. По данным полевых исследований, за период 1979-1991 гг. среднегодовые расходы на содержание одного ребенка в сельской семье увеличились с 69 до 229 юаней (в 3,3 раза), расходы на медицинское обслуживание - с 1,50 до 45,66 юаней (в 30,4 раза), расходы на учебу в начальной школе - с 6 до 575 юаней (в 95,8 раза), при этом среднегодовые доходы крестьянской семьи в расчете на душу населения возросли только в 4,4 раза¹⁹. Все это не может не влиять на рождаемость.

Дети остаются важнейшей ценностью в крестьянских семьях. Опросы показывают, что определяют эту ценность в первую очередь чувство удовлетворения и радости, которые доставляют дети своим родителям, а уже на втором месте стоит - ожидаемая забота в старости и лишь далее следуют вклад в бюджет семьи и работа по дому, преемственность поколений и другие мотивы.

В конце 70-х-начале 80-х годов, когда в деревне произошли коренные перемены, выдвинувшие крестьянскую семью на первый план как основную

ячейку социально-экономической организации сельского общества, число детей в семье имело немалое значение, поскольку наделение крестьян землей производилось подушно. Однако последующая постепенная деаграризация деревни, развитие разнообразных промышленных производств, не обязательно связанных непосредственно с земледелием, требуют подготовки более квалифицированных работников, а, стало быть, и больших вложений в качественное развитие подрастающего поколения, что неизбежно входит в противоречие с количественным ростом населения. Этому, однако, противостоит иная тенденция, которая связана как с использованием детского труда в сельском хозяйстве, подсобных промыслах и торговле, так и с неудовлетворительной системой сельского образования, которая не только не привлекает детей в школу, но скорее отторгает их от нее²⁰.

Обычно считается, что чем выше образовательный ценз родителей, тем ниже их репродуктивные устремления. В китайской деревне эта связь также прослеживается, однако далеко не во всех случаях, иногда исчезая вовсе или модифицируясь в зависимости от состава семьи.

Таблица 5

Образовательный ценз родителей и репродуктивные стремления (%)

Образование	Семьи с одним мальчиком	Семьи с одной девочкой	Семьи с двумя мальчиками	Семьи с двумя девочками	Семьи с одним мальчиком и одной девочкой
Итого	37,6	59,3	9,3	25,0	7,5
Без образования	29,8	56,8	10,9	33,0	11,5
Начальное	39,4	66,4	8,7	28,7	11,3
Неполное среднее	39,6	57,0	12,1	20,9	4,1
Среднее	30,6	55,6	6,4	22,9	5,3
Высшее и специальное ср.	13,5	0	0	0	3,3

Примечание: под репродуктивным стремлением имеется в виду стремление рожать детей дополнительно к уже имеющимся; так, цифра 37,6% означает, что 37,6 % семей, уже имеющих одного ребенка мужского пола, хотят родить по меньшей мере еще одного ребенка.

Источник: Тянь Сюэюань. Тенденции в динамике народонаселения в Китае в XXI в. И исследование проблемы выбора решений // Синьхуа вэньчжай. 1998. №5. С. 22-27.

Из таблицы видно, что резко выделяются репродуктивные установки лишь крайне незначительной на селе группы населения с высшим и средним специальным образованием, которая почти во всех случаях довольствуется наличным числом детей практически независимо от их пола. В остальном более или менее четкая связь между образовательным цензом и желанием родить еще по меньшей мере одного ребенка прослеживается только в семьях, имеющих одного мальчика и одну девочку или двух девочек: по мере возрастания ценза число желающих иметь больше детей в основном сокращается (хотя в группе со средним образованием оно вновь несколько увеличивается). Что же касается семей с одной девочкой (где стремление иметь еще как минимум одного ребенка, естественно, сильнее всего), то мы не видим почти никакой разницы между теми, кто не имеет никакого образования, и семьями со средним

образованием. Равным образом достаточно близки стремления родить по меньшей мере еще одного ребенка в семьях с разным образовательным цензом, имеющих одного или двух мальчиков.

(окончание следует)

1. Caldwell J. Caldwell Br. Asia's demographic transition // Asian development. - vfnila, 1997. Vol. 15. N 1. P. 52-87.
2. У Сяньэнь. Жэнькоу юй сяндайхуа (Население и модернизация) // Шэхуй кэсюэцзя. Гуйлинь, 1998. № 4. С. 4.
3. Caldwell Y. Op. cit. P. 56.
4. Ibid. P. 65.
5. Лю Мин. Цзуго дагу хэ Тайвань шэн жэнькоу лаолинхуа юй жэнькоу чжэнцэ дуйби фэньси (Особенности старения населения на материке и в провинции Тайвань и сравнительный анализ демографической политики) // Жэнькоу сюэкань. Чанчунь, 1999. № 2. С. 24.
6. Фэн Литянь, Мао Итун, Лэн Моуцяо. 50 нянь Чжунго шэньюй чжэнцэ яньбянь чжи лиши гуйцзи (Эволюция политики Китая в области рождаемости за 50 лет) // Жэнькоу юй цзинцзи. Пекин, 1999. С. 4.
7. И Хао, дэн. Чжунго жэнькоу кэсюэ фачжань ды эрши нянь (Двадцать лет развития демографии в Китае) // Жэнькоу сюэкань. Чанчунь, 1999. № 1.
8. Фэнь Лятянь и др. Указ. соч. С. 5.
9. Там же. С. 6.
10. И Хао. Указ. соч. С. 11.
11. Там же. С. 12.
12. Фэн Литянь и др. Указ. соч. С. 6.
13. Там же.
14. Там же. С. 7.
15. Там же. С. 8.
16. Там же. С. 11.
17. Цзихуа шэньюй вэй вого дайлай цзюйда цзинцзи сяои (Планирование семьи принесло Китаю огромный экономический эффект) // Гуанмин жибао. Пекин, 1999. 1 октября. С. 3.
18. Чэнь Вэй, Мэн Сянцин. Чжунго шэньюйлюй сяцзын юй цзихуа шэньюй чжэнцэ сяого пингу (Падение коэффициента суммарной рождаемости в Китае и оценка эффективности политики планирования семьи) // Жэнькоу сюэкань. Чанчунь, 1999. № 3. С. 12.
19. Ши Айху. Вого нунцунь шэньюйлунь ды инсян иньсу юй жэнькоу кунчжи ды чжэнцэ силу (Факторы, влияющие на коэффициент рождаемости в китайской деревне, и размышления о политике по контролю над ростом народонаселения) // Чжунго жуань кэсюэ. Пекин, 1998. № 5. С. 78
20. Ши Айху и др. Указ. соч. С. 79.

Социальное измерение экономической реформы в КНР

© 2001

Э. Пивоварова

"Во-первых, накормить народ, во-вторых, строить" - такова социально-экономическая формула, которая взята на вооружение в КНР в самом начале реформы.

Но эту, казалось бы, простую и очевидную истину чрезвычайно сложно было осуществить на практике: очень трудно в условиях неразвитой экономики накормить народ, не осуществляя в первую очередь строительства.

Бедность и отсталость страны, усугубленная фактическим экономическим кризисом накануне реформы, не давали возможности КНР делать прямые вливания в сферу материального положения трудящихся в самом начале реформы.

Принятие грандиозной экономической программы по модернизации народного хозяйства, требующее мобилизации финансовых и материально-технических ресурсов страны на нужды производственного характера, при скорее потенциальном, чем реальном увеличении производства чистого продукта для общества, не позволяло КНР создавать материальное обеспечение для увеличения доходов трудящихся иначе, как преимущественно за счет предоставления им большей свободы в распоряжении результатами своего труда и возможности заниматься самостоятельной предпринимательской деятельностью с использованием некоторых косвенных экономических рычагов (например повышения закупочных цен) для поощрения этой деятельности.

Так начали спасаться от голода крестьяне наиболее бедных и отсталых районов, после чего семейный подряд быстро распространился во всех сельских регионах страны. Так стал набирать силы и город, где активное развитие единоличного и коллективного предпринимательства, заполняя пустующие бреши в государственных структурах, быстро улучшило положение дел в сферах общественного питания, розничной торговли, транспортных, строительных и прочих услуг.

В итоге это стало для государства наименее дорогим по затратам, но наиболее ценным по отдаче фактором, обеспечившим не только широкую занятость и улучшение условий жизни, но и поддержку широкими слоями населения реформы и стабильности в обществе.

В стратегии социально-экономического развития КНР, обрисованной в общих параметрах до середины XXI века, очень постепенно расширялся круг социальных задач, на решении которых надо было сосредоточиться в тот или иной период. Восхождение шло от первоочередного решения самых острых, не терпящих отлагательства проблем (предотвратить голод, накормить и одеть

народ по самым скромным меркам) к задачам улучшения качества жизни (накормить в достатке, улучшить жилищные и транспортные условия, разнообразить услуги, повысить уровень образования и медицинского обслуживания, активизировать работу по укреплению духовной культуры, осуществляя бескомпромиссную борьбу с растущим в ходе рыночных преобразований нравственным разложением в обществе и государственном аппарате и т.д.).

Учет главной специфики китайского общества – колоссальной численности населения при ограниченности финансовых и материально-технических ресурсов – выразился в определении и длительных временных сроков для улучшения жизни народа, и скромных параметров, закладываемых в понятие благосостояния, и самого характера и источников модернизации.

При определении даже чисто экономических задач постоянно и с учетом получаемого в ходе реформы опыта, делались поправки, учитывающие интересы многочисленного и пока еще бедного населения. Социальный фактор вносил своеобразие и в темпы, и в структуру преобразований, и в характер экономического прогресса. Он же в значительной степени определял масштабы и глубину рыночных преобразований.

Назвав развитие производительных сил центральной задачей и одновременно критерием оценки экономической политики государства, фактически сняв при этом какие бы то ни было ссылки на социальные ограничители, китайское руководство тем не менее на практике сумело решать эту задачу в интересах народа следующими мерами:

во-первых, переориентацией в начале реформы усилий на производство потребительских товаров и услуг (ускоренный рост производства в сельском хозяйстве, легкой промышленности, сфере услуг);

во-вторых, сосредоточением на проблемах трудоустройства (активное развитие поглощающих избыточную рабочую силу деревни поселково-волостных предприятий, создание единоличных и коллективных хозяйств, сдерживание реализации принятого закона о банкротстве предприятий из-за боязни массовой безработицы в городах);

в-третьих, действиями в направлении повышения качества работников как главной производительной силы общества (улучшение системы образования и профессиональной подготовки, заимствование зарубежного опыта управления производством и подготовки кадров) и т.п.

Безусловно, многие элементы китайского опыта могли быть полезными для России на начальных этапах хозяйственной реформы, но явно запоздали в условиях последовавшего за так называемым «либеральным обвалом» глубокого кризиса российской экономики. Тем не менее целый ряд уроков хозяйственной реформы КНР целесообразно учесть и сегодня. Среди них:

а) необходимость макрорегулирования государством рыночных процессов в стране, в первую очередь налогов и инвестиций;

б) достаточность для стимулирования крестьянского труда получения ими длительного (часто пожизненного, с передачей в наследство) права пользования землей (без получения права собственности на нее);

в) эффективность стимулирования с помощью гибких экономических, а также некоторых административных мер, в первую очередь отечественного производителя (в том числе мелкого), работающего на внутренний рынок, а также на экспорт;

г) необходимость огромного внимания к поддержанию баланса между развертыванием экономической реформы и осуществлением социальных программ, добываясь посильности бремени рыночных преобразований для населения.

Как показала китайская практика, последнее обстоятельство является решающим для сохранения социально-политической стабильности в стране и поддержки политики правительства народом.

Социальные последствия экономической реформы в КНР выражаются в тех сдвигах, которые произошли в китайском обществе с конца 70-х годов. При оценке этих последствий надо учитывать, что весь смысл экономической модернизации заключается в достижении модернизации социальной сферы. И здесь суть не в количественном накоплении тех или иных материальных благ, а в опирающемся на сдвиги в факторах производства качественном изменении содержания и условий жизнедеятельности людей.

Реформа экономической системы КНР, затронувшая основу всей хозяйственной деятельности - отношения собственности, существенным образом изменила социальную структуру китайского общества. Из тотально обобществленной экономика КНР стала многоукладной. Качественные изменения произошли и внутри каждого из секторов хозяйства. В целом повысились техническая оснащенность труда, уровень квалификации работников, качество управленческой деятельности. Были созданы условия для проявления инициативы, способностей людей к самостоятельному принятию решений при одновременном усилении чувства ответственности за их реализацию.

Ответ на вопрос о социальных последствиях рыночных преобразований в КНР требует обращения к исходным позициям и тенденциям развития. Исходные позиции - это опыт социализма с жесткими административными ограничениями в хозяйственной деятельности, но в то же время с необычайно важными для человека (тем более в отсталой стране с громадным населением) социальными гарантиями в отношении обеспечения работой, определенным прожиточным минимумом, услугами здравоохранения, образования и т.п. Все это приходит в столкновение с законами рыночной экономики, состоящими в том, что достижение эффективного хозяйствования возможно лишь в условиях конкурентной борьбы, вытеснения слабого сильным и наиболее дееспособным.

Поэтому в период первоначального накопления экономической мощи, которое происходит в странах, пока еще только переходящих к рыночной экономике, некоторые потери прежних социальных гарантий и оттеснение на второй план проблем обеспечения социальной справедливости неизбежны. При этом степень социальной защищенности трудящихся в том понимании, которое сформировал предшествующий опыт социалистического строительства (в первую очередь через фонды общественного потребления) снижается.

Признавая неизбежность некоторых социальных потерь при переходе к рынку, нельзя, однако, не задаваться вопросом об их величине и оправданности. О последней, очевидно, можно говорить лишь постольку, поскольку вносимая в ходе реформирования социальная плата оказывается сопоставимой с достижениями в повышении эффективности производства, служащем в конечном счете росту народного благосостояния.

Практика экономических реформ в бывшем социалистическом мире дает нам разные примеры. Если в нашей стране были фактически разрушены все положительные социальные завоевания прошлого, то КНР, пойдя по пути постепенного внедрения рыночных начал в экономику, достигла того, что социальная плата оказалась посильной для населения и сопоставимой с тем действительным экономическим прогрессом, ради которого она вносилась.

Именно на основании этого, в первую очередь, следует говорить о рыночной реформе в КНР как о социально-ориентированной. Отрицание социально ориентированного характера китайской реформы, как это делают некоторые наши и западные ученые, ссылаясь на низкие среднедушевые показатели ВВП в КНР или на некоторые статистические стандарты международных

организаций, абсолютно некорректно, так как лишено научного анализа всей совокупности прежних и нынешних социально-экономических реалий страны.

Само понятие “социальной ориентированности” в переходной экономике указывает на направленность преобразований, а не на степень богатства страны. Главными же результатами рыночных преобразований в китайском обществе явилось то, что в огромной и гипернаселенной стране относительно к до-реформенному прошлому улучшились жизненные условия практически всех слоев населения, в 3–4,5 раза выросли реальные доходы трудящихся, заметно повысилось качество жизни. И это при том, что страна по уровню народного благосостояния по-прежнему остается бедной и отсталой на карте мира.

В то же время, хотя и умеренный, но постоянный рост цен на потребительские товары в условиях “скромного достатка” явился серьезным буфером улучшения социального благополучия населения: нижняя граница “скромного достатка” постепенно повышается, как и нижняя граница бедности, что делает все более сложной задачу выведения из бедности десятков миллионов китайского населения.

По оценкам, досрочное выполнение в 1995г. (“в основном”) задачи достижения “скромного достатка” жизни касается сегодня примерно 70% китайского населения. Однако общая динамика, в частности тот факт, что сегодня бедствует в 2–3 раза меньше крестьян, чем в начале реформы, безусловно, положительна, и именно она определяет общее настроение людей.

Серьезным дестабилизирующим фактором стала быстро обострившаяся с началом реформы дифференциация доходов различных категорий населения, которая все труднее поддается реальной оценке, ввиду явного увеличения часто не учитываемых источников доходов.

Поскольку доходы от факторов капитала растут заметно быстрее, чем от факторов труда, сохранение доминирующего положения общественной собственности, внутри которой расслоение на бедных и богатых легче поддается контролю и регулированию, рассматривается учеными страны как главная преграда поляризации в китайском обществе.

На практике принимаются меры по сдерживанию быстрого роста заработной платы в отдельных сферах деятельности, уменьшению нерационального разрыва в оплате труда, подъему нижней границы доходов и оказанию помощи наиболее бедным категориям населения, повышению уровня гласности в распределении и т.п.

Самым серьезным дестабилизирующим фактором в последние годы становится убыстряющийся рост безработицы в связи с более решительным, чем раньше, вторжением рыночных преобразований в государственный сектор промышленности.

Реальным способом ликвидации убыточности крупных и средних государственных промышленные предприятий становится целенаправленное сокращение числа занятых на них, а также ужесточение борьбы с хроническими должниками путем более строго соблюдения правил о банкротстве, принятых соответствующим законом еще в 1986 г. В итоге уже в 1996–1997 гг. резко увеличилось число зарегистрированных банкротств и количество уволенных с государственных предприятий.

Главным способом противодействия росту безработицы в последние годы стала разработка и реализация на общегосударственном уровне программы повторного трудоустройства.

Постепенный рост безработицы в процессе рыночных преобразований создавал массу проблем по выплате пособий по безработице все годы реформы. С середины же 90-х годов данная проблема стала одной из наиболее серьезных, влияющих не только на материальное благополучие, но и на настроение людей.

Несмотря на то, что попавшие под сокращение работники госсектора получают пособие сроком до двух лет (на практике этот срок часто продлевается) в размерах, приближенных к минимальной зарплате, в последнее время ширится "тоска" по тем дореформенным временам, когда доходы не росли, но зато безработицы не было. Отсюда, как полагается, и широкое распространение на местах прежних, "нереформированных" идей социализма.

Во второй половине 90-х годов при относительно стабильных ценах на товары широкого потребления все резче стал обозначаться дисбаланс между потребительским спросом и предложением, часто не вполне верно называемый "кризисом перепроизводства" или "снижением покупательной способности китайского населения". На деле это противоречие рождено реакцией населения на многие социальные нововведения хозяйственной реформы в КНР, связанные с постепенной заменой прежних бесплатных государственных услуг системой долевого участия (государство — предприятие — гражданин) в получении жилья, образования, медицинской помощи, в страховании, пенсионном обеспечении и т.п.

Именно поэтому люди предпочитают не тратить, а накапливать средства на возможные предстоящие нужды, в результате чего намного выросли сберегательные вклады городского и сельского населения (остаточная сумма личных банковских сбережений выросла за 20 лет реформы более чем в 250 раз, в том числе только за 90-е годы — более чем в 7 раз).

Пытаясь повлиять на сложившуюся ситуацию, правительство КНР в 1999 г. приняло целый ряд мер, направленных на увеличение трат населения: выпуск госзаймов, неоднократное снижение банковского процента по вкладам, введение налога на банковский процент, повышение заработной платы рабочим рентабельных предприятий, более строгие налоговые регламентации на экспортную выручку и т.п.

Однако все эти меры пока не приносят в полной мере желаемого результата. У населения увеличивается страх перед возможными последствиями уже вполне обозначившихся направлений реформы социального обеспечения на перемещение части нагрузки на самих граждан, и люди предпочитают сохранять и по возможности увеличивать свои накопления даже под невысокий банковский процент.

Поскольку поддержание баланса экономических и социальных интересов на протяжении 20 лет рыночных преобразований являлось главным условием сохранения социально-политической стабильности в стране, дальнейшее развитие требует от китайского руководства огромных усилий для выработки мер по урегулированию нарастающих социальных противоречий и выработке мер, способствующих снижению опасности возрастающей "социальной температуры" в обществе.

Реформа системы социального обеспечения в Китае

© 2001

Хоу Вэньжо (КНР)

Основная цель реформы системы социального обеспечения в Китае состоит в повышении благосостояния населения, а также в создании благоприятной среды для экономической реформы вообще и реформы на предприятиях государственного сектора в частности.

Главным направлением реформы социального обеспечения являются реформирование страхования, пенсионного обеспечения, медицинского обслуживания, а также страхования по безработице. В ходе проведения экономической реформы в Китае разработана система социальных гарантий, которая применяется в общенациональном масштабе. Программы пенсионного и медицинского страхования для занятых на предприятиях унифицированы. Эти два вида страхования представляют собой совершенно новую для Китая модель сочетания "индивидуальных" и "общественных" счетов. Обозначена также, хотя и в зачаточной форме, схема страхования по безработице.

I. Новая структура социального обеспечения.

В середине 80-х годов, когда началась реформа экономики в городах, в частности предприятий государственного сектора, стала преобразовываться и система социального обеспечения. Это способствовало созданию благоприятных условий для развития экономической реформы.

Первые попытки создать в стране систему социального обеспечения Китай предпринял еще в 50-е годы, когда начался процесс индустриализации. И реформы в этой области сегодня можно считать продолжением этой работы, но с учетом новых условий рыночной экономики.

Реформе социального обеспечения в стране предшествовала научная разработка системы, которая соответствовала бы условиям рыночной экономики. Схема этой системы была предложена в принятой на 3-ей сессии ЦК КПК 14 созыва в 1993 г. "Резолюции из отдельных документов о становлении социалистической рыночной экономики в КНР." В соответствии с этими разработками новая система должна затрагивать интересы как городского, так и сельского населения и включать четыре уровня социальной защиты.

Первый уровень - социальная помощь, самый низкий уровень в системе социальной защиты. Предоставляется она только беднякам и их семьям, чтобы гарантировать их минимальные жизненные потребности. Применяется социальная помощь как в городах, так и в сельских районах. Критерием для ее предоставления является "прожиточный минимум", понятие, идентичное "черте бедности" в США. К 1999 г. во всех крупных и средних городах прожи-

точный минимум был определен. Например в г.Пекине он был равен 250 юаням, т.е. семьи, у которых среднемесячный доход на одного члена семьи меньше 250 юаней, считаются бедными, и они вправе рассчитывать на оказание им социальной помощи.

Второй уровень - основной в системе социальных гарантий - называется социальным страхованием. Как правило, в него входят страхования риска при рождении ребенка, старости, болезни, инвалидности, потере трудоспособности, безработице и смерти. Во всех этих случаях должны быть обеспечены основные жизненные расходы.

К 1999 г. социальное страхование уже представляло собой законченную систему и включало пенсионное страхование, страхование медицинского обслуживания, производственных травм, материнства и детства, безработицы. Таким образом, представлены все риски, все страховые случаи, возможные среди активного населения. Социальное страхование предоставляется основным группам городского населения.

Третий уровень - высший уровень социальной защиты, называемый "социальным благосостоянием". Его назначение состоит в том, чтобы частично или полностью покрывать расходы на образование, жилье и т.д. Фактически это - "социальная зарплата", еще один дополнительный доход, способствующий повышению жизненного уровня работника и его семьи. На подобное социальное обеспечение имеют право и городские, и сельские жители.

Четвертый уровень - специфический уровень социальной защиты, который называется "социальной заботой". Предоставляется она исключительно военнослужащим и их иждивенцам, особой группе граждан, пользующихся уважением общества. Она заключается в предоставлении различного рода скидок, пайков членам семей и надлежащем устройстве военнослужащих после их демобилизации.

Китай, являясь членом Международной организации труда (МОТ), в осуществлении программы социальных гарантий придерживается рекомендаций этой организации. Поэтому схема социальных гарантий, разработанная в Китае, соответствует требованиям, предъявляемым МОТ, и похожа на аналогичную систему развитых стран, в частности Англии и Германии.

II. Реформа пенсионного страхования

В Китае главным элементом системы социальных гарантий является пенсионное страхование. Китайское правительство сконцентрировало внимание на реформе пенсионного страхования на уровне предприятий как отправном пункте реформы всей системы социального обеспечения. Первостепенное значение реформы пенсионного страхования обусловлено тем, что созданная на уровне предприятий в годы "культурной революции" пенсионная система не отвечала требованиям социальной защиты работников предприятия, не говоря уже об обеспечении им безбедной жизни в пенсионном возрасте. Ниже мы рассмотрим, каким было "страхование на уровне предприятий" и почему оно не соответствовало своему предназначению.

В 1951 г. был принят "Закон о пенсионном страховании в Китайской Народной Республике" и тем самым было положено начало действию пенсионного страхования в стране. Было установлено, что предприятия государственной собственности отчисляют 3% от фонда заработной платы в качестве страхового взноса в фонд профсоюзов, выступавших в качестве органов социального страхования. Обязательства по социальному страхованию передавались предприятиям, средства были объединены в фонд социального страхования, 70% которого оставалось на предприятии, а 30% передавались в систему профсоюзов. Неиспользованные на предприятии средства передавались в местные профсоюзы, дефицит средств на социальное страхование работников предпри-

ятия восполнялся из этого фонда. А неиспользованные средства на местах передавались во Всекитайскую федерацию профсоюзов, которая в случае необходимости компенсировала и дефицит средств. Поскольку порядок уплаты страховых взносов был установлен в общенациональном масштабе, не было проблем с выплатой пенсий. Кроме того, численность реципиентов была невелика в то время. Баланс дефицита и излишков денежных средств был отрегулирован к 1966 г. Это был первый этап развития пенсионного страхования в стране.

Второй этап относится к началу “культурной революции” в 1966 г. Профсоюзы в эти годы утратили свое значение как органы социального обеспечения, предприятия прекратили свои отчисления. Министерством финансов была издана директива, предписывающая предприятиям полностью взять на себя бремя социального страхования и самостоятельно формировать фонд пенсионного страхования и других видов социального обеспечения своих работников.

Таким образом, единая унифицированная в масштабе страны система социального страхования была преобразована в “систему социального страхования на уровне предприятия”, управление которой полностью по всем статьям передавалось каждому предприятию в отдельности. В результате большинство предприятий рассматривали необходимость выплаты пенсий как тяжелую обязанность. У одних предприятий, где производственная деятельность была дезорганизована, просто не было средств для выплаты пенсий, у других - скопилась задолженность перед пенсионерами, что вызывало недовольство и жалобы. В стране сложилась ситуация, подобная той, которая возникла в России в начале 90-х годов.

В середине 80-х годов развитие пенсионного страхования в Китае вступило в третий этап, который продолжается до сегодняшнего дня. Каким образом должна проводиться реформа пенсионного страхования сегодня? Возможно ли вернуться к модели 50-х годов? - Нет. Во-первых, потому что население Китая быстро стареет, и уже в 2000 г. страна будет иметь “старое” общество. Следовательно, численность получателей пенсионного пособия будет возрастать, вместе с ней будет увеличиваться нагрузка на экономически активное население, а предприятие и государство будут вынуждены нести чрезвычайно большое бремя.

Во-вторых, пенсионное страхование на том этапе базировалось на методе “выплат пенсий из текущих доходов,” отчислений на выплату пенсионных пособий вышедшим из активного возраста было недостаточно.

В-третьих, пенсионные страховые взносы в прошлом состояли только из одного компонента - “основного пенсионного взноса”, размеры которого не обеспечивали безбедной жизни в преклонном возрасте. Поэтому возникла необходимость рассмотреть многоярусную структуру пенсионных страховых взносов, применяемую в практике развитых стран.

В-четвертых, пенсионное обеспечение по прежней модели не только лежало на невыносимом бремени на государственном бюджете в период быстрого старения населения, но и приводило бы к полной зависимости работника от государства после выхода его на пенсию, скрывало бы его инициативу, нанося ущерб и работнику, и предприятию, и экономическому развитию страны в целом.

III. Сочетание в пенсионном страховании “индивидуальных” и “общественных” счетов.

Для выбора пути реформирования системы пенсионного страхования Китай в течение 10 лет изучал опыт других стран. Результатом явилось изда-

ние китайским правительством в 1997 г. постановления "О формировании единой системы пенсионного страхования на предприятиях". Документ указал на необходимость введения "индивидуальных" и "общественных" счетов. В общенациональном масштабе эта система начала действовать с 1998 г. Основное содержание ее можно свести к следующим семи положениям:

1) *Сфера действия.* Новая система пенсионного страхования распространяется на все городские предприятия и на всех городских жителей. Под городскими предприятиями имеются в виду не только предприятия государственной собственности, но и коллективные, частные, предприятия с иностранным капиталом, а также инвестируемые зарубежными соотечественниками, компаниями Тайваня, Гонконга, Макао. Это позволяет значительно увеличить фонд социального страхования, но более важным является то, что все городские предприятия имеют одинаковые стартовые условия, а также справедливые условия для конкуренции.

В прошлом негосударственные предприятия не имели обязанности по пенсионному страхованию, при этом издержки их производства были невысоки, государственные же предприятия, делая отчисления в пенсионный фонд, имели высокие издержки производства и, соответственно, относительно высокую себестоимость продукции.

Новая система пенсионного страхования применяется для всех категорий, занятых в городской экономике, в том числе и собственников частных предприятий, отдельных работников, самостоятельно нашедших себе занятие.

В силу региональных различий в социально-экономическом развитии страны, в темпах старения населения правительством предусмотрен неодинаковый режим реализации программы пенсионного страхования по отдельным районам. В городах центрального подчинения, юго-восточных приморских районах, Центральном Китае базовые показатели внедрения новой программы были достигнуты в 1998 г., в других районах - в 1999 г. В целом по стране охват пенсионным страхованием уже в 1997 г. составлял 78,4% общего числа занятых на предприятиях различных форм собственности.

Распространение пенсионного страхования в Китае в 1997 г.

	Число занятых, тыс. чел.	охват, %%
В целом по стране	87580	78,4
предприятия госуд. собственности	70490	95,2
предприятия колл. собственности	14560	51,5
другие	2530	34,2

Источник: China Labor Statistical Yearbook. Beijing, 1998. P. 128.

2) *Страховые взносы.* Страхователь и его предприятие должны отчислять страховые взносы ежемесячно. В случае неуплаты в отношении виновных применяются меры давления, в серьезных ситуациях - наказания. В качестве базовых показателей для определения величины страхового взноса используются фонд заработной платы предприятия и среднемесячная зарплата работника за предыдущий год. Практика использования зарплаты работника в качестве основного источника дохода и исключение из расчетов других источников дохода обеспечивает стандартизацию подхода к определению размеров страховых взносов.

Кроме того, есть показатель, который вносит единообразие в расчеты по всей стране. Это - фиксированный процент отчислений от фонда заработной платы предприятиями и отдельными предпринимателями. Сегодня он не мо-

жет превышать 20% и будет снижаться до 8% в будущем. Для отчислений, которые делают работники на свой личный счет, тоже установлен фиксированный уровень. В 1997 г. он был равен 4% от зарплаты, с 1998 г., повышаясь по одному процентному пункту в год, он должен достичь 8%.

В рамках пенсионной реформы правительством установлены минимальный и максимальный уровни зарплаты, исходя из которых определяются размеры пенсионного пособия. Минимальной величиной для расчета является величина, равная 60% среднемесячной зарплаты работников в данном регионе, даже если фактическая зарплата работника ниже указанного уровня. В случае превышения зарплаты работника на 300% среднемесячной зарплаты в данной местности, объем превышения не учитывается при начислении пенсионного пособия. В этой схеме соблюден принцип сочетания экономической эффективности и социальной справедливости.

Принцип справедливости проявляется в различных льготах, которые предоставляются низкооплачиваемым. Принцип эффективности заключается в побудительном мотиве к высокой зарплате, которая отражает, соответственно, больший трудовой вклад. Подобная практика в Китае является заимствована из опыта пенсионного страхования в развитых странах.

3) *Фонд пенсионного страхования.* Он формируется предприятиями, самим работником, государством и рынком. Отчисления предприятий - это один из источников пополнения пенсионного фонда. Величина этих отчислений зависит от объема фонда заработной платы и нормы отчислений, которая устанавливается правительством. Китай, следуя рекомендациям МОТ, фиксирует пропорцию между отчислениями предприятия и самих работников. Пропорция 50:50 означает, что если 8% от фонда заработной платы отчисляет предприятие, то 8% должен отчислять от своей зарплаты и сам работник. Фонд, формируемый работником, увеличивается пропорционально росту нормы отчислений.

Пенсионный фонд пополняется также за счет различного рода по налогам и прибыли, предоставляемыми государством. Это - банковский процент на средства фонда, положенные на контролируемый государством специальный депозитный счет.

В отличие от Японии и Англии пенсионный фонд в Китае не авансируется правительством из госбюджета. Практика Китая больше похожа на американскую. Только в случае образовавшегося существенного дефицита "брешь" закрывается, компенсируется министерством финансов страны, но это - крайняя мера погашения дефицита.

Кроме того, в пенсионный фонд поступают проценты на просроченные платежи и различного рода штрафы, налагаемые на органы социального страхования, деятельность которых контролируется государством. Поскольку процентная ставка по депозитным счетам, открытым органами социального страхования, имеет рыночную природу, можно говорить об участии рынка в формировании фонда пенсионного страхования.

Пенсионное страхование в Китае осуществляется только на локальной основе, а пенсионный фонд формируется и используется в пределах местных объединений.

4) *Индивидуальные пенсионные счета.* Введение индивидуальных счетов в рамках пенсионной реформы - новое для Китая явление, конструирование которого находилось под влиянием опыта Сингапура и Чили. Суть его в том, что органы социального страхования открывают и обслуживают счета, на которые ежемесячно по фиксированному проценту от зарплаты работник перечисляет страховые взносы. В 1998 г. этот процент был равен 4, а в начале XXI века планируется его увеличение до 8. Кроме того, на индивидуальный счет работника примерно 1/3 страхового взноса поступает от предприятия.

Величина этого взноса в XXI в. составит, следовательно, примерно 3% (1/3 от 8% - примерно 3%). Таким образом, каждый страхователь в ближайшем будущем может иметь, выйдя на пенсию, со своего личного счета ежемесячный доход в 11% (8%+3%) от его накопленной годами зарплаты. Эти денежные средства являются личной собственностью работника, но не могут быть использованы им до отставки или выхода на пенсию. В случае перемены места работы деньги "следуют" за работником, в случае его смерти они могут наследоваться, но только та часть, которая представляет собой начисления самого работника. Часть накоплений, которая начислялась предприятием, в этом случае должна быть отделена и переведена на общественный счет.

Очевидно, что такое явление, как "индивидуальный счет", является высоким импульсом и стимулирует желание работника совершенствоваться в умении и мастерстве, получать более высокую зарплату, которая позволила бы отчислять больший страховой взнос, а, следовательно, на старости лет получать большее пенсионное пособие. К тому же наличие "индивидуальных счетов" развивает в работнике осознание самозащитности, а также оказания помощи своему предприятию, государству.

5) *Общественный пенсионный счет.* Этот вид счета предназначен для отчислений страховых взносов от предприятий. Его величина определяется разностью между установленными для предприятий отчислениями в 8% и перечисленными предприятием на личный счет работника 3%, т.е. - 5% фонда заработной платы. Кроме того, небольшая часть накоплений на общественном счете представляет собой, как было указано выше, перечисления с индивидуального счета в случае смерти работника сумм, ранее внесенных на его счет предприятием.

Суммы накоплений на общественных счетах находятся в ведении органов социального страхования и по указанию китайского правительства используются для выплат пенсионных пособий и различного рода компенсаций. Общественные счета - это воплощение справедливости системы социального страхования.

Схема "общественных счетов", предложенная Китаем, может быть названа новаторской. Она лишена недостатков слишком стимулирующей и мало справедливой схемы исключительно индивидуальных счетов, применяемой в Сингапуре. Там страховые взносы как работником, так и предприятием перечисляются только на индивидуальные счета. Однако работник с низкой зарплатой или с частыми прерывами трудовой деятельности, а особенно пожилые люди, не способны накопить достаточную сумму на индивидуальном счете для безбедной жизни на старости лет.

6) *Выплата пенсионных пособий.* В соответствии с новой системой пенсионного страхования пенсионные пособия состоят из двух частей. Первая часть, "основная пенсия", назначается местными органами и не зависит от уровня зарплаты работника или страховых взносов, сделанных им до выхода на пенсию. Определяется она в размере, равно 20% от среднемесячной зарплаты в данном регионе.

Вторая часть, "пенсия индивидуального счета", эквивалентна общей сумме накоплений на индивидуальном счете работника, включая инвестиционную прибыль, т.е. процент по вкладу. Рассчитывается эта часть по формуле: общая сумма накоплений со дня открытия счета до дня выхода на пенсию $x = (\text{сумма отчислений} + \% \text{ по вкладу}) \cdot 120$ (10 лет по 12 месяцев). Следует заметить, что таким образом рассчитывается пенсия по индивидуальным счетам лишь тем работникам, которые открыли эти счета не позже 15 лет назад.

Для того чтобы система дополнительного пенсионного страхования получила реальное распространение в стране, необходимо наличие шести условий: а) Политическое - должен быть соблюден принцип добровольности; б)

экономическое - стабильность хозяйственной деятельности предприятий; в) административное - самостоятельность и независимость предприятий; г) благоприятный инвестиционный "климат"; д) коммерциализация индивидуальных счетов; е) прочная юридическая база.

7) *Пенсионный возраст.* Границы пенсионного возраста, установленные еще в 50-е годы, когда по образцу Советского Союза складывалось пенсионное страхование КНР, не изменялись и в настоящее время составляют 60 лет для мужчин, 55 лет для женщин (на вредных и тяжелых работах - 55 лет и 45 лет, соответственно). Сравнение с другими странами, в частности с Англией, Австрией, Швейцарией показывает, что в Китае этот возраст ниже на 5-7 лет.

Соображения, по которым надлежит повышать пенсионный возраст, следующие: а) пенсионный возраст в Китае был установлен в 1951 г., когда средняя продолжительность жизни составляла всего 40 лет. За прошедшие десятилетия она увеличилась до 70 лет, т.е. на 30 лет, и будет увеличиваться в будущем. Следовательно, действующие границы пенсионного возраста не соответствуют и не совместимы с объективной тенденцией; б) фактический возраст вступления в активную трудовую жизнь молодежи Китая выше 16 лет, установленных законодательством. В Японии, например, разница между юридическим (15 лет) и фактическим (20 лет) возрастом составляет 5 лет. Хотя по Китаю нет подобных данных, однако можно утверждать, что средний возраст вступления в трудовую жизнь выше, чем 16 лет. Таким образом, объективная тенденция, логика которой требует сохранения баланса трудовых ресурсов, ведет к повышению возраста выхода на пенсию. Примером этого может служить Япония, где пенсионный возраст как мужчин, так и женщин повышен с 50 лет до 60 лет, и в дальнейшем планируется повышение его до 65 лет.

Очевидной также является и тенденция унификации пенсионного возраста мужчин и женщин Китая. Меньший, чем у мужчин, возраст выхода на пенсию женщин всегда объяснялся заботой общества о женщине. Однако подлинной заботой о ней является предоставление возможности быть социально активной в той же степени, что и мужчина. Такое положение можно наблюдать во многих индустриальных странах, например в США, Швейцарии, Канаде мужчины и женщины могут выйти на пенсию в 65 лет. Даже в странах, где пока существуют различия в пенсионном возрасте мужчин и женщин, в Англии например, в начале XXI в. эти различия предполагается устранить и унифицировать пенсионный возраст на уровне 65 лет.

Что касается Китая, то выравнивание пенсионного возраста, т.е. подтягивание возраста выхода на пенсию женщин к возрасту мужчин, уже будет свидетельствовать о повышении пенсионного возраста в стране.

Вопрос о повышении пенсионного возраста решается по разному для различных групп населения. Несколько лет назад Госсоветом КНР было выпущено указание, в соответствии с которым для занятых в науке, образовании, финансах, литературе и искусстве выходить на пенсию предписывалось в 65 лет. А в дальнейшем, при условии одобрения провинциальными правительствами, - в возрасте до 70 лет и даже 75 лет с согласия Государственного Совета КНР.

Анализ спроса и предложения рабочей силы в Китае показывает, что в настоящее время нет соответствующего механизма для проведения политики изменения пенсионного возраста для всех групп населения. Предложение рабочей силы в городах превышает спрос, и баланс между спросом и предложением может быть достигнут лишь на короткое время. Излишек сельской рабочей силы приводит к большому ежегодному притоку ее в города. Но это не означает, что вопрос пенсионного возраста не должен учитываться. Наоборот, это лишь подтверждает, что он должен исследоваться всесторонне, в рамках решения задачи социальной безопасности.

Комментарий

В Китае, как и в других странах с переходной экономикой, на первом этапе реформ вопрос о необходимости создания модели социального развития в новых экономических условиях не поднимался. Предполагалось, что улучшение в социальной сфере неизбежно последует за подъемом в экономике.

Опровержением подобного взгляда на социальную политику стало то обстоятельство, что социальная напряженность возникала и сохранялась даже тогда, когда относительно легко и быстро удавалось стабилизировать ситуацию в экономике. С понимания этой ситуации начался новый этап в развитии всех стран с переходной экономикой, этап, в котором социальные реформы прочно заняли свое место.

Первые попытки создать свою систему социальных гарантий Китай предпринял еще в 50-е годы. Тогда за образец была взята советская модель. Однако было бы не совсем правильно считать, что "социальные реформы сегодня - это продолжение предыдущей работы, но с попыткой приспособить ее к новым условиям рыночной экономики".

Дело в том, что зачатки централизованной государственной социальной системы, созданные в 50-е годы, были полностью разрушены в годы "культурной революции", и в дальнейшем централизованная государственная система была заменена на "социальное обеспечение на уровне предприятий". Лишь отдельные ее элементы, в частности рамки пенсионного возраста, напоминают о модели 50-х годов.

В последнее время, т.е. более чем через 10-летний период после начала реформирования государственных предприятий, были опубликованы основные моменты формирования новой системы социальных гарантий, приспособленной к условиям рыночной экономики. В главных своих чертах она была изложена в "Резолюциях из отдельных документов о становлении социалистической рыночной экономики в КНР", принятой на 3-ей сессии ЦК КПК 14 созыва в 1993 году. А к 1999 г., по мнению автора, реформируясь, "социальное страхование уже сложилось в законченную систему", причем не только для городского населения, но и сельского. Однако следует заметить, что к настоящему моменту изложенная система хорошо разработана теоретически, практическое же ее применение в полной мере и в общенациональном масштабе лишь предстоит.

Подобная неторопливость китайских реформаторов может свидетельствовать не только о неготовности, но и крайней осторожности в подходе к осуществлению болезненных для населения, непопулярных реформ. Хотя реформирование социальной сферы и проводилось еще в 80-е годы (в области трудовых отношений, страхования по безработице), но крайне медленно и не носило всеобщего характера.

В системе социального обеспечения сегодня выделены 4 основных уровня: 1-й уровень - социальная помощь, самая простая форма, точкой отсчета для которой является прожиточный минимум. Он устанавливается дифференцированно по отдельным городам и корректируется во времени (в г. Пекине в 1996 г. - 200 юаней, в 1998 г. - 250 юаней); 2-й - социальное страхование, основа, ядро всей системы социального обеспечения, включающее пенсионное страхование, страхование по безработице, рождений, смерти, увечий; 3-й - социальное благосостояние, программа, направленная на повышение достигнутого жизненного уровня среди отдельных групп населения, улучшение жилищных условий, получения образования; 4-й социальные привилегии, специфическая форма социальной защиты военнослужащих и их семей.

В Китае, как и в других странах, главный элемент в системе социального обеспечения - это пенсионное страхование. Китайское правительство сфокусирова-

ло свое внимание на реформе пенсионного страхования как начале реформ всей системы социального обеспечения, причем если в 50-е годы модель пенсионного страхования была "списана" с распределительной модели Советского Союза, то в настоящее время за образец взята модель развитых стран.

В мировой практике программы реформирования пенсионной системы содержат, как правило, два компонента: 1 - рационализацию существующих пенсионных систем, усиление в них страхового начала и 2 - введение обязательного полностью накопительного элемента в пенсионную систему.

Наиболее радикальный подход заключается в том, что новая пенсионная система целиком базируется на единственном накопительном элементе (чилийский вариант); противоположный подход это - рационализация действующей распределительной пенсионной системы с отсрочкой введения накопительного элемента (Россия, Украина, Чехия). Между этими плюсами - пенсионные реформы, основанные на создании смешанной многоуровневой системы (Венгрия, Польша, Словения, Эстония). Китайская модель - это третья модель, в которой первый обязательный распределительный уровень дополняется вторым уровнем, основанным на накопительном финансировании, и третьим, добровольным, накопительным уровнем. При этом распределительный уровень обеспечивают отчисления предприятий от фонда заработной платы, накопительный уровень - отчисления предприятий на личные счета своих работников и добровольные отчисления самих работников.

Китай, являясь членом МОТ, руководствуется ее рекомендациями в определении доли отчислений как предприятий, так и самих работников. Рекомендованное уже на начало XXI века соотношение этих долей 50:50 означает, что 8% от фонда заработной платы отчисляет предприятие и 8% от своей среднемесячной зарплаты должен отчислять сам работник. Это означает также, что отчисления на личные счета работника уже в ближайшей перспективе могут стать основой формирования пенсионного пособия, а накопительный принцип - главным в программе пенсионного страхования.

Тезис автора о том, что новая модель ведет к смене роли работника как пассивного получателя ролью активного создателя фонда социального обеспечения не вызывает сомнений. Однако утверждение о соблюдении принципа сочетания эффективности и справедливости в накопительной пенсионной системе не кажется столь бесспорным. Эффективность действительно проявляется в побудительном мотиве, стремлении к высокой зарплате, но до установленного предела. Что же касается принципа справедливости, то несмотря на то, что унифицированы показатели отчислений от среднемесячной зарплаты работника, сама эта зарплата, ее размеры на момент начисления пенсионных страховых взносов "привязана" к среднемесячной по региону: она не должна быть меньше 60% и больше 300% средней по региону. По сути это определяет верхний и нижний пределы пенсионных пособий по региону. В силу этой обусловленности велика вероятность того, что два условных работника, выполняя одну и ту же работу, выйдя на пенсию с одинаковой должности, будут иметь различный пенсионный страховой взнос, меньший в том регионе, где среднемесячная зарплата меньше, где ниже уровень экономического развития.

Во-вторых, новая модель пенсионного страхования способствует закреплению неизбежного в рыночной экономике расслоения общества. У малоимущих пенсионеров при условии реформирования всей системы социального обеспечения не остается надежд на равную социальную защиту. А в такой важной для пожилых людей сфере, как здравоохранение, после перехода от бесплатного медицинского обслуживания к системе медицинского страхования многие медицинские услуги, прежде всего сложные и дорогие, становятся недоступными для них.

Неизбежным при рационализации пенсионной системы во всех странах с реформируемой экономикой является вопрос о повышении пенсионного возраста. Дело в том, что начало реформ в городском секторе экономики приводит к сокращению страховых взносов как вследствие закрытия части предприятий, падения производства, так и в результате сужения государственного сектора, а также к стремительному росту нагрузки на занятое население. Происходят два параллельных процесса: уменьшение численности плательщиков пенсионных взносов и роста численности реципиентов.

Быстрый рост числа пенсионеров отчасти объясняется изменением возрастной структуры населения. В значительно большей степени он связан с несовершенством действующего в этих странах трудового законодательства, в частности низкой планкой выхода на пенсию (женщин в 55 лет, мужчин в 60 лет) по сравнению с другими, особенно промышленно развитыми, странами.

Расчеты специалистов показывают, что для стран, в которых наметилась устойчивая тенденция старения населения, повышение пенсионного возраста является неизбежным условием стабильного развития пенсионной системы в долгосрочной перспективе. Вопрос заключается в том, готово ли общество к такому мероприятию, имеются ли необходимые и достаточные для этого условия, скажем такие, как качество и продолжительность жизни.

Вопрос о повышении возраста выхода на пенсию стал предметом обсуждения и среди китайской общественности. Необходимость этого аргументируется прежде всего фактом увеличения продолжительности средней жизни до 70 лет. Во-вторых, фактический возраст вступления в трудовую активность старше 16 лет, установленных трудовым законодательством, что связано в первую очередь с продолжением обучения в ВУЗах. А охват молодых людей высшим образованием в стране ежегодно растет. Кроме того, заметный подъем жизненного уровня, улучшение здоровья населения также способствуют увеличению активного возраста.

Обращаясь к опыту некоторых западных стран и Японии, где пенсионный возраст установлен с 60 лет, а в дальнейшем планируется повысить до 65 лет как для женщин, так и для мужчин, в Китае также рассматриваются проекты унифицирования возраста выхода на пенсию. Главным соображением в этом вопросе является тот факт, что роль женщины в обществе изменилась, и по своей социальной и экономической значимости она не уступает сегодня мужчине. Этому способствуют и успехи в демографической политике, снижение рождаемости, большое распространение однодетных семей. Однако нельзя не учитывать, и автор это отмечает, что повышение пенсионного возраста, т.е. увеличение продолжительности активного возраста, входит в очевидное противоречие с фактическим положением на рынке труда, с безработицей как среди молодежи, так и среди людей среднего возраста. Следовательно, необходим взвешенный подход, при котором соблюдаются интересы экономики и социальная стабильность.

Сокращенный перевод статьи с английского языка и комментарий к ней кандидата экономических наук Е.Ф.Селивановой.

Проблемы и перспективы расширения российско-южнокорейских экономических отношений

© 2000

И. Богдан

(Окончание. Начало в ПДВ № 6, 2000)

Факт наличия в российско-корейском экономическом сотрудничестве достаточно большого нереализованного потенциала дальнейшего развития, а также новых предпосылок к развертыванию этого потенциала служит необходимым, но все же еще не достаточным условием для действительно успешного продвижения в этом направлении. Совершенно ясно, что это обстоятельство должно быть на практике дополнено главным - соответствующей целенаправленной деятельностью субъектов хозяйствования.

Наши предложения как раз и направлены на то, чтобы способствовать активизации и совершенствованию такой деятельности.

Но прежде всего, нужно определиться в принципиальных подходах.

Первое: на какое развитие делать ставку - экстенсивное или интенсивное? Полагаем, что на интенсивное.

На той степени зрелости, которая присуща сейчас и будет присуща в обозримом будущем российско-корейскому экономическому сотрудничеству, все коммерческие операции вообще являются в той или иной (скорее в большей, чем в меньшей) мере экстенсивными, и интенсивных сделок в чистом виде практически нет. Поэтому если и говорить о последних, то реально речь может в первую очередь идти о том, чтобы несколько больше интенсифицировать экстенсивные по основному содержанию операции. Хотя есть и некоторая потенциальная возможность внедрения также исключительно или преимущественно интенсивных сделок.

С учетом этого все-таки представляется, что даже в таком ограниченном, урезанном виде интенсивный подход должен быть превалирующим. Желательно, чтобы впредь реализовывались только наиболее доступные и незатратные из сугубо экстенсивных операций. Само по себе это допустимо, так как во взаимном сотрудничестве еще далеко не полностью мобилизован и его экстенсивный потенциал.

Второе: кто должен быть главным действующим лицом в сотрудничестве - государство или частный бизнес? Считаем, что частный бизнес.

Разумеется, этот вопрос следует понимать отнюдь не в смысле ущемления функций государства по общему управлению внешнеэкономической деятельностью страны. Дело в другом: насколько характер этой государственной деятельности отвечает справедливым потребностям частного бизнеса.

Рассматривая этот вопрос через призму конкретных интересов дальнейшего подъема экономического сотрудничества с Кореей, приходится признать, что по крайней мере в России он решен пока еще не самым оптимальным образом.

В этой связи заслуживают упоминания хотя бы два момента.

Один из них касается экспортной ориентации как экономической стратегии. Представляется, что России следовало бы взять на вооружение если не все содержание, то ключевые элементы этой стратегии, которая не раз выручала другие страны, и в том числе ту же Корею. Хотя в российских условиях этот подход может быть реализован, разумеется, только в масштабах лишь отдельных отраслей или производственных комплексов.

Другой момент относится к целесообразности развития свободных экономических зон в нашей стране. Следует как бы "вдохнуть жизнь" в те формальные образования этого рода, которые пока еще активно не функционируют по причине, главным образом, отсутствия достаточного правового режима. Нужно создавать еще и новые полноценные свободные экономические зоны.

Этими и подобными действиями государство подготовит дополнительные благоприятные условия для наращивания активности российского и иностранного частного бизнеса в торговле между собой в целом и, как представляется, особенно на корейском направлении, в частности.

С этих позиций можно предложить следующие конкретные меры по совершенствованию сотрудничества.

1. Следует разработать официальную концепцию российско-корейского экономического сотрудничества.

В принципе, существует несколько альтернатив проведения такой работы. Так, с одной стороны, она может быть выполнена либо правительственными органами (или по их заказу, что по существу одно и то же), либо научно-исследовательскими учреждениями, либо даже некоторыми коммерческими структурами (консалтинговыми, к примеру), либо всеми ими вместе в различном сочетании. С другой стороны, подготовка официальной концепции сотрудничества возможна как в России, так и в Корее (причем даже лучше, если в обеих странах, но не порознь, а вместе; по варианту либо совместной работы с самого начала, либо выработки общего документа на заключительном этапе).

Большое значение имеет то, каким по характеру следует быть этому документу. Совершенно исключено придание ему обязательных для исполнения коммерческими структурами функций.

Даже для государственных органов это совсем еще не приказ, подлежащий беспрекословному исполнению, а скорее некий важный ориентир. Однако он должен отличаться сильным, развернутым планом будущих действий, а еще более - реалистичной, продуманной и, что особенно важно, взаимно согласованной сторонами комплексной программой деятельности. По мере изменения ситуации концепция должна периодически пересматриваться или уточняться.

В этой связи закономерно возникает вопрос, каким образом избежать в работе над подготовкой и исполнением этого документа достаточно распространенных в российской деловой практике явлений нереалистичности и необязательности. В интересах этого, с одной стороны, концепция должна быть гораздо более комплексной, стратегической и перспективной, чем, например, документы двусторонней Межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству. С другой стороны, следует провести ее независимую компетентную экспертизу, компьютерное апробирование. И, наконец, с третьей стороны, в нее обязательно должен быть встроен эффективный механизм реализации, опирающийся на материальные интересы коммерческих структур.

Хотя, конечно, многое для успеха этой концепции зависит собственно от профессионализма, добросовестности и ответственности ее непосредственных авторов. В этой связи хотелось бы особо рекомендовать с российской стороны достойные кандидатуры специалистов Центра корееведения Института Дальнего Востока РАН.

2. Назрело время для того, чтобы обеим сторонам - и каждой в отдельности, и всем вместе - провести своего рода ревизию всех прежних уже довольно многочисленных торгово-экономических договоренностей. Разумеется, эта работа проводится также и по линии Межправительственной комиссии. Тем не менее, парадоксом выглядит то, что там, в нарушение всей логики и даже демократических принципов управления, одни и те же чиновники и готовят решения, и порой не обеспечивают их выполнение, и определяют меру ответственности (а фактически - безответственности) за это.

Дело, разумеется, не в поиске виновных, а в повышении вообще основательности и реалистичности всей нашей совместной работы по обеспечению развития двусторонних торгово-экономических отношений. Особенно не хотелось бы и надо уже сейчас, безотлагательно и сразу, принимать меры против того, чтобы судьба "долгостроя" (если только не хуже - "потемкинских деревень") постигла самые свежие из ключевых для перспектив сотрудничества проектов, как например, подписанное в мае 1999 г. межправительственное соглашение о создании российско-корейского индустриального комплекса в свободной экономической зоне "Находка". Поэтому желательно подключить к ревизии межправительственных договоренностей компетентных консультантов, особенно из сферы практического бизнеса, с тем чтобы они избавили от балласта уже невыполнимых или нерациональных решений и предложили действенные меры по оживлению еще заслуживающих этого.

Было бы еще лучше, если бы, пользуясь этим случаем и на этих практических примерах, какая-либо авторитетная международная организация в области государственного управления проанализировала общий механизм работы Межправительственной комиссии и дала соответствующие рекомендации по кардинальному совершенствованию нынешнего положения вещей. Сеул и Москва лишь сравнительно недавно стали практиковать эту весьма типичную еще для бывшего Советского Союза межгосударственную форму организации двусторонних экономических отношений. Однако уже сейчас настораживает то, что некоторые решения "уходят в песок", а реализация других явно задерживается. Поневоле вспоминается печальный опыт аналогичного сотрудничества между Москвой и Пхеньяном, изобиловавший в свое время многочисленными делегациями, переговорами и подписанными документами по торгово-экономической тематике, но чуть ли не в том же количестве и не реализованными договоренностями.

Этот вопрос заслуживает особого внимания потому, что в принципе Межправительственная комиссия как раз обладает немалым потенциалом содействия развитию наших взаимных торгово-экономических связей. Нужно только добиться улучшения ее работы, повышения эффективности и отдачи от тех немалых организационных усилий и прямых материальных затрат, которые так или иначе связаны с ее деятельностью. В частности, после упомянутой ревизии прежних договоренностей Межправительственная комиссия могла бы сосредоточиться на претворении в жизнь тех из них, которые представляются наиболее многообещающими, наименее затратными, самыми актуальными, с тем чтобы быстрее добиться видимого практического результата.

3. В части мер со стороны властных структур предлагается активнее использовать их региональный уровень, в отличие от до сих пор рассматривавшегося центрального. Этот уровень пока оказывается подключенным к вза-

имному экономическому сотрудничеству лишь эпизодически, по крайней мере, не систематически.

Между тем, несмотря на наметившиеся в последнее время тенденции к усилению централизации управления Россией, региональный (субъектов федерации) и даже местный уровни власти обладают здесь все еще немалыми своими собственными дополнительными возможностями. Эти возможности пролегают главным образом по линиям если не прямых льгот и поблажек, то предоставления приоритетного доступа к самым привлекательным региональным и местным ресурсам на основе, главным образом, личных связей, что весьма важно в российских условиях.

Само собой разумеется, что главными партнерами российских региональных и местных органов власти должны стать с корейской стороны административные структуры соответственно провинциального и городского звеньев. Установление на этом уровне официальных деловых и даже побратимских отношений (о чем не раз выражали пожелания в автономных республиках и областях России), несомненно, способствовало бы более благоприятным возможностям для взаимного сотрудничества коммерсантов соответствующей территориальной принадлежности с обеих сторон.

Вместе с тем, совершенно ни к чему, чтобы корейские провинции и города только лишь сугубо формально устанавливали отношения со всеми российскими партнерами аналогичного уровня. Напротив, было бы желательно для них самих и вообще для интересов сотрудничества в целом сосредоточиться на отдельных российских регионах и городах по признакам их большого участия во взаимных торговых отношениях или особой перспективности.

4. Можно уже сейчас предвидеть, что в определенной перспективе должен самым естественным образом встать вопрос о создании Россией и Кореей региональной интеграционной группировки.

Один из стимулов к этому может сложиться в рамках организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, к которой одновременно принадлежат как Корея, так и Россия.

Есть некоторые основания говорить о связывающих обе страны по этой линии особых отношениях, имея в виду хотя бы тот факт, что своим вступлением в организацию АТЭС прямо в канун того, как эта организация приостановила на несколько лет дальнейшее расширение своих рядов, Москва обязана специальной рекомендацией Сеула.

Текущая ситуация в организации АТЭС выглядит несколько аморфной и отдаленной от реальных практических результатов для международной торговли. Чтобы ускорить процесс интеграции, Россия и Корея могли бы образовать более продвинутую по практическому пути региональную группировку, способную служить неким центром притяжения для остальных стран АТЭС.

Однако региональная группировка в составе Кореи и России может быть обоснована и еще с одной стороны. Уже отмеченный процесс некоторой нормализации отношений между Сеулом и Пхеньяном наверняка еще потребует, несмотря на нынешнюю конъюнктурную эйфорию по этому поводу среди корейцев и даже общественности во всем мире вообще, определенного подталкивания, стимулирования. Этому способно было бы послужить сотрудничество обеих Корей с Россией в рамках общей интеграционной группировки. Такая группировка была бы вполне естественной и с географической точки зрения из-за соседствующего расположения всех трех этих стран.

Тем не менее, интеграция Кореи и России в региональную группировку имеет и вполне самостоятельное значение. Можно представить, насколько легче и выгоднее для предпринимателей обеих стран стало бы осуществлять вза-

имные торговые операции в рамках, скажем, хотя бы зоны свободной торговли как первой ступени региональной интеграции.

В частности, взаимный отказ от импортных пошлин в торговле друг с другом наверняка помог бы корейским товарам стать более конкурентоспособными на всем российском рынке, особенно в его европейской части, где еще сильно сказывается сейчас объективный фактор более высоких транспортных расходов по сравнению с вариантом импорта аналогичных товаров из европейских стран. Что же касается российского экспорта, то это послужило бы большим стимулом особенно для производителей и поставщиков из регионов Дальнего Востока и Сибири, а возможно также и Урала.

5. Важную роль в подталкивании сотрудничества способны сыграть дипломатические ведомства обеих стран, особенно их зарубежные представительства на территории друг друга. В России в последнее время вменяют это в прямую обязанность МИД и российских посольств за рубежом, в том числе и в Сеуле. Признаки аналогичного подхода заметны и в деятельности корейских МИД и посольства в Москве.

Тем не менее представляется, что и российские, и корейские дипломаты могли бы внести еще более весомый вклад в этот процесс, чтобы, во-первых, они заняли более активную и даже инициативную позицию в подходе к потенциальным коммерческим проектам и, во-вторых, разработали и наладили механизм быстрого непосредственного взаимодействия с деловыми кругами своих стран.

6. Существует дополнительный резерв активизации сотрудничества на основе более широкого вовлечения в него малого и примыкающей к нему части среднего бизнеса с обеих сторон. Здесь можно было бы экспериментально апробировать следующий новый подход.

Известно, что в обеих странах предоставляют определенные льготы малому бизнесу, и это вполне оправдано. Однако эти льготы не носят или почти не носят сугубо внешнеэкономического смысла.

Между тем за счет именно этого можно было бы добиться определенного прироста взаимной торговли. Малый бизнес не конкурент среднему и тем более крупному, и поэтому могла бы произойти мобилизация для целей пополнения российско-корейского товарооборота тех ресурсов, которые иначе в него просто не попадают.

7. Целым рядом серьезных коммерческих проектов может обернуться двух- и даже трехстороннее (обеих Корей и России) сотрудничество в области реконструкции и модернизации объектов бывшего советского экономического и технического содействия в КНДР. Ясно, что контуры его стали более различимы на фоне июньской 2000г. встречи руководителей Республики Корея и КНДР в Пхеньяне.

Именно такой подход к этим объектам (а не такие ему альтернативы, как разрушение или сугубо межкорейская, без российского участия, перестройка подобных предприятий) отвечает интересам Сеула в свете его серьезных опасений насчет непомерно большой цены, в которую обойдется воссоединение разрозненных частей нации Республике Корея. Объекты советского экономического и технического содействия играют слишком большую роль в северокорейской экономике (составляют по сути "костяк" электроэнергетики, черной металлургии, машиностроения и др.), чтобы от них можно было бы безболезненно отказаться. К тому же они вполне "вписываются" в технологический ряд всей северокорейской индустрии, особенно тяжелой, и требуют относительно небольших средств на закупки российского оборудования для своего восстановления, чем это было бы в случае опоры на поставки техники исключительно из Республики Корея.

8. Именно в контексте улучшения отношений между Сеулом и Пхеньяном и реально наметившихся перспектив активизации экономического сотрудничества между ними заслуживает ускоренной реализации уже вроде бы согласованный на межкорейском уровне проект воссоздания прямого железнодорожного сообщения между Республикой Корея и Западной Европой через Россию.

По данным из японских источников¹, перевозка грузов в Европу через Сибирь на плече Находка-Польша обещает трехкратное снижение транспортных расходов по сравнению с морским вариантом. Величина экономии для Кореи должна быть сопоставимой.

Однако прокладка такой железнодорожной линии имеет и более частный эффект применительно к российскому экономическому сотрудничеству с обеими Кореями. Помимо довольно большого масштаба самих операций по восстановлению и совершенствованию железных дорог, что само по себе сулит заметный коммерческий результат участникам этих работ, еще более важно то, что когда артерии станут действовать, они обеспечат гораздо более благоприятные условия со стороны инфраструктуры для наращивания взаимной двух- и даже трехсторонней торговли.

9. По-прежнему заслуживает внимания и определенных усилий с обеих сторон уже давно дебатированный международный проект "Туманган". (Как известно, он предполагает создание транспортно-перевалочного и индустриального центра глобальной значимости на стыке границ России, Кореи и Китая при участии и ряда других примыкающих стран).

Этот проект реально отвечает интересам развития и собственно российско-корейского сотрудничества. Ясно, что приток значительных инвестиций в регион создаст весьма весомые предпосылки к этому. Уже одно то, что на охваченных проектом российской и корейской территориях будут созданы новые передовые производства, означает, что с обеих сторон появятся

дополнительные представляющие интерес для партнера экспортные ресурсы. Связанные с международным характером проекта его дополнительные финансовые возможности и меры по обеспечению выполнения участниками своих обязательств могут стать решающим обстоятельством для того, чтобы корейские предприниматели подключились к определенным инвестиционным операциям в России.

Уже достаточно длительная задержка с доработкой и началом реализации проекта "Туманган" связана прежде всего с тем, что он требует весьма больших капиталовложений. Эту проблему Сеулу и Москве решить не под силу не только в отдельности, но даже и вместе.

Выход (хотя бы промежуточный) видится в том, чтобы попытаться для начала ограничиться чем-то наподобие "малого Тумангана". Следовало бы вычленив в рамках общего проекта некоторую начальную, (но по возможностям реализации ее самой и достижения практических целей самостоятельную и автономную) программу действий, которая отличалась бы, разумеется, гораздо меньшей затратностью финансов и времени. Скорее всего, в этом случае международное экономическое сообщество, деловые круги более благосклонно посмотрят на свое возможное участие в этом сотрудничестве.

10. На стыке правительственной и частнопредпринимательской деятельности находится проект создания в России (с филиалом в Кореи) российско-корейского делового центра. Этот проект был разработан в Центре корейских исследований Института Дальнего Востока РАН и предложен для обсуждения на переговорах на высшем уровне в мае 1999 г., где нашел поддержку президентов обеих стран.

Проект предполагает создание особого рода структуры: государственно-частной по форме собственности, российско-корейской по национальной при-

надлежности капитала. Такой Деловой центр должен выполнять консалтинговые, посреднические и допускаемые законом лоббистские функции, будучи проводником и защитником интересов корейских предпринимателей в России в первую очередь (с учетом того, что именно в этом и состоит самое слабое и ключевое для решения всех других проблем звено сотрудничества) и наоборот. Он будет опираться на компетентность, деловые связи, порядочность своего персонала. При самых незначительных инвестициях в начало его деятельности Деловой центр должен функционировать в основном за счет собственной прибыли. Предположительно он может принести немало пользы особенно мелкому и среднему корейскому бизнесу в России и российскому бизнесу в Корее.

К сожалению, проект пока не нашел практического воплощения главным образом из-за организационных неурядиц в России, в связи с чем получение от него ожидаемого большого полезного эффекта для обеих сторон задерживается.

11. Важное значение может иметь укрепление информационной базы сотрудничества. В свете нынешних реалий сотрудничества и внутренней обстановки в обеих наших странах вообще это относится, разумеется, главным образом к российской стороне.

Концентрация усилий на информационном поле привлекательна тем, что по сути дела представляет собой чуть ли не интенсивный в чистом виде проект: настолько затраты на него малы сравнительно с получаемой отдачей. Это общее положение особенно справедливо именно для России, которая ввиду своей особой масштабности и запутанности положения дел в экономике отличается очень слабой транспарентностью. Между тем именно "прозрачность", открытость, определенность составляют для современного предпринимательства одну из главных основ его практической деятельности, тем более за рубежом.

Решения этой проблемы официальными российскими инстанциями вряд ли следует ожидать, раз уж они не смогли сделать этого до сих пор. Зато на много большее можно было бы рассчитывать от соответствующей коммерческой структуры (структур), особенно при важном условии соответствующей организационной поддержки, а также, возможно, некоторой материальной помощи (в виде налоговых и кредитных льгот, например) их деятельности со стороны государства. В принципе, подобную функцию был бы способен с успехом выполнить и уже упоминавшийся выше Деловой центр.

12. Важным фактором дальнейшего развития экономических связей между Россией и Кореей может стать решение, хотя бы даже частичное, проблемы возможных российских коммерческих неплатежей. Ситуация в настоящее время такова, что повышенная рискованность в этом отношении торговых операций на российском направлении самым серьезным образом сдерживает их наращивание в соответствии с еще не реализованным объективным потенциалом для этого.

Разумеется, корейские предприниматели и на российском рынке руководствуются общим правилом оптимизации баланса между прибыльностью и рискованностью коммерческих сделок, а потому компенсируют опасность потерять деньги ожидаемой особенно высокой отдачей на их вложение. Однако к настоящему времени возможностей на этот счет на российском рынке остается все меньше, а потому все чаще вполне нормальные и приемлемые в других условиях коммерческие операции просто так и не осуществляются здесь корейцами.

Поскольку не приходится рассчитывать на то, что российские предприниматели уже сейчас кардинально повысят степень ответственности за принятые на себя обязательства по платежам, корейскому бизнесу остается самому

прибегать к необходимым мерам. Среди них выделяется своей значимостью страхование (гарантирование) коммерческих рисков.

Было бы весьма полезно для общего дела наращивания взаимной торговли, если бы корейское правительство приняло на себя хотя бы частичное, выборочное гарантирование операций своих предпринимателей на российском рынке. Еще одним важным вкладом в том же направлении могли бы стать осуществление страхования экспортных кредитов, а также факторинга и форфейтинга по сделкам в России корейскими специализированными финансово-страховыми учреждениями.

13. Не следовало бы также сбрасывать со счетов возможности для взаимного экономического сотрудничества, связанные с проектом переброски газа из Сибири в Корею, как, собственно говоря, и сам этот проект.

Газовый проект весьма привлекателен с точки зрения перспектив снабжения как Кореи, так и ряда других близлежащих стран в большом количестве и относительно дешево этим важным для современной экономики видом сырья. Но одновременно с его реализацией необходимо поступление весьма значительных инвестиций в Россию, а это связано (как и повсеместно в России) с риском. Можно, поэтому, понять Сеул, который вначале ухватился за эту идею, а потом (тем более, что это случилось после финансово-экономического кризиса в Корее) отошел от нее.

Тем не менее, не только остаются в силе все прежние соображения в пользу этого проекта, но к ним еще добавились и новые. В числе последних на одном из главных мест следует рассматривать то, что аналогичным проектом занят сейчас в России Китай. Во-первых, это вообще означает, что сама по себе идея иностранного участия в разработке газовых ресурсов Сибири с последующей поставкой их за рубеж и жизнеспособна, и не вызывает реакции отторжения некоторых иностранных инвесторов. Во-вторых, факт именно китайского участия должен служить для Сеула дополнительным стимулом к активизации собственных усилий на том же направлении, так как Китай явно все более сильно теснит Корею на мировых рынках вообще и в России, в частности.

В этой связи представляется возможным предложить, чтобы корейские власти и деловые круги все же вернулись к этому замыслу. Для начала можно было бы возобновить соответствующую исследовательскую, аналитическую работу, с тем чтобы лучше и четче определиться не просто в отношении этой идеи как таковой вообще, а применительно к тем или иным потенциальным вариантам ее реализации. Весьма возможно, что этой работе немало способствовали бы контакты с корейской стороны не только на центральном уровне с официальной Москвой, но и на региональном уровне с соответствующими субъектами Российской Федерации.

14. Один из главных магистральных путей к повышению эффективности коммерческой деятельности российских и корейских фирм в сотрудничестве между нашими странами пролегает через более активное использование промышленностью Республики Корея передовых российских технологий. По всей видимости, это предварительно потребует некоторых акций со стороны государства в самой России, особенно в плане создания единого органа управления и координации соответствующей деятельности, формирования необходимых правовых предпосылок, организации единой базы научно-технической информации для ее систематизации и должной предпродажной обработки и т.п.

Тем не менее, главную роль в этом процессе призваны играть все же не власти, а российские и корейские коммерческие структуры. Причем эта роль корейцев не должна, естественно, сводиться просто к импорту уже готовых российских технологий.

Поскольку корейские предприниматели отличаются хорошей восприимчивостью к мировому опыту, можно полагать, что они должны подчиниться намечающейся вообще новой тенденции в деле использования за рубежом российского научно-технического потенциала. Дело в том, что практикуемое сейчас корейскими фирмами переманивание российских ученых к себе уже не выглядит "последним словом" в этом отношении. В мире начинают переходить к тому, чтобы создавать собственные коммерческие инновационные структуры в самой России. Это приносит даже более значительный экономический эффект на относительно небольшие связанные с этим инвестиции.

Можно полагать, что такая форма использования российских ученых — у себя на родине, а не в далекой для них Корее — вполне доступна корейским предпринимателям и в недалеком будущем будет принята ими на вооружение.

Вместе с тем, хотелось бы уже сейчас рекомендовать корейскому бизнесу пойти еще дальше и осуществлять финансовое, кадровое и по возможности интеллектуальное (собственными ресурсами научно-технических знаний и опыта) внедрение в уже существующие авторитетные российские исследовательские центры. Такое кооперационное сотрудничество в форме будь-то соглашений о совместной деятельности или смешанных предприятий обещает более надежный и серьезный источник получения ценной и даже уникальной информации на еще более солидной правовой основе.

15. Целесообразно попробовать подключить к развитию взаимного экономического сотрудничества потенциал связей между объединениями предпринимателей обеих стран. Проблема здесь прежде всего в том, что в России еще не получила достаточного распространения практика создания таких объединений, а уже имеющиеся пока только обретают должное влияние на коммерческую ситуацию в стране. Однако не исключено, что корейские инициативы по поводу возможного сотрудничества как раз и усилят тягу российских предпринимателей к объединению в профессиональные ассоциации.

Тем не менее, имеются отдельные примеры того, когда такие структуры уже сейчас реально помогают наращиванию торговли России с отдельными странами и группами стран. К тому же в Москве официально выражают готовность правительственных инстанций, в том числе МИД, способствовать дальнейшему процессу установления контактов подобного рода и по другим странам². Имеется в виду, например, что соответствующие корейские и российские объединения предпринимателей могли бы заключать между собой постоянные соглашения и на их базе сотрудничать в деле развития взаимного бизнеса.

16. Необходимо вести поиск новых форм и методов торговли, отвечающих ее нынешним реальным условиям.

Показателем того, что эта проблема вполне актуальна, служат меры корейского правительства по развитию во взаимной торговле бартерных операций. Разумеется, это не отвечает достаточно высокому уровню развития коммерции на мировом рынке. Однако применимость бартерных операций в торговле именно с Россией оправдана в том отношении, что позволяет определенным образом снизить степень риска непоступления платежей за поставленные корейские товары.

Аналогично тому, как это получилось с бартерными операциями, поиск новых для взаимного сотрудничества форм и методов следует вести внутри уже известного из мировой практики их арсенала. В этой связи, раз уж упоминалось о бартере, можно было бы рассмотреть возможность применения и других операций по типу встречной торговли: встречных закупок, выкупа устаревшей продукции, компенсационных операций, сделок с давальческим сырьем.

Сфера возможного использования тех или иных из предложенных только что операций различна. Скорее всего, особенно легко будет прибегать и получать искомый эффект от выкупа устаревшей продукции, встречных закупок. Компенсационные операции и сделки с давальческим сырьем требуют более основательной подготовки, длительных сроков реализации, а потому менее приемлемы в современной ситуации, хотя в перспективе, с нормализацией обстановки, могли бы стать и превалирующими.

Требуется еще раз проанализировать вопрос о том, какой способ организации торговли более предпочтителен в тех или иных конкретных ситуациях: прямой или же косвенный, т.е. через посредников. Надо сказать, что именно во взаимной торговле роль посредников достаточно велика, что в целом вполне оправдано. Действительно, они глубже знают местную специфику, лучше владеют ситуацией на рынке и как с корейской стороны по российским товарам, так и с российской стороны по корейским товарам способны повысить эффективность сделок.

Отдавая в целом предпочтение посредникам, следует все же рассмотреть возможность в оправданных ситуациях переходить на прямой метод торговли, что обосновывается накоплением информации о рынке и опыта работы на нем самих производителей и экспортеров. В то же время заслуживает внимания возможность совершенствования и самого сложившегося контингента посредников, обогатив его, к примеру, иностранными посредниками на российском рынке, российскими посредниками для поставок корейских товаров в некоторые третьи страны (особенно СНГ) и т.п.

Как представляется, корейские предприниматели могли бы выиграть и от такого метода работы на российском рынке, как размещение здесь заказов на производство определенных товаров. Речь может идти о таких товарах, которые соответствуют реальным производственным возможностям российской стороны. Свободные мощности для этого в России, как известно, сейчас имеются, но было бы желательно улучшить ассортимент и качество товаров при содействии корейского заказчика. Производимая таким образом продукция могла бы изначально предназначаться для реализации на рынках третьих стран.

17. Следовало бы активнее и шире применять некоторые стандартные приемы продвижения бизнеса за рубеж. Эта рекомендация должна быть в первую очередь адресована российской стороне, однако в некоторой части также и корейской.

Так, и для России, и для Кореи важно заняться созданием и укреплением своего положительного имиджа на рынках друг друга. Обычно высокая репутация корейских товаров и фирм в России несколько пострадала в связи с финансово-экономическим кризисом, в частности крахом таких гигантов бизнеса, как "Дэу". России же следовало бы в свете качественно новой ситуации в экономике страны сломать свой устоявшийся непривлекательный образ и сформировать новый, позитивный.

Эту задачу надлежит выполнять как в России, так и в Корее в первую очередь правительственным структурам, силами и за счет самого государства. В частности, подобная установка прозвучала в этом году в докладе президента В.Путина о положении в стране, обращенном к Федеральному Собранию. Не раз уже официально говорилось и о новой роли российского МИД, в котором усиливается внешнеэкономическая функция, в том числе в ее информационном выражении. Следует ожидать, что российскими властями и предпринимателями с полным пониманием будет восприниматься, если ту же линию со своей стороны будут проводить и официальные корейские инстанции.

Однако есть необходимость в том, чтобы эту работу дополнила также и соответствующая рекламная и другая информационно-разъяснительная дея-

тельность коммерческих структур двух стран. В свете известной ограниченности финансовых возможностей каждой отдельной фирмы можно было бы предложить им проводить такие акции сообща, коллективным сложением сил и средств. Это в особенности относится к организации постоянно действующих демонстрационных залов, периодических выставок, научно-производственных симпозиумов по вопросам российских товаров в Корею и корейских товаров в Россию. Это должно принести весомую положительную (хотя и опосредствованную) отдачу, если только удастся избежать здесь формализма, кампанейщины и обеспечить должную адресность, нацеленность на конкретный результат.

18. Еще одним немаловажным приемом по содействию взаимным поставкам следует рассматривать установление более тесных и широких деловых и личных контактов между корейскими и российскими предпринимателями, пусть даже пока в известном смысле только впрок. Мировой опыт свидетельствует, что при прочих равных условиях больше преуспевают те фирмы, которые придерживаются именно такого подхода.

На протяжении всего истекшего десятилетия официальных торговых отношений в лучшие времена число корейских коммерческих структур (в форме будь-то российских юридических лиц, филиалов и представительств), созданных непосредственно в России, превышало 120, тогда как аналогичная цифра с российской стороны достигала примерно 40³. Хотя с тех пор ситуация во взаимной торговле довольно сильно изменилась, желательно по крайней мере не утрачивать эти наработанные полезные связи и контакты. Более того, было бы весьма полезно, чтобы коммерческие структуры по крайней мере соединяли свои финансовые возможности, с тем чтобы обеспечивать свое непосредственное присутствие в стране потенциальных партнеров. С этой миссией могут справиться также представительства ассоциаций корейских предпринимателей в России и российских - в Корею.

Предложенные меры по развитию и совершенствованию российско-корейских экономических отношений построены на реалистичных подходах. Тем не менее, можно допустить, что не все из них будут реализованы: жизнь часто вносит свои коррективы даже в самые правильные планы.

Однако хотелось бы, чтобы уже сейчас, из материалов настоящей статьи, был сделан главный теоретический и практический вывод: ситуация в сотрудничестве далеко не безнадежна. У наших отношений большой потенциал развития, имеется много способов развертывания этого потенциала, и все они в принципе вполне по силам обеим сторонам. Если этот вывод будет принят, то он способен послужить важным стимулом к действию для всех нас. И тогда успех дела дальнейшего быстрого подъема экономических отношений между Российской Федерацией и Республикой Корея будет обеспечен.

-
1. Yoshitomo Izawa. What Asian Countries can do for the Russian Economic and Industrial Development. International Academic Conference, Moscow, 2000. July 3. P.10.
  2. См.: Независимая газета - Дипкурьер №10. 2000. 1 июня.
  3. Chae Hun. A Study on the Activation of Trade and Investment between Korea and Russia. International Academic Conference. Moscow. 2000. July 3. P.6.

Изменения в характере экономических отношений между Северной Кореей и Россией и некоторые предложения для Южной Кореи

© 2001

Ли Чжэ Ен

Текущее состояние экономического сотрудничества между Северной Кореей и Россией.

С 1948г., когда в Северной Корее было образовано государство, и вплоть до 1991г. помощь и поддержка бывшего Советского Союза были без сомнения решающими факторами и, можно даже сказать, определяющей основой экономического прогресса в Северной Корее. Россия была не только основным кредитором Северной Кореи, но также предоставляла технические и материальные ресурсы, необходимые для строительства важных промышленных объектов и отраслей.

Вплоть до 1990г. объемы внешней торговли между Россией и Северной Кореей стабильно росли: в 1970г. двусторонний внешнеторговый товарооборот составлял 329 млн. рублей, в 1980г. - 572 млн. рублей, а в 1990г. - уже 1499 млн. Также следует отметить факт, что промышленные комплексы, построенные в Северной Корее при поддержке России в рамках бывшего Соглашения об экономической и технической поддержке, заключенного между двумя государствами, производили и добывали в 1990 г. около 60% совокупного объема электроэнергии, 30% стали, чугуна, стального проката и цветных металлов, а также 50% продуктов нефтепереработки, 13% химических удобрений, 19% тканей и волокон и 40% железной руды.

Однако традиционные торговые и экономические отношения между Северной Кореей и бывшим Советским Союзом были серьезно пересмотрены вследствие распада СССР и кризиса национальной экономики России. С 1991г. экономические отношения между двумя странами начали отходить от политического и экономического дружеского сотрудничества, характерного для прошлого, и постепенно сдвигаться в сторону коммерциализации, что является общемировой тенденцией. В результате объем торгового и экономического сотрудничества между Северной Кореей и Россией заметно сократился.

Как показано в Таблице 1, объемы торговли между Россией и Северной Кореей постоянно сокращаются по сравнению с уровнем 1990 г., что отличается от тенденции 80-х годов. А начиная с 1994 г. и до конца 90-х годов, объем двустороннего внешнеторгового оборота не превышает 100 млн. ам. долл. в год.

Таблица 1.

**Тенденция развития внешней торговли между Россией
и Северной Кореей в 90-е годы (в млн. ам. долл.)**

	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
Объем внешнеторгового оборота России и Северной Кореи	365,0	311,5	232,2	94,9	85,3	65,1	91,5	65,4
Объем импорта из Северной Кореи	171,0	239,0	168,0	51,2	70,0	35,4	74,3	56,9
Объем экспорта в Северную Корею	194,0	72,5	54,2	43,7	15,3	29,7	17,2	8,5

Источники: IMF (1996) Direction of Trade Statistics Yearbook. Н. 922; Госкомстат России (1999). С. 566.

Таким образом, текущий объем внешней торговли Северной Кореи с Россией составляет всего 6% от уровня прошлых лет, когда доля Советского Союза, являвшегося основным торговым партнером Северной Кореи, колебалась от 1/4 до 1/2 ее совокупного внешнеторгового оборота. Вследствие постоянно снижавшихся объемов взаимной торговли Россия сейчас занимает 7-ую позицию среди крупнейших торговых партнеров Северной Кореи, уступая Китаю, Японии, Южной Кореи, Гонконгу, Индии и Германии. Под влиянием ряда негативных моментов, вызванных сокращением объемов внешней торговли с Россией, Северная Корея направила все усилия на развитие и расширение экономических отношений с наиболее быстроразвивающимися странами Азии.

После 1990г. ситуация в области инвестиционного сотрудничества между Северной Кореей и Россией была значительно хуже даже по сравнению с ситуацией в области двусторонней внешней торговли. Северная Корея не имела средств и ресурсов для оплаты основного оборудования и услуг. В то же время Россия, в следствие невыплаты северокаорейского долга, прекратила предоставление дальнейших кредитов Северной Корее на цели технологического и экономического сотрудничества. Начиная с 1992г., кооперация России и Северной Кореи в области взаимного инвестирования практически отсутствует.

В то же время развивается сотрудничество в области лесозаготовок и сельского хозяйства на условиях привлечения северокаорейской рабочей силы на территорию российского Дальнего Востока. По последним данным, около 30 тыс. северокаорейских рабочих трудятся в России, в основном в Хабаровском и Приморском краях и прочих восточных регионах.¹

**Изменения в российско-северокаорейских отношениях
и перспективы экономического сотрудничества**

В конце 1993г. Россия признала, что политика предпочтения исключительно Южной Корее и сокращения отношений с Северной Кореей не может принести пользы обеим странам, и сделала попытку оживить и восстановить прежний уровень российско-северокаорейских отношений. Во-первых, Россия усилила свое внимание к Корейскому полуострову в частности и к Северо-Восточной Азии в целом. Россия стала рассматривать стабильный и регулярный экономический обмен с Северной Кореей как один из обязательных моментов и условий решения проблемы задолженности Северной Кореей, а также развития районов Дальнего Востока и Сибири. Во-вторых, обращение Пхеньяна к более открытой и либеральной политике по отношению к другим странам

мира привело к тому, что Россия столкнулась с конкуренцией США, Японии и Китая на северокорейском рынке. Поэтому Россия заявила о своих намерениях не терять рынок Северной Кореи. В-третьих, Россия признала, что политика Китая по одновременному развитию устойчивых отношений с Северной Кореей и экономической кооперации с Южной Кореей была обоснованной.

Корреспондируясь с подобными признаниями России, внешняя политика Северной Кореи стала в целом склоняться к практическому экономическому сотрудничеству с Россией, служащему взаимным объективным интересам. Руководство Северной Кореи вполне понимает преимущества восстановления и развития экономических отношений между Северной Кореей и Россией. Хотя Северная Корея и продолжала придерживаться мнения, что крайне сложно достичь компромисса с "предателями", однако на деле стремится увеличить экспорт своей рабочей силы в Сибирь и дальневосточные регионы России и провести при помощи России модернизацию устаревших промышленных мощностей, которые были в основном созданы при поддержке бывшего Советского Союза². Пхеньян обвинял Россию в том, что она предала дело социализма, вплоть до того, как Ким Чен Ир стал фактическим руководителем страны в сентябре 1998г. Именно с того момента Северная Корея стала демонстрировать свои намерения восстановить дружеские отношения с Москвой. Вывод о наличии данного намерения можно сделать хотя бы на основании постоянной поддержки Северной Кореей позиции Москвы по проблемам Косова и Чечни.

В результате заключения в феврале 2000г. нового "Договора между Россией и Северной Кореей о добрососедстве и сотрудничестве" и визита в Северную Корею в июле 2000г. президента В.В.Путина, отношения между Северной Кореей и Россией вышли из фазы просто намерений и перешли в фазу подготовки базы для примирения и политических контактов. В частности, во время визита Путина 19 июля 2000г. в Пхеньян, который был первым посещением Северной Кореи главой государства как бывшего Советского Союза, так и современной России, двумя странами было подписано 11 совместных заявлений. Обе страны признали необходимость быстрого восстановления политического и экономического обмена, который претерпел значительное сокращение после развала Советского Союза.

Однако, несмотря на намерения, общая экономическая и организационная ситуация в обеих странах делает крайне сложным фундаментальное восстановление российско-северокорейского сотрудничества в области экономики, по крайней мере в ближайшем будущем³. В первую очередь следует отметить, что хотя интерес России к Корейскому полуострову значительно вырос, но реальное экономическое сотрудничество, проявляющееся в поддержке Россией Северной Кореи, может остаться довольно ограниченным. Россия сама находится в стадии структурной перестройки, поэтому ее усилия сконцентрированы на преодолении внутреннего экономического кризиса. В свою очередь, Северная Корея при расширении экономического сотрудничества с Россией, базирующегося на коммерческой основе, сталкивается с проблемами нехватки средств для оплаты поставок. Другими словами, несмотря на быстрое восстановление отношений между Северной Кореей и Россией, широкое развитие двусторонней торговли и инвестирования сталкивается с трудностями, вызванными текущими экономическими проблемами, которые переживают в настоящее время обе страны.

Новые условия, способствующие формированию и расширению экономического сотрудничества.

В последнее время произошло довольно быстрое изменение внешнеполитических и экономических условий на Корейском полуострове. Во-первых, усилилось экономическое сотрудничество между Северной и Южной Кореями в результате проводимой Южной Кореей "политики солнечного тепла" ("Sunshine Policy") и межкорейской встречи на высшем уровне. Значительно расширились экономические отношения не только между Южной Кореей и Китаем, Россией и Китаем, но и экономические отношения между Северной Кореей и Китаем по своим масштабам перешли в новое качество. В целом можно сделать вывод о формировании и развитии на Корейском полуострове новых условий, способствующих расширению экономического сотрудничества, и о зарождении нового центра активной торговли и экономической силы в Северо-Восточной Азии.

Однако, несмотря на такие перспективы, текущие связи в области торговли и экономического сотрудничества между Южной Кореей и Россией, Северной Кореей и Россией и между Северной и Южной Кореями остаются пока на низком уровне. Так, современное сотрудничество в области торговли и инвестиций между Южной Кореей и Россией и между Северной Кореей и Россией не в полной мере использует имеющийся у этих стран потенциал. В этих условиях и Сеул, и Пхеньян, и Москва пытаются найти новые варианты взаимодействия на основе развития взаимного трехстороннего сотрудничества. Сочетание богатых природных ресурсов и производственного потенциала России, дешевой рабочей силы Северной Кореи и первоклассной технологии, современного опыта управления и возможностей предоставления финансовых ресурсов со стороны Южной Кореи гарантировало бы достижение ощутимого экономического эффекта и представляет собой импульс для будущего развития.

Возможности и перспективы трехстороннего экономического сотрудничества между Южной Кореей, Северной Кореей и Россией не только тесно связаны с рядом экономических факторов, но и определяются проводимой этими странами политикой. Они зависят от точек соприкосновения интересов и позиций по тем или иным вопросам у этих трех стран. Ниже мы проведем общий анализ проблемы трехстороннего экономического сотрудничества и предполагаемых результатов для каждой из участвующих в нем сторон.

Во-первых, для Южной Кореи трехстороннее сотрудничество выгодно тем, что позволило бы восстановить торговые и экономические отношения с Россией, которые существенно ухудшились, а также стимулировало бы слабо развитое сотрудничество между Северной и Южной Кореями. При этом следует учитывать, что трехстороннее сотрудничество не только составило бы основу южнокорейской политики в отношении Пхеньяна, но и могло бы формировать благоприятные условия для выгодного смягчения напряженной обстановки на Корейском полуострове. Предложение Ким Дэ Чжуна, сделанное 1 августа 2000г. В.Путину, о соединении Корейского полуострова и России железной дорогой следует понимать как существенный шаг в данном направлении. В целом, трехстороннее экономическое сотрудничество смягчило бы элементы политической конфронтации, присущие экономическому сотрудничеству между Северной и Южной Кореями; Россия же, которая имеет нормальные дипломатические отношения как с Южной, так и с Северной Кореей, выступала бы в качестве экономического посредника-примирителя.

Для Северной Кореи трехстороннее экономическое сотрудничество между Южной Кореей, Северной Кореей и Россией предоставляет возможность обеспечить необходимые потребности в энергии и нефти, а также решить без ущерба для национальной гордости проблему нехватки продовольствия. Северная Корея смогла бы не только нормализовать производство на изношенных промышленных мощностях, построенных при поддержке бывшего Советского Союза, но и, реконструировав свою экономику, вывести страну из кризиса. Кроме того Северная Корея в результате реализации идей трехстороннего экономического сотрудничества смогла бы занять важное место в процессе экономической интеграции Северо-Восточной Азии посредством активного влияния на региональный рынок рабочей силы.

Что касается России, ее заинтересованность в восстановлении экономических отношений с Северной Кореей не меньше, если не больше, чем у Сеула. Можно сказать, что у России сегодня наиболее активная позиция по отношению к трехстороннему экономическому сотрудничеству. Она смогла бы укрепить свое политическое и экономическое положение в Северо-Восточной Азии, сохранив и укрепив влияние на Корейском полуострове. К тому же, трехстороннее экономическое сотрудничество может оказать существенное содействие ускорению развития районов Дальнего Востока и Сибири, что в свою очередь будет способствовать укреплению экономической безопасности России. Однако из-за внутренних экономических проблем и нехватки финансовых ресурсов, необходимых для экономического сотрудничества с Северной Кореей, основной практический интерес России по существу заключается в получении финансовых ресурсов из Южной Кореи для совместных трехсторонних проектов.

Планы экономического сотрудничества в треугольнике Северная Корея- Южная Корея - Россия.

Территориально и географически районы российского Дальнего Востока, прилегающие в Корейскому полуострову, в особенности, Приморский край и Северная Корея представляют собой идеальное место для трехстороннего экономического сотрудничества в области транспорта, энергетики, промышленной кооперации, сельского и лесного хозяйства, а также туризма. Имеется множество возможностей осуществления трехстороннего экономического сотрудничества между Южной Кореей, Северной Кореей и Россией. Ниже представлен анализ наиболее приемлемых областей кооперации.

Во-первых, будущее и масштабы трехстороннего экономического сотрудничества во многом зависят от создания Транскорейской железной дороги (ТКЖД) и состояния Транссибирской железной дороги (ТСЖД), соединивших бы Северо-Восточную Азию и Европу, а также от возможностей трех стран в области производства большегрузных контейнеров. Согласно соглашению о строительстве железной дороги Сеул - Ыйчжу, соединяющей Южную и Северную Корею, она стала бы наиболее активно используемой железнодорожной магистралью, даже по сравнению с такими дорогами как Сеул- Ванчжу (внутри РК) и ТСЖД, содействие в модернизации которой Южная Корея предложила России.

Если данный проект будет реализован, он значительно усилит политическое и экономическое влияние России в Северо-Восточной Азии, и Россия сможет обрести реальные возможности влияния на решение проблем Корейского полуострова. Сотрудничество в данной области не может не быть привлекательным. В частности, экономическая эффективность ТСЖД возрастет, свободная экономическая зона в Находке и прилегающие к ней районы полу-

чат, без сомнения, дополнительное развитие, и российская торговля со странами АТР оживилась бы. Северная Корея получит существенные средства в виде транзитных таможенных пошлин и оплаты за перевозку больших объемов грузов по своей территории, а также через развитие свободных экономических зон на своей территории. Роль и влияние Северной Кореи, которая будет равным партнером по эксплуатации трансконтинентальной железнодорожной магистрали, также возрастут. Что касается Южной Кореи, то порт Пусан стал бы центральной транспортной базой в Северо-Восточной Азии; строительная индустрия и отрасли, связанные с развитием железных дорог, а также инфраструктуры смогут получить дополнительные экономические выгоды от реализации данного проекта. Кроме того, расширение торговли, сервиса и туризма создаст дополнительные рабочие места в каждой из трех стран.

Во-вторых, имеет хорошую перспективу в качестве одного из направлений трехстороннего сотрудничества осуществление модернизации и совместной эксплуатации ключевых промышленных объектов Северной Кореи, что предлагалось еще во времена бывшего Советского Союза. Как указывалось выше, в начале 90-х годов производственные мощности ключевых промышленных объектов Северной Кореи начали изнашиваться в силу недостатка или отсутствия запасных частей из России. Нехватка запасных частей привела к значительному снижению использования этих производственных мощностей. Сегодня требуется их модернизация с целью последующего трехстороннего использования.

Данная проблема обсуждается уже длительное время. Еще в 1994г. российское правительство опубликовало доклад об исследовании 17 перспективных проектов экономического сотрудничества в треугольнике Москва-Пхеньян-Сеул. Взяв его за основу, бывший премьер РФ В.Черномырдин во время своего визита в Сеул в 1995 г. отмечал, что 17 северокорейских предприятий, построенных при поддержке бывшего Советского Союза, остановили свое производство в результате нехватки запасных частей и сырья⁴. Бывший премьер -министр также предложил Южной Корее сотрудничество в области восстановления и возобновления деятельности этих предприятий. С апреля 1996г. проблемы восстановления северокорейских промышленных предприятий оживленно обсуждались на каждой встрече ответственных лиц из России и Северной Кореи. Во время визита В. Путина 19 июля 2000г. в Северную Корею интерес России к данному вопросу достиг своего пика, и возникла возможность достижения реального прогресса в этой проблеме.

В-третьих, строительство Южной Кореей и Россией атомной электростанции на территории Северной Кореи или в одном из российских районов, примыкающих к северокорейской территории, и импорта российских газа и нефти в Южную Корею по трубопроводам. Устаревшие и изношенные ЛЭП на территории Северной Кореи могут быть реконструированы.

Северная Корея, в последнее время столкнувшись с серьезным энергетическим кризисом в дополнение к нехватке продовольствия, попыталась решить эту проблему за счет строительства большого количества средних и мелких гидроэлектростанций. Однако эти действия не смогли в целом разрешить проблему нехватки энергии. Проект КЕДО (Организация по развитию энергетики в Корее) пробуксовывает. Решить данную проблему предполагается за счет совместного строительства Россией и Южной Кореей АЭС на территории Северной Кореи или на территории Приморского края, примыкающей к Северной Корее, при этом бу-

дет задействована необходимая российская технология и длительный опыт Южной Кореи по использованию атомной энергии.

Добыча газа и нефти также может быть стратегическим направлением трехстороннего экономического сотрудничества⁵. Вследствие внутренних экономических трудностей приоритеты России, хочет она этого или нет, будут еще долгое время сосредоточены в области топлива и энергетики. Поэтому, крупные энергетические проекты России смогут сыграть роль локомотива в трехстороннем экономическом сотрудничестве между Южной Кореей, Северной Кореей и Россией. В целях увеличения экспорта природного газа Россия имеет большую заинтересованность в совместных исследованиях проектов строительства линий газопроводов, соединяющих Сахалин, Комсомольск -на -Амуре, Хабаровск, Владивосток, Северную Корею и Южную Корею. Кроме того, Россия заинтересована в транспортировке природного газа из месторождения в горах близ Иркутска через северокаорейскую территорию в Южную Корею.

Следует отметить, что в 1999г. Китай и Россия вели переговоры о строительстве Иркутского газопровода. Продолжающиеся попытки России склонить Китай к участию в этом проекте подтвердили, что если Россия намерена сформировать Восточно-Азиатское энергетическое сообщество, то она не должна ограничиваться установлением контактов только с Китаем. В результате Россия, Китай и Корея недавно подтвердили желание участвовать в совместном строительстве Иркутского газопровода. В средне- и долгосрочной перспективе проект соединения газопроводом месторождений Иркутской области и Якутии с Южной Кореей превратится в один из важных факторов воссоединения Корейского полуострова. В силу этого правительству Южной Кореи следует способствовать реализации данного проекта.

Модернизация устаревших мощностей северокаорейских электростанций, которые были построены при содействии бывшего Советского Союза, и реконструкция изношенных ЛЭП, которые потеряли 50% своей мощности, также должны стать одним из приоритетных направлений в сотрудничестве.

В-четвертых, использование в Приморском крае - одном из районов российского Дальнего Востока - южнокорейской сельскохозяйственной техники, приспособлений и удобрений и сотрудничество в области использования северокаорейской рабочей силы также могут стать важным направлением трехсторонних экономических связей.

В-пятых, перспективы трехстороннего сотрудничества в области лесозаготовок и производства морепродуктов также внушают оптимизм. И Южная и Северная Корея серьезно заинтересованы в поставках лесо- и пиломатериалов из Хабаровского и Приморского краев и с Сахалина. В частности, потребности Южной Кореи в пиломатериалах на 95% зависят от импорта, между тем возможности расширения гарантированных источников ввоза древесины ограничены. Северная Корея демонстрирует большой интерес к получению иностранной валюты путем предоставления своей рабочей силы. Однако двустороннее сотрудничество в данной области, которое является важной стороной действующего российско-северокаорейского договора и совместного российско-южнокорейского предприятия в области лесозаготовок "Светлая", дало определенную трещину. Это было вызвано слабостью производственного управления, отсутствием опыта у корейской рабочей силы, нарушением правил лесозаготовок, неразвитостью лесоповальной техники и несоблюдением правил охраны окружающей среды. Для практического продвижения трехстороннего экономического сотрудничества было бы необходимо образовать трехсторонний

наблюдательный совет, занимающийся вопросами производственной деятельности, распространением технических знаний и образования среди корейских рабочих и специалистов, соблюдением правил охраны окружающей среды и прочими вопросами управления и контроля, что в итоге должно привести к росту объемов производства и производительности труда.

В дополнение к лесозаготовкам есть будущее и у трехстороннего сотрудничества в области рыболовства и производства морепродуктов. С одной стороны, рыболовство и добыча морепродуктов в России сталкиваются с проблемами, вызванными нехваткой капитала, износом оборудования, отсутствием соответствующей инфраструктуры и неразвитостью капиталистического менеджмента. С другой стороны, Южная Корея сейчас разрабатывает ряд компенсационных мер по уменьшению размеров рыболовных тралов или ограничению рыболовных мощностей. Эти меры предусмотрены японо-южнокорейским и китайско-южнокорейским соглашениями в области рыболовства. Это приведет к избытку мощностей рыболовного флота у Южной Кореи. И эти избыточные мощности могли бы на условиях лизинга использоваться в территориальных водах российского Дальнего Востока, а избыточная северокорейская рабочая сила - трудиться на рыболовецких судах. Это принесло бы дополнительную выгоду всем сторонам, участвующим в трехстороннем сотрудничестве.

В-шестых, Южная и Северная Кореи могут совместно с Россией начать развивать сферу туризма в районах Восточного морского побережья Кореи и российского Приморья. Опыт сотрудничества фирмы Хендэ с Северной Кореей в Кымгансане свидетельствует, что туризм может прекрасно послужить развитию инфраструктуры российского Дальнего Востока. Российский Дальний Восток, включая Хабаровский край и остров Сахалин, обладает богатейшими природными условиями и чрезвычайно привлекателен для иностранных туристов. Учитывая это, необходимо стремиться к сотрудничеству в области развития туризма, объединяя для этого усилия Южной и Северной Кореи, Китая и России.

* * *

В деле продвижения и расширения трехстороннего сотрудничества исключительно важны как роль частного бизнеса, так и поддержка правительства каждой из его стран-участниц. Поэтому правительство и деловые круги Южной Кореи должны взять на себя инициативу по активизации трехстороннего экономического сотрудничества, которое будет вести к нормализации отношений между Северной и Южной Кореями. Сложилась такая ситуация, что Россия, вынужденная решать многие внутренние проблемы, и Северная Корея, столкнувшаяся с нехваткой ресурсов, хотя и заинтересованы в трехстороннем сотрудничестве, но находят для себя крайне сложным проявлять инициативу по расширению такого сотрудничества. Правительство Южной Кореи прилагает усилия для устранения препятствий трехстороннему сотрудничеству, оказывает поддержку вышеназванным формам кооперации. Южной Корее следует и в дальнейшем не жалеть усилий для создания правового и институционального механизма по урегулированию взаимных платежей, предоставлению гарантий инвестициям, отмене двойного налогообложения, урегулированию конфликтов через арбитраж и т.д. России, со своей стороны, следовало бы значительно облегчить режим работы иностранных компаний и создать институциональный механизм, необходимый рыночной экономике. России также необ-

ходимо внедрить высокоскоростные транспортные технологии, с тем чтобы сократить сроки перевозки грузов из Находки до Бреста до 9-10 дней, восстановить железнодорожный путь Хасан-Уссурийск на Дальнем Востоке и ускорить время обработки грузов на таможнях.

Кроме того, между Южной Кореей, Северной Кореей и Россией необходимо заключить межправительственное соглашение о присоединении Северной Кореи к трехстороннему сотрудничеству и образовать совместный рабочий комитет, который начал бы изучение возможностей развития трехстороннего сотрудничества в различных областях экономической жизни.

© 2001

Перевод с английского
Жигулевой В.В.

1. Lee Kwang Hee Situation and Prospects of North Korea-Russia Economic Cooperation. (Состояние и перспективы сотрудничества России и Северной Кореи в области экономики), <http://kotra.or.kr/nk/letter/a-1.htm>, 1999. p. 6.
2. Мацегора А.И. Перспективы экономического сотрудничества России с двумя корейскими государствами. Материалы Международной конференции о перспективах российско-корейского сотрудничества (29-30 июня 1999 г): ИДВ РАН, 1999. С. 2.
3. Следует отметить отсутствие по различным причинам реальных результатов по согласованным вопросам на заседаниях 1-ой и 2-ой российско-северокорейских Межправительственных Комиссий по экономическому и торговому сотрудничеству.
4. Yakubovsky. Economic Relations between Russia and DPRK // Korea and World Affairs. Fall. 1996. P. 470.
5. Это очень важно, например, для Японии, потребности которой в энергоносителях практически на 80% зависят от импорта нефти из стран Ближнего и Среднего Востока и которая заинтересована в диверсификации источников импорта. Преследуя те же цели, Япония добивается реализации проекта по освоению и эксплуатации нефтеносного шельфа Сахалина, а также проявляет интерес к разработке Иркутских нефтеносных месторождений. См. Lee Jae Young, Lee Jae You. Russia's Entry to APEC and Policy towards APEC. Seoul: KIEP-KOPEC. P. 32.

Документы. Архивы.

Не публиковавшаяся речь И.В. Сталина о Китае

Публикуемая впервые речь И.В. Сталина 5 апреля 1927 г. на собрании партийного актива московского комитета ВКП(б) представляет интерес в двух отношениях. Во-первых, она весьма полно и откровенно отражает взгляды Сталина в то время на комплекс вопросов, которые остро обсуждались в руководстве ВКП(б) и Коминтерна на заключительном этапе китайской революции 1925-1927 гг.: на характер, движущие силы и перспективы национально-революционного движения в Китае, на состав и характер Гоминьдана, на роль в этой партии Компартии Китая, входившей тогда в Гоминьдан, на борьбу различных группировок в Гоминьдане и возможности Москвы контролировать и использовать процессы в Гоминьдане в интересах КПК и китайской политики ВКП(б) и Коминтерна. Во-вторых, эта речь Сталина и расчеты Л.Д.Троцкого и Г.Е.Зиновьева использовать ее в интересах оппозиции сыграли весьма значительную роль в начавшемся в апреле 1927 г. очередном (и последнем) туре борьбы оппозиции в ВКП(б) против сталинско-бухаринского большинства. Как известно, на этом этапе борьбы центральное место в выступлениях лидеров оппозиции заняли вопросы о причинах поражений КПК весной-летом 1927 г. (тогда считалось, что речь идет о поражении китайской революции) и вины за эти поражения руководства Коминтерна, лично Сталина и Бухарина.

Актив ВКП(б), состоявшийся 4-5 апреля 1927 г., открылся через две недели после крупного успеха национально-революционного движения в Китае - занятия в начале 20-х чисел марта объединенными усилиями восстания шанхайских рабочих, руководимого КПК, и войсками Северного похода, которыми командовал Чан Кайши, крупнейшего центра страны - г.Шанхая.

Это событие вызвало широкий отклик в ВКП(б). Положение в Китае, дальнейшие перспективы развития революции, дискуссии по этим вопросам в партии, в учебных и исследовательских учреждениях Коминтерна определили решение руководства ВКП(б) сделать китайский вопрос центральной темой актива. В первый день работы актива с основным докладом выступил Н.И.Бухарин¹. В прениях было представлено слово и представителю оппозиции К.Радеку². Ему явно отводилась роль "мальчика для битья".

Занятие Шанхая у коммунистов и значительных слоев политизированного, но далекого от кулис большой политики населения СССР вызвали волну эйфории, завышенных оценок возможностей КПК и рабочего движения в Китае, отразившихся в строках известного стихотворения В.Маяковского: "...рабочими войсками Кантона (имелись в виду армии Гоминьдана, выступившие в Северный поход из провинции Гуандун с центром в Кантоне. - А.Г.) взят

Шанхай". Эти настроения, как следует из публикуемой речи Сталина, в известной мере захватили и руководство ВКП(б), которое, конечно, хорошо знало, что ситуация в национально-революционном лагере далеко не безоблачна. "Войска Кантона" были не рабочими, а наемными армиями, в которых по мере присоединения к ним частей разбитых южанами местных милитаристов, усиливалось влияние милитаристских настроений, враждебность к активизировавшимся на территориях, занятых частями Гоминьдана, профсоюзному, рабочему и крестьянскому движениям. Москве были известны факты репрессий войск Чан Кайши против активистов рабочего и профсоюзного движения, вожаков крестьянских союзов. Москва хорошо знала о возникшем в начале 1927 г. и усиливавшемся противостоянии между Чан Кайши и его ставкой и переехавшим из Кантона в г. Ухань ЦИК Гоминьдана и образованным им правительством, о напряженных отношениях между Чан Кайши и главным советским советником этого правительства М.М.Бородиным.

В середине марта 1927 г. III пленум ЦИК Гоминьдана в Ухане с благословения Москвы освободил Чан Кайши от многих высших постов в партии, с расчетом, что сохранивший пост главкома армии Чан Кайши, согласно уставу Гоминьдана (и его собственным заверениям) будет подчиняться решениям ЦИК, влияние на который сохранял Бородин³.

Эти факты в общих чертах были известны и лидерам оппозиции, которая по причине урона, понесенного в конце 1926 г., а также в результате расхождений по вопросу о политике в Китае между Троцким и Зиновьевым в первые месяцы 1927 г. значительно снизила активность⁴. Подход оппозиции к вопросам политики в Китае в этой ситуации изложил 18 марта 1927 г. в выступлении в Комакадемии К.Радек. Он считал, что поскольку китайская буржуазия - "нереволюционна", а "генералы Чан Кайши готовятся к решительной борьбе", надо немедленно начать борьбу с ними: "левый Гоминьдан и компартия должны найти достаточно храбрости и силы, чтобы прогнать правых и взять руководство движением в свои руки". Для этого необходимо немедленное создание и вооружение рабочих и крестьянских отрядов в Национально-революционной армии, проведение аграрной революции и борьба КПК "за независимость (т.е. выход КПК из Гоминьдана, против чего выступали Сталин и Бухарин. - А.Г.) и за "действительную гегемонию" в революции⁵. Несколько иной план действий изложил в письме, в Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 марта Троцкий. Ссылаясь на якобы достигнутый высокий уровень массового движения и угрозу "китайского бонапартизма" в связи с преобладанием в командном составе армий Чан Кайши буржуазно-помещичьих сил, Троцкий писал о неотложной необходимости создания в Китае советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Эти советы, которые в это время он рассматривал как органы национально-демократической революции (через несколько месяцев он назовет их органами социалистической революции), по Троцкому "станут органами борьбы за власть или органами власти на местах", органами проведения радикальных аграрных преобразований. Троцкий считал, что эти советы пока будут действовать под руководством блока партий, между которыми в них будет разворачиваться борьба за низы города и деревни. Он не требовал прямого выхода КПК из Гоминьдана, считая, что этот вопрос решится сам собой после создания советов⁶.

Курс, предлагавшийся Радеком и Троцким был еще более "левым", чем линия, которую отстаивали и проводили Сталин и Бухарин, и соответственно, имел еще меньше шансов быть реализованным. Но Радек и Троцкий выступали с предупреждениями о близкой угрозе "решительного удара" правых, "генералов Чан Кайши", которым Сталин, как явствует из его речи на активе, не внял. Высмеивая мрачные пророчества и радикальные рецепты Радека (и,

конечно, не упомянутого в речи Троцкого), Сталин продемонстрировал аудитории, что он не хуже оппозиционеров знает планы и природу "правых" в Гоминьдане. Однако, явно переоценивая влияние на Чан Кайши и "правых" Москвы и ее советников, не располагая информацией о том, что Чан Кайши уже установил связи с деловыми кругами Шанхая, провинций Цзянсу и Чжэцзян, и готовит планы ограничения влияния коммунистов и левых гоминьдановцев (о которых не знали советские советники и разведчики), заявил, что надо не рвать с "правыми", а использовать их, чтобы затем отбросить их как "выжатый лимон".

Не далее чем через неделю все получилось "с точностью наоборот". 12 апреля 1927 г. Чан Кайши разоружил шанхайские рабочие дружины, жестоко подавил их попытки сопротивления и развернул кампанию "чистки" организаций Гоминьдана и частей армии от коммунистов и левых гоминьдановцев. Получилось, что не Сталин использовал Чан Кайши, а Чан Кайши использовал Сталина.

Это крупное поражение китайское политики Сталина (определившее последовавший в июле 1927 г. ее окончательный провал и необходимость поиска нового курса) в сочетании с его заявлениями на активе, несмотря на предупреждения оппозиции, делало, по расчетам Троцкого и его сторонников, речь Сталина от 5 апреля "козырной картой" в новой волне борьбы оппозиции, начатой ею сразу же после 12 апреля.

Троцкий и Зиновьев располагали краткими записями речи Сталина, переданными им кем-то из их сторонников, присутствовавших на активе МК. После 12 апреля Троцкий хотел получить полный текст. Его обнародование, по его расчетам, должно было стать одним из решающих свидетельств "вины" Сталина за поражение китайской революции и доказательством "правоты" его оппонентов, предложения которых Сталин отвергал в своей речи. Но попытки Троцкого получить текст оказались тщетны. На обращение в Политбюро и в МК ВКП(б) ему отвечали, что стенограмма речи находится у секретарей Сталина, на обращение в секретариат Сталина отвечали, что Сталин правит речь либо, что ее куда-то отослали и теперь не могут выяснить, где она. Троцкий обвинял Сталина в сокрытии этой речи в выступлении в мае 1927 г. на VIII пленуме ИККИ и в ряде своих последующих выступлениях и работ. На все это Сталин не реагировал.

Более 70 лет публикуемая ныне речь Сталина пролежала в его архиве, и после рассекречивания этого фонда - части Архива Президента РФ была передана в Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), где была обнаружена старшим научным сотрудником Института Дальнего Востока РАН, д.и.н. А.И. Картуновой, которая любезно предложила редакции ПДВ опубликовать ее, снабдив необходимыми примечаниями. Вместе с этой речью А.И. Картунова выявила и отредактированный и сокращенный вариант речи, подготовленный на предмет публикации в одном из томов "Сочинений" И.В. Сталина, но так и не увидевший свет (Документ не публикуется).

Имена и географические названия делаются в публикации в современном написании. Правка, внесенная И.В.Сталиным и стенограмму от руки дается курсивом.

А.М. Григорьев*

---

* Григорьев Александр Миронович, д.и.н., профессор, главный научный сотрудник ИДВ РАН.

Речь И.В. Сталина на собрании актива Московской организации ВКП(б)

Москва, 5 апреля 1927 г.

Тов. УГЛАНОВ⁷. Слово имеет тов. Сталин.

Тов. СТАЛИН. — (Бурные продолжительные аплодисменты). Я думаю, т.т., сказать всего несколько слов, потому что с докладом т.Бухарина согласен целиком и полностью, несмотря на то, что некоторые сплетники распространяют слухи о том, что у нас в ЦК будто бы имеются разногласия по вопросу о китайской революции, и повторяют т. Бухарина нет надобности. Я заявляю, что целиком и полностью согласен во всех без исключениях пунктах с докладом тов. Бухарина. Сплетники, распространяющие слухи о мнимых разногласиях у нас в ЦК, слухи, которые меня поражают, потому, что они абсолютно беспочвенны, — эти сплетники должны знать, что у нас нет разногласий, и не будет их (аплодисменты).

Теперь к существу вопроса. Прежде всего вопрос о характере, как тут принято говорить, и о перспективах, т.е. о видах Китайской революции. Что мы имеем теперь в Китае? В деревне — гнет феодальных пережитков. Тов. Радек их не признает, потому что он не понимает, что остатки феодализма своеобразно сочетаются в китайской деревне с городским капиталом типа первоначального накопления. Тов. Радек этого не понимает. Это есть пережиток феодализма в китайской деревне, который давит, душит крестьянина. Это первое. Мы имеем феодальное чиновничество по провинциям. Там провинции иногда насчитывают по 30-40 миллион населения, если не больше. Во главе этих провинций стоят губернаторы со своим чиновничеством, которое обдирает крестьянина в смысле налогов и поборов. Это второе. Мы имеем центральную клику, северную клику Цжан Цзолиня⁸ и Чжан Цзунчана⁹ и др., которые также организуют давление, обирание, эксплуатацию и мужика и рабочего. Это третье. Мы имеем китайскую крупную буржуазию, которая эксплуатирует форменным образом, по всем правилам искусства китайских рабочих. Это четвертое. Мы имеем империалистов в Китае. Английских империалистов, прежде всего, японских, французских, американских и т.д. Сила этого империализма состоит в том, что он в военном отношении могуществен. Сила его состоит в том, что основные фабрики, заводы, банки, торговые конторы, жел.дороги у них в руках, в руках у империалистов, основные нити международного хозяйства у них в руках. От них зависит и китайская буржуазия, ибо она прикована как цепями к банкам английским, американским и японским. Это пятое. И, наконец, мы имеем рабочих и крестьян.

Вот какова картина, товарищи.

Кто же тут основной враг, самый сильный и свирепый, самый могущественный? Империализм. Вот где основной враг, ибо он поддерживает пережитки феодализма, бюрократизма, чиновничества в Китае, он их вдохновляет и поднимает на щит, когда революция выставляет свое оружие против пережитков феодализма и милитаризма в Китае.

Основные силы революции: китайский пролетариат, крестьянство — самый многочисленный класс Китая, ремесленники. Дальше идут попутчики: национальная буржуазия, которая недовольна империализмом, потому что она, как я уже говорил, прикована цепями к империалистским банкам, к империалистским торговым конторам. Дальше идет национальная интеллигенция. Основные силы из них, двигающие революцию, — это рабочие и крестьяне. Все остальные слои, держащие фронт против империализма, — это слои вспомогательного характера, очень важные, но все же вспомогательного характера. Отсюда и характер китайской революции. Китайская революция есть не просто

буржуазная революция, а буржуазно-демократическая, нечто вроде такой революции, о которой у нас шла речь еще в 1905 году.

Стало быть буржуазно-демократическая революция, с тем, однако, различием — а различие это коренное — что тогда у нас революция направлялась против царизма и помещиков, а здесь, в Китае, она, главным образом, направляется как против главной силы, против главного врага — против империализма, поддерживающего и помещиков, и чиновничество. Стало быть в лице китайской революции мы имеем буржуазно-демократическую революцию с острием, направленным в основном, главным образом, против империализма. Поэтому и называется эта революция национально-освободительной революцией.

Отсюда вопрос. Каков должен быть характер власти в Китае на данной стадии? Если движущей силой основной является пролетариат и крестьянство, если революция есть буржуазно-демократическая революция, то, очевидно, что и власть должна быть демократической, т.е. приблизительно такой, о которой мы говорили в 1905 г., т.е. диктатурой пролетариата и крестьянства, диктатурой, имеющей основной своей целью борьбу против империализма. Я думаю, что этот последний вопрос у нас не вызывает разногласий, так как тов. Радек сказал, что он признает, что Китай идет по пути установления власти революционно-демократической, т.е. власти в виде диктатуры пролетариата и крестьянства. Следовательно по этому пункту у нас нет сколько-нибудь серьезных разногласий с тов. Радеком, если не считать его путаницы на счет феодализма и его остатков в Китае.

Но дальше у нас начинаются разногласия. Тов. Радек думает, что революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства или революционно-демократическая власть способна искоренить империализм в Китае. Это ошибка, товарищи. Это глубочайшая ошибка. Никакое революционно-демократическое правительство не способно искоренить империализм. Чтобы империализм искоренить надо перейти от революции демократической к революции социалистической (РАДЕК с места: Я с этим вполне согласен). Вы сказали несколько раз, тов. Радек, и это все записано, что революционно-демократическая власть является той властью, которая устраним империализм, искоренит его. Это иллюзия, т. Радек (РАДЕК с места: Я с этим согласен, здесь может быть ошибка). Очень приятно, если вы согласны. Стало быть для того, чтобы китайская революция могла искоренить империализм в Китае, для этого она должна перейти на следующую стадию, на стадию социалистической революции, на стадию борьбы с основами империализма в Китае. Вот таковы, товарищи, перспективы.

Тут нет ничего нового и особенного, если мы говорим, что от власти, имеющей характер революционно-демократической власти, необходимо потом перейти к власти, имеющей характер социалистической. Ленин писал еще в 1905 г., когда он говорил о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, что такая диктатура пролетариата и крестьянства, как и все на свете, имеет две стороны, *свое прошлое*, т.е. борьбу против остатка феодализма и *свое будущее*, т.е. борьбу за социализм против капитализма. Так вот за это будущее должны коммунисты Китая ухватиться чем дальше, тем больше, для того, чтобы перевести нынешнюю революцию, величайшую буржуазно-демократическую революцию, в революцию социалистическую. Только тогда и только при этом условии можно будет серьезно говорить о полном искоренении империализма в Китае.

Именно поэтому то, что тов. Бухарин говорил здесь о некапиталистическом пути развития Китая, о допустимости такого пути, о переходе от пути нынешнего к пути социалистическому, совершенно правильно, несмотря на возражения т. Радека в его докладе в Коммунистической Академии¹⁰.

Я думаю, что основной ошибкой тов. Радека во всех его докладах и в Комакадемии и здесь, на этом собрании, является то, что он упускает важ-

нейший момент китайской революции, ее международную обстановку. Он здесь горячую речь говорит относительно того, что Ху Ханьминь¹¹ где-то сказал, что им, гоминьдановцам, придется иногда идти на временные соглашения с той или иной империалистической группой. Тов. Радек горячо говорил относительно того, что мы сейчас не выставили лозунга об изгнании министров-капиталистов из национального правительства Китая. А такие министры там имеются. Они не преобладают, но они есть. Он недоволен тем, что мы не принимаем мер к тому, чтобы революция в Китае скакала на всех парах, как это имело место у нас при Октябре. Но он не понимает того, что обстановка мировая сейчас другая. В этом его основная ошибка. Он то и дело приравнивает обстановку китайской революции в данный момент с обстановкой у нас в Октябре. Это глупость, это не серьезно. Тогда при Октябре империализм был расколот на две коалиции, на два лагеря, ибо тогда шла война между империалистами. Эта борьба внутри империализма разлагала империализм, ослабляла его. Именно потому, что эта борьба происходила, что фронт империализма был расколот, именно поэтому нам, русским коммунистам, удалось так легко проскочить тогда к социализму. Именно потому. Без этого нас могли бы побить.

Есть ли теперь в Китае такая обстановка? Конечно, нет. Войны между империалистами нет теперь. От войны империалисты свободны. Китай основной рынок империализма. Он становится основным рынком для мирового империализма. 400 миллионов населения, большая железнодорожная сеть, 3 великих реки, которые все судоходны, которые дают возможность завозить товары вглубь Китая, великолепные порты, Шанхай — второй порт в мире и первый после Нью-Йорка, — вот из-за какого рынка борется теперь империализм, более или менее единым фронтом. То что японские империалисты хитрят и прикидываются либералами, это еще не значит, что они хотя бы клоч шерсти отдадут китайцам даром. Ничего подобного. То, что Америка иногда либеральничать начинает, это не значит, что не будет стрелять в китайцев, ничего подобного. Я уже не говорю об Англии, Франции и т.д. Раскола фронта империалистов в данный момент нет. Двух коалиций, воюющих между собой нет. Нет такой благоприятной обстановки, которая была при Октябре. Обстановка теперь для китайской революции труднее. Поэтому эта революция будет двигаться медленно, *более медленно, чем наша революция в 1917 г.*, зигзагами, с рядом поражений и успехов, с рядом отколов и перебежек. И не мудрено, что на пути этого зигзагообразного движения правительству Гоминьдана придется иной раз, от времени до времени некоторые компромиссы заключать с империалистами для того, чтобы сначала побить одного врага, потом другого. Всех бить вместе трудненько, товарищи. Нам русским коммунистам, у которых была партия, имевшая 25-ти летнее существование (а китайская партия недавно родилась), которая имела таких лидеров, как Ленин, каковых в Китае нет и не будет, нам, которые имели больше связей и сочувствия на Западе среди рабочих, чем китайцы, даже нам было страшно трудно, да еще при обстановке раскола среди империалистов во время войны, двигать революцию на всех парах. Неудивительно, что китайцам приходится много труднее при отсутствии этих благоприятных факторов. Не мудрено, что темп китайской революции более медленный. Ошибка т.Радека состоит в том, что он не понимает этой разницы в международной обстановке.

Я слушал тов. Радека и думал: дай ему руководить революцией и он ее развалит в два счета, утопив ее в революционных речах о министрах-капиталистах, о немедленном вооруженном восстании в Шанхае и т.п. (смех).

Так вот, я говорю, что основная ошибка тов. Радека состоит в том, что он не учел международной обстановки, не учел того, что против Китая стоит империализм стеной, а не в расколотом виде, как это имело место у нас перед Октябрем.

Отсюда проистекают и все остальные ошибки тов. Радека.

Вот, например, вопрос о Шанхае. Т. Радек говорит, что шанхайцы должны были восстать и выгнать немедля империалистов. Это глупость, товарищи. Тов. Радек не знает, и я ему сообщу по секрету, что такая телеграмма¹² была у нас от шанхайцев после Нанкинского расстрела¹³: мы, дескать, хотим восстать и вооруженной рукой свергнуть немедля империализм. Мы им ответили: подождите, товарищи, не устраивайте единоборства шанхайских рабочих с войсками империализма, обстановка такова, что сейчас нельзя принимать решительного боя. Мы хотим шанхайских рабочих сохранить, как резерв для решающих боев, которые еще впереди. Мы не хотим, чтобы шанхайским рабочим устроили кровопускание, какое имело место в Париже во время Коммуны. Шанхайские рабочие – это основной рычаг китайской революции. И я спрашиваю: разумно ли выводить его из строя, когда решающие бои только начались. Ясно, что не разумно и преступно. Вот чего не хочет понять т. Радек.

Мы им запретили устраивать вооруженное восстание и очень хорошо сделали, сохранив этот резерв так как он нам пригодится потом в боях с империализмом. А бои только еще начались. Основные вопросы еще не стоят на очереди дня. Надо отобрать у империалистов железные дороги – вот вам бой; надо отобрать фабрики и заводы – вот вам еще бой; надо еще банки отобрать – вот и еще бой. Сколько еще боев предстоит – не сосчитать. Нам нужен резерв и лучший резерв, шанхайский, который нужно расходовать с большой осмотрительностью.

ГОЛОС С МЕСТА. Громче.

Я пока что молчу, как только начну говорить, будет слышно (смех).

Вопрос о Гоминьдане. Что такое Гоминьдан – это есть партия блока рабочих и крестьян, революционной интеллигенции, ремесленников, *антиимпериалистской* национальной буржуазии. Это есть нечто вроде Революционного парламента, у которого есть свой Президиум (Пленум ЦК)¹⁴, и который формирует правительство. Нам говорят: «нельзя участвовать в этом парламенте». Это же не серьезно, товарищи. Так серьезные люди говорить не могут. Революционный парламент, который бог дал нам, куда собраны представители всех, сколько-нибудь, антиимпериалистических взглядов, где имеется *правый* фланг, который завтра можно вздернуть, но с чем нельзя сейчас торопиться, где есть центр, где есть левые гоминьдановцы и коммунисты. И где коммунисты руководят на деле, сплотив вокруг себя большинство, *парламент, значение которого огромно во всей стране*, – и вот нам предлагают уйти из этого парламента. Да, почему, т. Радек? Если правые подчиняются решениям большинства, а большинство наше, то на кой черт нам уходить и для чего торопиться с изгнанием правых? Разве нельзя использовать правых, как это и делалось до сих пор? Какой же хозяин согласится выкинуть плохую кобылу, пока она дает некоторую выгоду и слушается *хозяина* (смех, аплодисменты). Кто же с этим согласится? Плохая кобыла, она тоже кобыла, она может пригодиться, если она слушается, а когда правые перестанут слушаться, мы их выгоним. Выгнали ведь уже дважды правых¹⁵, когда они стали противодействовать революции, вышибем к черту, вышибем 3-4-5 раз, когда они дадут повод, и тогда народ поймет, что вышибли их за дело.

В самом Гоминьдане самые квалифицированные из китайцев, это правые, хотя и представляют меньшинство. Квалифицированные старые политики, в китайском масштабе *квалифицированные*, иногда даже жулики отчаянные. У них богатые торговые связи с купцами, они заигрывают с империалистами и имеют связи с ними. Попробуйте из такого Гоминьдана *увести* коммунистов, что это будет означать? Это будет означать – отдать Гоминьдан на съедение правым, отдать флаг Гоминьдана, являющийся самым популярным из всех флагов Китая, на съедение правым, на их усиление. Вот вам и политика т.Радека. Но кто же, я извиняюсь (смех), кто же кроме (смех) (Радек с мес-

та: «поняли, поняли»), кто же кроме очень умных (смех) и очень опытных людей может предлагать теперь такую политику?

Что касается правых и форсирования их изгнания, то т. Радек не понимает того своеобразия положения, которое создалось в Китае. В чем состоит это своеобразие? Между прочим в том, что эти правые при всех их грехах, при всех недостатках, при всей их буржуазности, при всем том, что они являются центром новой буржуазной партии и центром будущей контрреволюции в Китае, несмотря на то, что из этих людей сформируется в будущем настоящая контрреволюционная партия в Китае, несмотря на все это, эти люди ведут сейчас армию против империалистов. Факт это, или не факт? Вот в чем своеобразие. Чан Кайши ведет армию или нет против империалистов? Да, ведет. Что сделает завтра Чан Кайши и куда повернет, мы увидим это, а пока факт, что он ведет, он вынужден вести войска против империалистов. И в этом отношении он выше всяких Церетелей¹⁶ и Керенских¹⁷. Конечно, Чан Кайши Маркса не читал, хотя Церетели и Дан¹⁸ вместе с Керенским, может быть и читали Маркса, он себя социалистом не называет, но обстановка такова, что он выше этих социалистов, всех этих керенских, церетелей, данов и проч. Почему? Потому, что в силу логики вещей он ведет войну против империалистов, он вынужден вести войну. Если не хочет слететь. А Керенский вел борьбу вместе с империалистами против угнетенных народов. Вот где коренная разница.

Вот почему не надо отказываться использовать правых, пока есть возможность использовать их в интересах революции. По-моему, людей таких, как правые, нужно использовать до дна. Выжать все, что можно выжать из них, и потом выбросить вон, как выжатый лимон. Кто иначе поступает, тот глуп, по-моему.

Так вот дело оборачивается так, что в силу революции создалась крайне оригинальная, но очень мощная и довольно широкая массовая партия, партия блока рабочих, крестьян, национальной интеллигенции и национальной буржуазии. В этой партии, в этом революционном парламенте, формирующем правительство, фактическими руководителями являются коммунисты. Это, товарищи, не хвостовство — это так. Не думайте, что т. Бородин¹⁹ и другие товарищи сидят там зря. Спросите империалистов, если не верите (смех, аплодисменты). И вот, товарищи, выходит, что, если коммунисты уйдут отсюда, из Гоминьдана, то при плохой организованности центра и левых гоминьдановцев, руководящей силой станут правые и они переведут революцию на другие рельсы, не на те, которые нам нужны, не на рельсы дальнейшего развертывания революции, а на рельсы ликвидации революции.

Вот почему мы говорим, что тов. Радек не прав, что он невольно помогает правым, невольно помогает милитаристам и империалистам, которые тоже требуют ухода коммунистов из Гоминьдана.

Тов. Радек не первый пришел к такому выводу. Еще раньше предложение о выходе коммунистов из Гоминьдана было сделано со стороны тов. Троцкого, Зиновьева. Эти товарищи не поняли, что, извергая революционные фразы о выходе коммунистов из Гоминьдана, они на деле помогают правым и помогают милитаристам.

Спор о том, надо ли оставаться коммунистам в Гоминьдане, у нас давно начался, товарищи. Это было еще в апреле, в 20-х числах апреля 1926 года, когда этот вопрос поставили перед нами тт. Радек, Зиновьев²⁰. Я не помню, был ли тогда т. Троцкий в Политбюро. Троцкий еще раньше ставил этот вопрос,²¹ но Политбюро ЦК отвергло тогда это предложение единогласно. (Тогда Зиновьев вынужден был согласиться с этим, потому что ничего не оставалось у него, ибо людей, предлагавших выход коммунистов из Гоминьдана, обозвали ликвидаторами китайской революции). Политбюро приняло тогда следующее решение: (пропуск).

Цитата о сохранении коммунистов в Гоминьдане и о курсе на изоляцию и вытеснение правых из Гоминьдана.²²

Вот основная директива, которую мы дали тогда, которая проводилась и проводится.

Я спрашиваю, выиграли ли мы или нет в результате такой политики? Я думаю, что выиграли. Коммунистическую партию в Китае усилили, ее руководящую роль в Гоминьдане плохо ли, хорошо ли, обеспечили, добились успехов на фронтах, изолировали правых, двинули революцию вперед.

Вот вам результаты известной политики.

Что было бы, если бы мы согласились тогда с тт. Радеком и Зиновьевым и убрали бы коммунистов и компартию (а это т. Радек, одно и то же, коммунисты и компартия) из Гоминьдана? Мы, т.е. китайские коммунисты, были бы изолированы сейчас в Гоминьдане, правые имели бы большинство и революционное движение стояло бы перед смертельной опасностью.

Теперь, об участии в революционном правительстве. Я не знаю, почему т. Радек, будучи противником участия компартии в Гоминьдане, который есть парламент революционный, вместе с тем является сторонником участия коммунистов в правительстве, которое формируется в Гоминьдане. Ежели революционный парламент в Гоминьдане формирует правительство, причем в этом Гоминьдане мы участия принимать не должны, а в правительстве, которое формирует этот Гоминьдан, должны принять участие, - то где же у вас логика, тов. Радек? Я думаю, что тут мы имеем дело с некоторой путаницей и с тем фактом, как здесь тов. Бухарин выразился, что тов. Радек концов с концами не свел.

А теперь позвольте сказать несколько слов о той постановке вопроса по линии наших разногласий, которую дал здесь т. Радек, облекши эту постановку в дипломатическую форму. У него выходит так, что не он отступает в вопросах Китайской революции, а Коминтерн, не он является обвиняемым, а Коминтерн или ЦК нашей партии. Это - хитрость, и хитрость близорукая. Не может быть сомнения, что разногласия шли по вопросу об участии компартии в Гоминьдане. Факт, что в апреле прошлого года т. Радек был за уход компартии из Гоминьдана. Факт, что партия это отвергла.

Факт, что теперь сам Радек вынужден сказать с этой трибуны, что он тоже не возражает против участия. Кто же отступает и кто наступает? Я думаю, что тов. Радек отступает. Кто тут обвиняемый? Я думаю, что тов. Радек. Зачем же дело изображать таким образом, что будто бы Радек выступает в роли обвинителя и кто-то должен защищаться? Откуда эта хитрость и зачем она?

Наконец, несколько слов насчет того, что мы будто бы скрываем изъясны Гоминьдана, не информируем партию о безобразиях, которые творились и творятся еще в некоторых провинциях со стороны правых гоминьдановцев. Были ли расстрелы, аресты, или угрозы арестом? Были такие факты? Да, были. Они еще будут, товарищи. Было бы смешно думать, что в этой стране, как Китай, где компартия начала формироваться всего два года тому назад, в стране, которую душит вот уже лет 70 империализм, где культуры мало, где организации слабы, где провокатерская работа империалистов идет во всю - было бы странно думать, что безобразий там не будет. И если мы здесь этих вопросов не раздуваем - это неверно, что мы их скрываем, - то это потому, что "факты" надо проверить, ибо мы не можем принять на веру сообщений английских империалистических газет, выходящих в Китае (они часто лгут). Затем мы не можем давать отсюда директивы из Москвы открыто. Мы это делаем через киткомпартию и других товарищей в порядке внутреннем, незаметном для внешнего мира, облекая директивы в форму советов. И мы не сомневаемся, что наши советы будут приниматься и проводиться. Мы в этом не сомневаемся. Китайскую компартию и так обвиняют, что она будто бы идет на помощь у русских революционеров, и так галдят о том, что в Китае происходит не

национальная революция, а "московская махинация", стоит ли после этого афишировать нашу руководящую роль в печати. Это было бы неразумно, глупо и несерьезно. Есть другие пути, очень серьезные и реальные пути, для того, чтобы поворачивать руль так, как это необходимо. Есть у нас такие пути т.Радек? (РАДЕК: Очень сомнительно). Очень жаль, что у вас нет слова для того, чтобы доказать, что эти пути очень сомнительны. Я боюсь, что вы можете теперь сказать, что я использую "последнее" слово после Вас, для того, чтобы высказывать положения, которых Вы не в состоянии опровергнуть. Но, т.Радек, я не буду здесь и не могу демонстрировать всех путей и каналов, которые у нас имеются. Я могу сказать, что эти пути имеются и что они действительны и приводят к цели. Если бы этого не было, мы не имели бы полевого Гоминьдана, не имели бы успехов в деле продвижения на Север, не имели бы того, что правые вынуждены теперь вилять и демонстрировать свою лояльность, мы не имели бы того, что из империалистов одна группа уже начинает "вихлять", нарушая иногда единый фронт империалистов. Это - японцы. Они уже чувствуют, что к горлу что-то подступает, потому что, ведь если революционный Китай двинется на Север, то Корея должна зашевелиться, чувствуют и начинают вихлять. Как можно после этого говорить, что мы не руководили движением?²³

Я кончаю, товарищи. Итак, основная ошибка т.Радека состоит в том, что он не учел тех особенностей международной обстановки Китая - объединение фронта империалистов, которые не дают возможности двигаться революции быстрее, чем это есть теперь, или так же быстро, как это имело место у нас в Октябре, когда фронт империалистов был расколот и когда между ними происходила война.

Дальше. Вторая ошибка т.Радека состоит в том, что он не понял того, что коммунистическая партия Китая не должна в данный момент уйти из революционного парламента, из Гоминьдана, имеющего могучее влияние в Китае, если она не хочет отдать Гоминьдан во владение правых.

И третье, т.Радек запутался, допускает вхождение коммунистов в правительство, но не допускает вхождение их в Гоминьдан. Это такая абракадабра, такая чушь и такая каша, которую даже критиковать не хочется. Вот и все. (Аплодисменты).

РГАСПИ Ф.558. Оп. 11. Д. 1110. Л. 77-93.

машинописный текст, правленая стенограмма, подлинник.

1. Стенограмма доклада Н.И.Бухарина не обнаружена. Н.И.Бухарин (1888-1938) - в то время член Политбюро ЦК ВКП(б), руководитель Коминтерна. На Московском парт-активе выступил с основным докладом по вопросам политики в Китае. В отредактированном виде его доклад был опубликован в "Правде" 19 и 20 апреля 1927 г., затем в виде брошюры "Основные проблемы китайской революции". - М., 1927.
2. Стенограмма выступления К.Радека не обнаружена. К.Б.Радек (наст. фам. Собельсон) (1885-1939). В 1925-1927 гг. - ректор Университета трудящихся Китая им. Сунь Ятсена.
3. См. об этом: новейшая история Китая. М., 1972. - С. 101-106; об информации, которой располагала по этим вопросам Москва см.: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. II. 1926-1927, ч. 2, Раздел 3.
4. О спорах внутри оппозиции и ее платформе в этот период см. А.Григорьев. Борьба в ВКП(б) и Коминтерне по вопросам политики в Китае. - // Проблемы Дальнего Востока. М., 1993. - С. 113.
5. РГАСПИ, ф. 495, оп. 166, д. 191, л. 29.
6. Коммунистическая оппозиция в СССР Т. 2. Бостон, 1988. С. 224-226.
7. Н.А.Угланов (1886-1937) - в то время кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), секретарь ЦК партии.

8. Чжан Цзолинь (1875-1928) – глава фэнтяньской клики милитаристов, в то время контролировал Пекинское правительство.
9. Чжан Цзунчан (1881-1932) – в 1925-1928 гг. – военный и гражданский губернатор провинции Шаньдун. В 1926-1927 гг. – главнокомандующий объединенными войсками провинций Чжили и Шаньдун.
10. Имеется в виду выступление К.Радека на дискуссии в Коммунистической академии 18 марта 1927 г. Документ не обнаружен.
11. Ху Ханьминь (1879-1936) – китайский политический деятель, с 1924 г. – член ЦИК Гоминьдана, в 1925 г. – министр иностранных дел Национального правительства.
12. Телеграмма не обнаружена.
13. Речь идет о бомбардировке 24 марта 1927 г. Нанкина с кораблей Англии и США под предлогом «инцидентов» происходивших в городе во время отступления милитаристских войск под натиском подразделений НРА во время Северного похода.
14. Следует: Пленум ЦИК (ГМД).
15. В первом случае, видимо, имеется в виду решение II съезда Гоминьдана (1-19 января 1926 г.), осудившего попытку группы лидеров Гоминьдана на совещании в ноябре 1925 г. создать новый ЦИК партии, пересмотреть политику сотрудничества с КПК и уволить М.М.Бородин. Что имеется в виду во втором случае – не ясно. Возможно, Сталин имел в виду снятие ряда правых гоминьдановцев в марте 1926 г. с должностей в Кантонском правительстве, произведенное Чан Кайши.
16. И.Г.Церетели (1881-1959). После февральской революции 1917 г. возглавлял меньшевиков-оборонцев, был министром внутренних дел Временного правительства.
17. А.Ф.Керенский (1881-1970). В 1917 г. – глава Временного правительства России.
18. Ф.И.Дан (наст. фам. Гурвич) (1871-1947) – один из лидеров меньшевиков, в 1917 г. – член Петроградского совета, выступал на продолжение войны.
19. М.М.Бородин (наст. фам. Грузенберг) (1884-1951) – в 1923-1927 гг. – главный политический советник ЦИК Гоминьдана и национального правительства и представитель ИККИ в Китае.
20. Документальных свидетельств такого рода предложений со стороны К.Радека и Г.Зиновьева в это время не обнаружено.
21. Документальных свидетельств этого утверждения И.Сталина не обнаружено.
22. Имеется в виду следующие пункты из постановления ЦК ВКП(б) от 29 апреля 1926 г.:
  - в) Признать вопрос о разрыве между Гоминьданом и Компартией имеющим первостепенное политическое значение. Считать такой разрыв совершенно недопустимым. Признать необходимым вести линию на сохранение Компартии в составе Гоминьдана.
  - г) Считать поэтому, что, во всяком случае, до очередного конгресса Коминтерна производить какие-либо изменения организационных отношений было бы недопустимо и опасно как для Гоминьдана, так и для компартии.
  - д) Вести дело к уходу (или исключению) правых гоминьдановцев из Гоминьдана”. См.: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. II. 1926-1927, часть 1. М., 1996. С. 202.
23. Выделенная часть фразы вписана вместо зачеркнутых слов: “что мы замазываем изъяны в практике Гоминьдана”.

Русские в Китае

Русская дальневосточная эмиграция и ее вклад в сближение культур Запада и Востока

© 2001

С. Якимова

В последнее десятилетие XX века заметно вырос научный интерес к изучению творчества русской дальневосточной эмиграции как важной части отечественного историко-литературного процесса. После глобальных социально-политических перемен в России в конце 10-х гг. XX века Китай как соседнее государство принял многих русских беженцев и вынужденную покинуть пределы России часть белой армии, дав им возможность жить и трудиться. Значительное число российской эмиграции состояло из творческой и научной интеллигенции. Писатели, художники, музыканты, ученые, оказавшись лицом к лицу с новой для себя восточной культурой, были поставлены перед необходимостью постигать ее тайны, чтобы не только не растратить, но и приумножить свой творческий потенциал.

Большой вклад в процесс взаимного узнавания и поистине исторического сближения культур Запада и Востока внесли своей литературной и общественно-культурной деятельностью такие русские писатели дальневосточной эмиграции - поэты и прозаики, - как Всеволод Никанорович Иванов, Валерий Перелешин, Арсений Несмелов, Михаил Щербаков и другие. Тема Востока и, в частности, Китая стала одной из главных в творчестве многих русских писателей дальневосточной эмиграции. Оказавшись в Китае, они в 20-30-е гг. предпринимали неоднократные попытки создать свои литературно-художественные объединения и содружества, наладить выпуск периодических изданий, нацеленных на глубокое изучение и научно-художественное постижение истории, культуры и литературы Востока. Постоянными соперниками в этом отношении являлись Харбин и Шанхай. Большинство из увидевших свет таких изданий стало сегодня библиографической редкостью, труднодоступными даже для исследователя.

Поистине подвижнической можно считать работу создателей и участников литературно-художественных альманахов, посвященных изучению российскими исследователями, писателями и художниками истории и культуры Китая. Нами установлен факт выхода в Шанхае альманахов "Дальний Восток" (1920), "Желтый лик" (1921) и "Китай" (1923). Два последних - под редакцией издателя Э.Е.Магарам, который опубликовал в них также свои наблюдения над

жизнью и бытом китайцев под названием "Желтый лик (Очерки одного странника)". В одном из этих очерков автор познакомил читателей со скульптурой Смеющегося Будды, который символизирует благоволение ко всем людям, добрым и злым, без различия. В редакционной статье альманаха "Желтый лик" сформулированы главные цели издания: ознакомить русских читателей с Китаем, его духовной и материальной жизнью, своеобразной культурой и искусством. В ней совершенно справедливо сказано, что русская литература крайне бедна произведениями о Китае. Английская, французская и немецкая публика, писал редактор, поставлена в более благоприятные условия, чем российская, хотя Россия "непосредственно граничит с Китаем на протяжении нескольких тысяч верст". Поэтому редакция взяла на себя право печатать переводные статьи с английского, немецкого и французского о Китае, "способствующие постижению непонятной нам души великого народа". Так, в "Желтом лике" в переводе с французского представлена статья Л.Верлей "Китайское искусство". Западная культура по-своему помогала сближению России и Востока.

Создатели "Желтого лика" и "Китая" прекрасно осознавали важность и своевременность появления таких альманахов. "Мы верим, мы убеждены, что такое издание полезно и необходимо, - прозорливо отмечали они. - Тем более оно необходимо сейчас, когда Русский Дальний Восток переживает трагедию, в которой, - кто знает? - быть может и Китаю суждено сыграть видную роль."

Содержание альманахов поражает разнообразием. Оно включает в себя поэзию и прозу как русскую, так и переводную с китайского. Поэзия Китая представлена произведениями таких авторов, как Фань Юнь ("Тайна"), Чанцзы ("Искушение"), Тан Гулунь ("В корчме"). В альманахе "Китай" опубликован большой очерк "Знаменитые китайские наложницы" (автор - М.В. М-ч), в который включены стихотворения классиков китайской поэзии, воспевающие красоту этих женщин. Здесь помещены стихотворения Ли Бо, Ван Чанлина и других поэтов.

Теме Востока посвящали свои стихи и русские поэты дальневосточной эмиграции. Широко известный в этих кругах поэт и переводчик с китайского Михаил Щербаков опубликовал в альманахе "Китай" свое стихотворение "Царь-Дракон", написанное в 1921 г., по пути в эмиграцию в бухте Сидеми, что на границе с Кореей. В опубликованном здесь же сонете "Женьшень", созданном во Владивостоке в 1922 г., нашел отражение духовно-нравственный мир народов Востока, имеющий много общего с другими народами. Русский поэт разделяет идею гармонии человека Востока и природы как основополагающую для человеческого бытия вообще.

Проза альманахов включает в себя китайские народные сказки ("Жертвы солдата", "Лодочник и колдунья", "Злая жена", "Зуб за зуб", "Обжорливый черт", "Поздняя месть" и другие), переведенные с французского текста Э.Е.Нарымским. Общественно-политическим проблемам современного Китая, его истории и истории его культуры посвящены статьи Василия Темного "Международное положение Китая", "Возрождение Китая", Николая Черного "История Китая", Е.А.Федорова "Китайская живопись". Многие тексты альманахов содержат глубокие историко-культурные комментарии, иллюстрированы художниками.

В начале 20-х гг. в Харбине был налажен выпуск литературно-художественного ежемесячника "Окно", также обращенного к теме Востока, но в более тесной связи с Россией. Мы располагаем данными о выходе в свет двух номеров этого уникального издания (ноябрь и декабрь 1920 г.). Опубликованные в "Окнах" художественные произведения российских поэтов и прозаиков, оказавшихся в Китае в эмиграции или побывавших в Харбине, отражая их взгляд на произошедший в России в конце второго десятилетия XX века

исторический поворот, стали своеобразным вкладом в осмысление этого события. Позиция создателей "Окна" была обогащена мудрой жизнеутверждающей философией Востока. Эти два номера журнала российских эмигрантов выражали патриотическую устремленность их создателей, пытавшихся "открыть окно" в Россию с Востока, чтобы помочь ей преодолеть крутой поворот истории. Журнал в равной мере был адресован как эмигранту так и читателю, в самой России.

Первый номер журнала "Окно" 18 ноября 1920 г. был отправлен из Харбина в Москву М. Горькому. Об этом свидетельствует сделанная от руки надпись на обложке журнала, который хранится в отделе Русского зарубежья Российской государственной библиотеки. Создатели "Окна", утверждая вечность и высокие идеалы искусства, не уходят от жизни с ее проблемами. "Искусство - над пушкой и над лафетом, - читаем мы в редакционной статье первого номера. - Оно - небо жизни..." Именно искусство должно стать светочем, путеводной звездой, оно призвано помочь миру не упасть в бездну мрака и тьмы. "Мы не уклоняемся от жизни... Не закрываем очей на происходящее. Но в наших душах нет места для ужаса и боязни, потому что в них вливается не только железно-чугунный раскат ломающихся и строящихся дней, но и вещная песня любви, творчества и покоя, придуших на смену стальному лязгу борьбы".

В первом номере журнала "Окно" состоялся дебют Вс. Н. Иванова (1888-1971) в литературной жизни русских эмигрантов в Китае. Им были опубликованы три философских сонета, нигде и никогда не печатавшихся позднее. Эти сонеты ("Видение", "Дьявол", "Финикия") были рождены грозным временем революции и гражданской войны и передают глубокое потрясение и хаотическое состояние духовно-нравственной жизни тогдашней России. В двух номерах "Окна" публиковали также свои произведения многие другие русские писатели, получившие известность и признание в эмиграции, а позднее и на Родине. Это Сергей Алымов, Федор Камышнюк, Венедикт Март, Сергей Третьяков, Арсений Несмелов, Николай Алл, Леонид Астахов, Михаил Щербаков и другие.

С середины 20-х гг. атмосфера общественной и культурной жизни русских эмигрантов в Харбине начала меняться. Наметился повышенный интерес к вопросам культуры и искусства, в том числе литературы. Жившие в Харбине русские писатели, увлеченные темой Востока, предприняли в 1931 г. издание литературно-художественного сборника "Багульник". Свое символическое название он получил от особо почитаемого в Маньчжурии растения, которое начинает цвести первым. Редактором-издателем "Багульника" стал Ф. Ф. Даниленко.

Главная направленность этого издания - изучая Восток, служить России - была выражена в предисловии к первой книге сборника: "Мы живем на Востоке. Мы держим направление на Россию". Служа таким своеобразным образом России, писатели, участвовавшие в создании "Багульника", объективно способствовали взаимному узнаванию и сближению двух культур, Востока и Запада. Одной из самых ярких публикаций "Багульника", как отметила в свое время эмигрантская критика, был очерк Вс. Н. Иванова "Пекин". Это были записки путешественника, мыслителя и художника слова, который пытливо стремится заглянуть за грань видимого, проникнуть в суть явлений, открываемых писателем не только для себя. Обладая уникальным опытом работы во многих крупных библиотеках и архивах России, Германии и Китая, Вс. Н. Иванов в кратчайшие сроки создал политико-экономические региональные обзоры всех 23-х провинций Китая. Его перу принадлежат значительные труды об истории и современных проблемах Китая: "Маньчжурия и КВЖД", "Китай и его 24-я революция", "Китай, Россия, КВЖД и Маньчжурия". Свой неизмен-

ный интерес к Востоку этот писатель, журналист, поэт и мыслитель продолжал реализовывать, предприняв в 1932 г. в Тяньцзине, где проживал непродолжительное время, издание общественно-литературного журнала, посвященного Востоку, под названием "Азия".

Расцвет русской журналистики в 30-е гг. переживал и Шанхай. Шанхайская "богема", как называли себя художники, литераторы, артисты и музыканты, организовала широкую сеть кружков и обществ ("Шанхайская Чуравка", "Понедельник", "Восток" и др.), а также создавала свои журналы. Содружество литераторов "Понедельник" издавало печатный орган с таким же названием, - с 1930 по 1934 гг. Восточная тема в первом номере журнала была представлена очерком М.Щербакова "По древним каналам"; во втором номере она значительно расширилась публикацией статьи Е.Федорова "Ханчжоу", а также переводов с китайского Ф.Даниленко, М.Щербакова. В рассказах К.Батурина "Шаньдун" и А.Несмелова "Le Sourire" содержалось немало интересных реалий китайской жизни тех лет. Проза в журнале была представлена В.Логиновым, Вс. Н. Ивановым, отправлявшими свои произведения из Харбина; поэзия - А.Несмеловым, Л.Гроссе, Т.Андреевой, Н.Щеголевым, М.Спурготом, В.Янковской, присылавшей стихи из Кореи.

В декабре 1933 г. после выхода из содружества "Понедельник" большой группы молодых литераторов в Шанхае было создано новое литературно-художественное объединение "Восток". К нему в скором времени примкнули многие из иногородних корреспондентов "Понедельника" во главе с Вс. Н. Ивановым и А.Несмеловым. Самим названием новое объединение литераторов еще сильнее актуализировало тему Востока. Для реализации творческих планов "Восток" учредил свой печатный орган - журнала "Врата". В редакционной статье его первого номера была изложена эстетическая программа объединения, в которой нашло отражение глубокое понимание сложившейся историко-культурной ситуации и стремление утвердить значимость культурного вклада российской интеллигенции, оказавшейся на Востоке. При этом подчеркивалась ее большая роль в раскрытии для европейской культуры культурно-художественных богатств этой части мира. Перед творческой интеллигенцией ставились две главные задачи. Во-первых, показать, чем духовно живут на Дальнем Востоке русские писатели и художники, занесенные сюда волною революции, и как отражается в их творчестве этот своеобразный и самобытный мир. Во-вторых, познакомить русского читателя, хотя бы частично, с богатствами культуры Востока, о которых все еще так мало сказано в русской литературе. Восток велик, подчеркивалось в этой статье, ибо он дал миру все великие религии. Само время выдвигало его на авансцену мировой цивилизации, диктовало необходимость его изучения и познания в интересах прогресса всего человечества. "Живя в обстановке стран древних азиатских культур, - отмечалось в редакционной статье, - мы поставлены в особо выгодные условия для продолжения культурно-исторической роли нашей Родины - связующего и связывающего звена между Востоком и Западом, черпающего и сплавляющего в себе лучшее, что есть в обоих, для создания чего-то Третьего, которому, быть может, и суждено примирить современную культуру с современной цивилизацией".

Художественные и научно-художественные произведения, представленные только в двух первых номерах журнала "Врата", свидетельствуют о стремлении к постижению русскими писателями и учеными тайн восточной философии и творческом использовании богатств восточной культуры и литературы. Заметно расширились и географические горизонты. Авторы стали обращаться к темам, связанным с другими странами Востока - Японией, Кореей. Во "Вратах" увидели свет статьи "Листы дневника" Н.К.Рериха, "Сокровища китайского искусства" Л.В.Арнольдова, "Учение Дао" Синолога, "Китайский

иероглиф” Е.А.Федорова, “Бусидо (нравственный кодекс самурая, или Душа Японии)” А.А.Цепушелова.

Теме Востока была посвящена и значительная часть поэтических произведений журнала. Это стихи А.Несмелова “Хунхуз”, М.Щербакова “Стихи императора”, “Японский храмик”, “Вишня”, “Танка”, Т.Андреевой “В храме Ми-син” и другие. Японская тема, заявленная в стихах М.Щербакова, не только по содержанию, но и по форме японской классической поэзии (танка) находит свое дальнейшее развитие в традиционно нерифмованных четырехстрочных “Японских стихах” Вс. Н. Иванова, опубликованных во второй книге журнала “Брата” (1935).

Глубоко изучая национальные традиции восточной культуры, уважая духовную жизнь другой нации российская творческая интеллигенция стремилась найти точки соприкосновения культур разных народов, чтобы не разделять, а соединять людей независимо от их национальной принадлежности. К этому шли и русские писатели дальневосточной эмиграции.

Религия

Политика в отношении религии в КНР

© 2001

В. Кузнецов

Отношения государства к религии в КНР обусловлено тем обстоятельством, что идеологию государство считало и считает сферой своей исключительной компетенции.

В конце 60-х и до конца 70-х годов религии было вообще отказано в праве на существование. "Культурная революция", начавшаяся в 1965 г., принесла провозглашенную Конституцией КНР свободу вероисповедания в жертву задаче уничтожения "четырёх старых" (старой культуры, старых обычаев, старых привычек, старого мышления). В августе 1969 г. с первым официальным заявлением о религии с начала "культурной революции" выступил научно-теоретический орган ЦК КПК журнал "Хунци". В нём говорилось: "Мы должны бороться с религией – это азбука всего материализма и потому и марксизма... Научный КОММУНИЗМ и религия антагонистичны. Борьба за осуществление идеалов коммунизма во всем мире и "построение царства Христова на земле" несовместимы подобно огню и воде"¹.

Тяжелым ударам подверглись все конфессии без исключения. "Красные охранники" громили и оскверняли храмы и монастыри, уничтожали изображения богов и канонические книги, подвергали издевательствам служителей культа и пресекали любые проявления религиозности со стороны мирян. В Тибете в годы "культурной революции" местному населению было запрещено справлять традиционные праздники, например, праздник урожая, так как там наличествовала религиозная символика; мусульманам препятствовали в совершении хаджа в святые места, буддистам – в паломничестве к их святыням. Отсутствие надобности в политическом сотрудничестве с религиозными общинами государство продемонстрировало прекращением деятельности всех конфессиональных организаций и выпуска их изданий.

В декабре 1978 г. 3-й пленум ЦК КПК 2-го созыва осудил деяния "культурной революции". Виновниками гонений на религию были объявлены Линь Бяо и "банда четырех". В пропагандистских материалах подчеркивалось, что "во время десятилетних беспорядков 1966-1976 гг. Линь Бяо и банда четырех равно принесли страдания верующим и неверующим". "Уголовный кодекс КНР", вступивший в силу в июле 1979 г., грозил государственным служащим, "незаконно лишаящим граждан предоставленной им законом свободы вероис-

поведания” или “покушающимся на обычаи и жизненный уклад национальных меньшинств”, в случаях серьезных правонарушений такого рода лишением свободы на срок до двух лет или исправительно-трудовыми работами (гл. 4, ст. 147)².

В 80-е годы законодательная и исполнительная власти КНР предпринимали практические шаги по нейтрализации пагубных последствий “культурной революции” в сфере религии. Были реабилитированы некоторые религиозные деятели, ранее обвиненные в антигосударственной деятельности. Государство стало выделять средства на реконструкцию и ремонт известных культурных объектов. Возобновили деятельность и общенациональные профессиональные организации, с 1980 г. подведомственные Отделу единого фронта ЦК КПК и выступающие как составные звенья административно-политической системы.

Конституция КНР 1982 г. в ст. 36 вновь провозгласила свободу вероисповедания, давая гарантии против посягательств на нее со стороны кого бы то ни было: “Никакие государственные органы, общественные организации и отдельные лица не могут принудить граждан исповедовать или не исповедовать религиозного учения, не могут дискриминировать граждан за исповедание или не исповедание религиозного учения”. Но та же статья утверждает: “Государство охраняет нормальное отправление религиозной деятельности. Никто не может использовать религию для нарушения общественного порядка, нанесения вреда здоровью граждан и в ущерб государственной системе образования”.³ Понятие “нормальная религиозная деятельность” выглядит весьма расплывчатым - остается неясным, что выходит за его пределы. Как соотносятся, к примеру, врачебная практика лам или коранические классы при мечети с интересами здоровья граждан либо государственной системы образования - такого рода вопросы не дифференцированы в законодательном порядке. Поэтому последнее слово в определении норм религиозной деятельности осталось за исполнительной властью.

Своеобразие политики в отношении религии в КНР проявляется и в том, что ее проведение определяется не только собственно законодательными и правовыми актами, но и директивными указаниями высших партийных инстанций. Директивы на этот счет часто адресованы членам партии.

Так, в марте 1982 г. ЦК КПК издало постановление “Основная точка зрения и основы политики по вопросам религий на период социализма в нашей стране” (известно как “Документ № 19”), предназначенное для непосредственного руководства партийно-государственным функционерам на местах⁴. В его вводной части разъясняются общие принципы подхода к проблемам религии.

1. Религия изживет себя только после длительного развития социализма и коммунизма.

2. В Китае много верующих, некоторые религии исповедуются целыми национальными меньшинствами. Религия в определенном смысле имеет массовый характер, во многих местах религиозные проблемы связаны с национальным вопросом. В прошлом в отношении религии прибегали к жестокому давлению, в результате чего был нанесен серьезный ущерб безопасности государства и национальному единству.

3. В прошлом религиозных деятелей и всех верующих рассматривали как “объект диктатуры”, а обычаи и уклад жизни национальных меньшинств - как религиозные суеверия, проводилась политика принуждения и запретов. Это привело к обратному эффекту: “Религиозная активность в обстановке скрытности и разброда получила некоторое развитие... антикоммунистические элементы смогли, используя такого рода условия, развернуть контрреволюционную деятельность”.

4. Основная задача нынешнего этапа состоит в том, чтобы сплотить народ для осуществления “четырёх модернизаций”. Следует избегать ошибок

прошлого, когда в политике делали упор на идеологические различия между верующими и неверующими, допускали нападки на верующие массы, в результате чего “усилилось отчуждение между верующими и неверующими”, “усилилось и обострилось религиозное рвение”, а “делу социализма был нанесен серьезный вред”.

Установки политики в отношении религий в постановлении определяются следующим образом.

Гарантируются “нормальные” исповедание веры и религиозная деятельность. Однако никоим образом не разрешается вмешательство религии в государственное администрирование, сферы юстиции и просвещения, запрещается религиозное обучение детей до 18 лет, оставление ими семей для изучения религиозных каноников в храмах и монастырях. Воспрещается использовать религиозные учения для выступлений против руководства партии, социалистического уклада, разрушения государственного единства и национальной сплоченности.

Борясь за сплочение деятелей религии, “необходимо упорно и решительно проводить среди них воспитательную работу в духе патриотизма и соблюдения законов, защиты социализма, защиты единства Отечества и национальной сплоченности”. Одновременно следует добиваться, чтобы в духовных учебных заведениях планомерно воспитывали молодой отряд профессиональных священнослужителей, которые бы горячо любили Отечество, защищали руководство партии и правительства, стойко придерживались установки на следование по пути социализма, обладали научными познаниями о религии и при этом могли поддерживать контакт с массой верующих.

Таким образом, речь идет об идеологическом перевоспитании профессиональных священнослужителей и о подготовке нового их поколения, дабы они лояльно проводили в жизнь политику КПК в отношении религии.

3. Что касается “ошибочно возбужденных дел” против деятелей религии, то нужно вскрывать судебные ошибки; в отношении же тех, кто упорно придерживается антикоммунистической платформы, выступает против Конституции, против социализма, необходимо принимать строгие меры.

Хотя в документе акцентируется противопоставление марксизма любым религиозным учениям, однако в политической деятельности членам КПК предписывается объединяться с верующими-патриотами в “единый фронт”.

4. Буддийские и даосские монастыри, храмы, известные в Китае и за его пределами или представляющие собой большую культурную ценность, нужно восстанавливать. Однако нельзя использовать для этого другие средства помимо сумм, отпущенных на данные цели, следует прекратить ремонт сельских храмов.

Все места, отведенные для религиозной деятельности, должны находиться в ведении должностных лиц из отделов по делам религий; любым религиозным организациям и верующим не разрешается распространять, проповедовать и пропагандировать религиозные учения за пределами мест, отведенных для религиозной деятельности.

5. Определены восемь руководящих религиозных организаций (ассоциаций), имеющих задачей содействовать осуществлению политики в отношении религии, повышать “патриотическую и социалистическую сознательность”, осуществлять “совершенно нормальную” религиозную деятельность. Должно усилить контроль этих организаций за разного рода религиозной деятельностью, а также за идейным преобразованием верующих.

Членам КПК строго запрещается исповедовать религиозные учения и участвовать в религиозной деятельности. Тех, кто в течение долгого времени не соблюдает этих ограничений, должно заставить выйти из партии. Однако

поскольку в районах проживания национальных меньшинств религиозный и национальный вопросы тесно связаны, "во избежание отрыва от масс" к членам партии, которые участвуют в религиозной деятельности, можно применить иные меры воздействия, подходя к ним дифференцированно. Если обнаружится, что среди них есть те, кто выступает против "четырёх основных принципов" и магистральной политической линии, разрушают государственное и национальное единство, то по таким нужно "без сожаления наносить удары".

7. Необходимо строго пресекать активность тех служителей религии, которые под ее прикрытием занимаются антикоммунистической деятельностью; если после отбытия наказания они продолжают такого рода деятельность, то их надо наказывать с учетом отягчающих вину обстоятельств. Одновременно следует "вывернуть наизнанку (т.е. кардинально переработать. - В.К.) учебные материалы", предназначенные для масс верующих.

В "Документе № 19" подчеркивается также, что работа в сфере религии - важное направление организационной деятельности партии по созданию "единого фронта" и проведению массовой работы, а "усиление партийного руководства - это основная гарантия решения религиозного вопроса". "Одновременно с акцентом на то, что людям гарантируется свобода вероисповедания, нужно сделать и акцент на то, что им гарантируется свобода не исповедовать никакой религии. Это две стороны одного вопроса".

Как отмечается в том же постановлении, существо политики в отношении религии надо рассматривать в динамике. На современном этапе главной целью следует считать энергичное содействие сплочению многонационального народа страны в деле совместного построения современного, сильного социалистического государства, а конечной целью - исчезновение условий для существования религии: "При непрременном условии гарантии свободы вероисповедания, в ходе поступательного развития экономики, культуры и научно-технической деятельности, в ходе поступательного развития социалистической материальной и духовной культуры постепенно исчезнут общественные и гносеологические причины, обуславливающие возможность существования религии, а в дальнейшем будет уничтожена и сама религия. В ее ликвидации как раз и заключается самое главное в политике по отношению к религии в КНР"⁵.

Соответственно, борьба с ней отнюдь не прекратилась, но ее формы и методы стали более гибкими и разнообразными. Помимо лобовых критических атак со ссылками на авторитет К. Маркса и В. Ленина в оборот атеистической пропаганды вошли, например, лекционные курсы, нацеленные на более широкое ознакомление интеллигенции с догматами и практикой тех или иных религий - разумеется, в свете официальных политических установок. Так, по сообщению агентства Синьхуа, еще в 1979 г. философский факультет Пекинского университета начал чтение лекций по буддизму (по ламаизму отдельно), исламу, христианству и даосизму, что было призвано способствовать пропаганде атеизма⁶.

Однако факты свидетельствуют о том, что ее эффективность была весьма относительной. Мероприятия властей, нацеленные на выправление прежних перекосов в политике в отношении религии, имели следствием тревожные для государства явления - своего рода религиозный ренессанс. Религия стала брать реванш за гонения, которым ее подвергли хунвэйбины.

Это обстоятельство не осталось незамеченным партийно-государственным руководством. "За последние годы, - указал секретарь ЦК КПК Си Чжунсюнь, выступая на Всекитайском совещании начальников управлений по делам религий 6 января 1986 г., - число верующих в сравнении с прошлым увеличилось, среди них больше стало молодежи"⁷. Рост религиозности свидетельствовал об утрате значительной частью граждан доверия к духовному авторитету

КПК. Такого рода явления были чреваты ослаблением политической стабильности, особенно в районах проживания некитайского населения, для которого приверженность вере отцов нередко становится формой неприятия инонациональной и иноверной власти. Это был вызов государству и оно не могло оставить его без внимания. В частности, была провозглашена установка “не пропагандировать и не критиковать” усиление проявлений религиозности у национальных меньшинств. Данная установка поныне популяризируется на страницах журнала “Миньцзу туаньцзе”⁸, специализирующегося на межнациональных отношениях в стране.

В сложившейся ситуации государственное руководство КНР пошло на сосуществование атеизма - идеологической парадигмы КПК - с религией. В 80-е годы воинствующий атеизм явно умерил свой пыл. Так, на 2-й рабочей конференции по Тибету, созванной ЦК КПК в 1984 г., от руководящих деятелей партии можно было услышать заявления о нежелательности упоминаний в публичных выступлениях в Тибете высказываний К.Маркса “религия - опиум народа” и В.И.Ленина “религия - ядовитый опиум для народа”. Эта рекомендация была поддержана руководителями парткома Тибетского автономного района.⁹

Но подобные суждения вовсе не означают, что КПК примирилась с усилением религиозных проявлений. Например, дабы противостоять идеологической угрозе существующему социально-политическому строю со стороны политизированного ислама, Синьцзянская академия общественных наук выпустила учебник атеизма, предназначенный для молодежи Синьцзян-Уйгурского автономного района. Книга, подчеркивая негативную роль религии в долгой истории Синьцзяна, предсказывает “длительную борьбу”, которая должна завершиться уничтожением религии.¹⁰

Появление подобных публикаций - не результат рвения властей на местах, но отражение политического курса государства. В “Документе № 162” Госсовета КНР (сентябрь 1989 г.), на совещаниях по проблемам Тибета (октябрь 1989 г.), на собрании председателей комитетов по делам национальностей (февраль 1990 г.), по вопросам дальнейшей стабилизации обстановки в приграничных национальных районах (март 1990 г.) прямо указывалось, что в такого рода районах следует обращать особое внимание на усиление пропаганды марксистско-ленинского атеизма¹¹.

В то же время в публичных выступлениях представители государственного руководства постоянно заявляли о положительной роли конфессиональных организаций и религии как таковой в общественной жизни страны. Так, выступая в 1992 г. на встрече с ведущими религиозными деятелями Китая, член Постоянного Комитета Политбюро ЦК КПК Ли Жуйхуань отметил, что в 1992 г. религиозные организации сотрудничали с КПК и государственными структурами на различных уровнях и внесли ощутимый вклад в укрепление общественной стабильности¹². Общая положительная оценка роли религии прозвучала на страницах “Жэньминь жибао” и в 1999 г.: отмечалась исторически приобретенная крупнейшими мировыми религиями способность адаптироваться к условиям различных общественных формаций, указывалось на усвоение религиозными системами “огромных духовных богатств”, созданных человечеством, на роль религии как “организующей части традиционной культуры и форм быта широких масс верующих”, системы, “уравновешивающей” и “гармонизирующей” общественные связи.¹³

В этой связи необходимо выделить важную особенность официальной трактовки понятия “религия” в КНР, во многом определяющую политическую линию в данной области. “Религиями” с точки зрения государства являются лишь пять основных вероучений: буддизм, даосизм, ислам, католицизм и про-

тестантство¹⁴, которые имеют свои общеизвестные каноны, догматы, ритуалы, институты, длительную историю и влиятельны во многих странах. "Нормальная религиозная деятельность" именно этих отличных друг от друга конфессий охраняется Конституцией. Наказуема лишь та религиозная практика, которая ведет к нарушению общественного порядка, наносит вред физическому здоровью граждан или государственной системе воспитания и образования.

В то же время растяжимость понятия религиозной "нормы", о которой говорилось выше, оставляет властям свободу рук в борьбе с теми общинами верующих, которые отказываются подчиниться официально утвержденным конфессиональным руководящим организациям. Например, пресекается религиозная деятельность подпольной католической церкви, епархии которой отказываются от официальной регистрации и не входят в дозволенную государством общенациональную католическую организацию. Пров. Хэбэй – один из оплотов подпольных католических общин. Здесь было в обычае ежегодно совершать паломничество к тому месту, куда, как считают католики, снизошла с небес Дева Мария, чтобы защитить христиан во время восстания ихэтуаней (1898-1901 гг.). Последние выступали против всякого иностранного присутствия в стране, боролись с миссионерами и уничтожали соотечественников-христиан. В 1995 г. святое место посетили 10 тыс. человек. Но с 1996 г. правительство провинции запретило паломничество¹⁵. Таким путем предполагалось снизить активность инициировавшей паломничество подпольной католической церкви.

Религиозные конфессии, представленные официальными руководящими организациями, рассматриваются в КНР как структурные составляющие китайского общества и потому – как объект прямого государственного управления. Этим обстоятельством обусловлена такая необычная для современной правовой культуры prerogative государства, как утверждение в сане религиозных иерархов. В данном отношении весьма показательны примеры из недавней истории ламаистских общин в КНР.

В 1981 г. скончался гьялва-кармапа XVI, глава ламаистской секты кагьюдпа. Согласно его предсмертному указанию монахи монастыря Чубу определили мальчика, в которого переселилась душа усопшего, и он был признан адептами секты гьялва-кармапой XVII. Но для властей он стал таковым только после того, как 25 июня 1992 г. Управление по делам религий при Госсовете КНР утвердило его в этом сане¹⁶. Принимая юношу и его свиту в Пекине, Председатель КНР Цзян Цзэминь так напутствовал наставника гьялва-кармапы: "Воспитайте из кармапы, живого Будды, патриотического (курсив мой. – В.К.), любящего религию живого Будду"¹⁷.

28 января 1989 г. умер панчен-лама X, один из двух ламаистских первоиерархов. 30 января Госсовет КНР издал директиву за подписью премьера Ли Пэна: поисками и идентификацией перевоплощения панчен-ламы X должен заниматься комитет демократического управления монастыря Ташилхунпо (традиционной резиденции панчен-лам), результат этой работы утверждает Госсовет¹⁸. Была создана руководящая группа по поискам перевоплощения панчен-ламы, ее состав и направление деятельности непосредственно определялись высшими партийно-государственными инстанциями. По словам члена Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Ли Жуйхуаня, членам группы было указано на необходимость проникнуться идеей патриотизма, признавать руководство центрального правительства, а Цзян Цзэминь и Ли Пэн дали членам поисковой группы немало важных указаний.

Взяв решение вопроса о преемнике панчен-ламы X исключительно в свои руки, партийно-государственное руководство КНР пошло наперекор исторической традиции, согласно которой инкарнация панчен-ламы подтверждается

далай-ламой и он же выносит решение об избрании того или иного кандидата, если их было больше одного¹⁹.

Попытку находящегося в изгнании далай-ламы назвать имя панчен-ламы XI правительство КНР встретило в штыки. Свое исключительное право на утверждение в звании нового панчен-ламы оно мотивировало прецедентом, положенным домом Цин в 1799 г.: император пожаловал претенденту титул панчен-ламы после того, как перевоплощение предыдущего панчен-ламы было идентифицировано посредством жребия. Об этом заявил представитель Управления по делам религий при Госсовете 17 мая 1995 г. корреспонденту агентства Синьхуа. 23 ноября 1995 г. в присутствии представителя центрального правительства жребий определил перевоплощение панчен-ламы X, а 29 ноября было оглашено решение Госсовета о его признании. 8 декабря 1995 г. под руководством и контролем представителя Госсовета Ли Теина состоялась интронизация панчен-ламы XI. От имени Госсовета Ли Теин вручил ему золотой ярлык и золотую печать с текстом на китайском и тибетском языках. Принимая 12 января 1996 г. нового панчен-ламу, Председатель КНР Цзян Цзэминь выразил надежду партии и правительства на то, что панчен-лама XI "станет защищать руководство партии, горячо любить Отечество... горячо любить социализм... внесет свой вклад в защиту единства Отечества, национального единства"²⁰.

Специфика отношений государства и религиозных конфессий в КНР проявляется также в причастности государства, официальной идеологией которого являются марксизм-ленинизм и идеи Мао Цзэдуна, к подготовке кадров священнослужителей. В рассматривавшемся выше "Документе № 19" воспитание нового по своему менталитету отряда священнослужителей было провозглашено стратегической задачей государства. Там отмечалось решающее значение "плановой подготовки и воспитания молодого поколения священнослужителей-патриотов для будущего облика религиозных организаций Китая"²¹.

В 1991 г. ЦК КПК и Госсовет издали уведомление о дальнейшем улучшении работы в области религии, в котором относительно духовных учебных заведений говорилось: "Нужно оказывать поддержку и помощь патриотическим религиозным организациям, чтобы они должным образом заведывали религиозными учебными заведениями, планомерно, организованно воспитывали отряд священнослужителей, которые любили бы государство, принимали руководство партии, твердо шли по социалистическому пути, защищали целостность государства и национальное единство, обладали религиозными знаниями, были способны привязать к себе массы верующих"²².

Эта установка при всей специфичности ее фразеологического оформления имеет традиционные корни. Политическая культура Китая зиждется на конфуцианской этике, которая исходит из примата государственных интересов над интересами личности. Та же парадигма определяет и отношения между государством и религиозными конфессиями в КНР. Религия в Китае – не личное дело граждан, но общегосударственная проблема. Забота государства о воспитании, настроениях, политической ориентации пастырей обусловлена заинтересованностью государственного руководства в подготовке проводников политики КПК в массах верующих. Поэтому Госсовет КНР совместно с Китайской исламской ассоциацией (КИА) субсидирует Китайскую исламскую каноническую академию. Правительство выделяет установленные суммы на богословское католическое училище, на даосскую академию²³, а ректор Китайской буддийской академии Чжао Пучу с полным основанием утверждает: "Буддийское образование никогда не получало такой большой поддержки со стороны правительства как сегодня"²⁴.

Но на такую поддержку могут рассчитывать только те учреждения, которые относятся к пяти официально признанным религиям. Все остальные ре-

лигиозные объединения квалифицируются как "тайные реакционные общества и ритуальные секты" и не подлежат защите со стороны государства. Особенно неприемлемой считается "организация ритуальных сект, использующих феодальные суеверия". Под "феодальными суевериями" подразумевается все, что связано с культом предков, хиромантией - гаданием по руке, геомантией, предсказаниями и т.п. В определенных случаях "суеверия" могут быть наказуемы сами по себе, в соответствии с § 165 Уголовного кодекса. Если же "секты, использующие феодальные суеверия", создаются еще и с "контрреволюционными" целями, то это в соответствии с § 99 Уголовного кодекса наказывается тюремным заключением, помещением под надзор полиции или лишением политических прав на срок до пяти лет. Хотя в Уголовном кодексе упоминаются лишь "ритуальные секты", на практике их не отделяют от "тайных обществ".

Из-за отсутствия соответствующей статистики невозможно назвать число осужденных за принадлежность к тайным сектам и другие нарушения "нормальной религиозной деятельности". Но, по мнению западных специалистов, изучавших систему пенитенциарных учреждений в Северо-Западном Китае и Синьцзяне, по состоянию на 1998 г. некоторые заключенные - представители мусульман Ганьсу, тибетцев (ламаистов) и христиан - отбывали срок по обвинению в политических и религиозных преступлениях²⁵.

Сложность вопроса о дефинициях относительно легитимной и нелегитимной религиозной деятельности, религий как таковых и сект отчетливо показывает история с сектой "Фалуньгун", ставшая одним из центральных событий общественно-политической жизни КНР 90-х годов.

Секту создал в 1992 г. некий Ли Хунчжи. Его синкретичное по характеру учение использует главным образом буддийскую фразеологию, сочетает элементы буддийской и даосской доктрин и опирается на применение традиционной китайской практики психотренинга - *цзун*. Посредством дыхательно-медитативных упражнений адепты секты чают обрести физическое и духовное здоровье, а в конечном счете - грядущее спасение. В силу ряда обстоятельств решение о пресечении деятельности "Фалуньгун" исходило не от прокуратуры, но от высшего законодательного органа страны - ПК ВСНП, который лишь законодательно оформил решение ЦК КПК. Об этом свидетельствуют слова руководителя Буддийской ассоциации Китая, заместителя председателя ВК НПКСК Чжао Пучу, который заявил о своей твердой поддержке решения ЦК КПК сокрушить незаконную организацию "Фалуньгун"²⁶.

Принятый ПК ВСНП закон 114-0 ревизует часть Уголовного кодекса, с тем чтобы вожаки "Фалуньгун" и других подобных групп могли быть обвинены в принадлежности к незаконным "культам", причастным к доведению до смерти, мошенничеству, покушению на национальную безопасность. В директиве, изданной после принятия закона 114-0, Генеральная прокуратура Китая и Верховный народный суд обвиняли "Фалуньгун" в следующих преступлениях: незаконные собрания, сопротивление властям, доведение до смерти вследствие препятствования медицинскому лечению²⁷.

Инициировав гонения на "Фалуньгун", ЦК КПК через свой главный печатный орган газету "Жэньминь жибао" разъяснял, что вопрос об этом сообществе выходит за рамки религиозных проблем, ибо "Фалуньгун" представляет не религию (*цзунцзяо*), но "вредное учение" (*сецзяо*)²⁸.

Потребности повседневной административной практики со всей остротой поставили на повестку дня вопрос о необходимости принятия особого Закона о религии. С такой инициативой в марте 1998 г. выступили члены Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая (ВК НПКСК). Его необходимость мотивировалась отсутствием в Китае закона, определяющего права и взаимные обязанности верующих и властей. По мне-

нию инициаторов этой законодательной инициативы, в Законе о религии должны быть четко зафиксированы положения, определяющие рамки легитимной религиозной деятельности, а также различия между "религиями" и "суевериями". Показательно, что законодательная инициатива в данном случае исходит снизу, а не сверху - от высших партийных органов.

Обобщающий закон такого рода необходим еще и потому, что законодательные акты, принятые в КНР в конце 70-х - начале 80-х годов, определили только общие основания статуса религии в государстве. Власти на местах, исходя из потребностей административной практики, вынуждены были издавать временные нормативные документы. Так, с 1988 г. в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) были приняты и проводились в жизнь такие подзаконные акты и постановления, как "Временный регламент по контролю за местами, отведенными для религиозной деятельности", "Временный регламент по контролю за священнослужителями", "Правила по контролю за делами религий"²⁹. Исполняя права местной автономии, периферийная администрация предвосхищала начинания центра - для политики государства в отношении религии с начала 90-х годов стало характерно издание подзаконных постановлений, призванных определить правовое поле религиозной деятельности.

По утверждению властей, это делается с целью предоставления гарантий свободы вероисповедания. Как заявил начальник юридического отдела Управления по делам религии при Госсовете КНР Хэ Кэмин, "правительство Китая придает огромное значение уважению прав граждан на свободу вероисповедания и их защиту *посредством законодательства*"³⁰ (курсив мой. - В.К.).

Вместе с тем деятельность религиозных конфессий все более строго регламентируется. Показательно в этом отношении обнародование в 1994 г. Государственным Советом КНР "Положения о ведении местами, отведенными для религиозной деятельности". В нем говорится: "Все места, отведенные для религиозной деятельности, должны находиться в независимом ведении ответственных за соответствующие места организаций, законные права и интересы которых, а также нормальная религиозная деятельность, осуществляемая в данных местах, защищаются законом и не подлежат посягательству или вмешательству со стороны какой-либо организации или лица"³¹. Места, отведенные для религиозной деятельности, относятся к "массовым организациям" и должны регистрироваться ответственными правительственными учреждениями в соответствии с существующими правилами³².

Последним по времени официальным документом, излагающим позицию государства в отношении религии в КНР, явилась Белая книга "Религия и свобода совести в Китае", изданная пресс-канцелярией Госсовета КНР в октябре 1997 г.³³ Она показательна, в частности, особым отношением китайского руководства к христианству - большое место в документе отведено разоблачению "неприглядной роли, которую в период новой истории играли в Китае католическая и протестантская церкви"³⁴.

Напоминание о негативной роли христианских миссионеров как проводников экспансионистской политики держав в Китае преследует вполне определенные политические цели: заставить Ватикан отказаться от претензий на вмешательство в дела китайских католиков, которые правительство КНР считает сферой своей исключительной юрисдикции. Как отмечается в Белой книге, "китайское правительство желает улучшить отношения с Ватиканом. Однако для этого должны быть выполнены два условия: во-первых, Ватикан должен порвать так называемые "дипломатические отношения" с Тайванем, признать правительство Китайской Народной Республики единственным законным правительством Китая, признать, что Тайвань является неотъемлемой частью

территории КНР; во-вторых, Ватикан не должен вмешиваться во внутренние дела Китая под предлогом религиозной деятельности”³⁵.

Независимость китайских католиков от Ватикана было засвидетельствовано рукоположением в сан в январе 2000 г. шести епископов, которое было совершено Лю Юаньжэнем, председателем Коллегии китайских католических епископов. Назначение их произошло без какого-либо согласования с Римским престолом. Вновь назначенный епископ Лу заявил, что в течение нового столетия Китайская католическая церковь по-прежнему будет привержена принципам независимости и патриотизма. “Если бы мы не приняли меры (по посвящению в сан епископов. – В.К.) сами, то китайский католицизм не вступил бы в золотой век, в каком мы пребываем сегодня”, – заявил епископ Фу Тешан, председатель Китайской ассоциации католиков-патриотов”³⁶.

Среди различных форм взаимодействия государства с религиозными конфессиями особо следует назвать периодические встречи представителей центрального партийно-государственного аппарата с духовенством. Например, как сообщало агентство Синьхуа, 15 февраля 1996 г. в Пекине по инициативе Отдела единого фронта ЦК КПК состоялось собеседование с участием представителей религиозных кругов. Заместитель заведующего Отделом Ли Дэчжу пожелал им внести новый вклад в межнациональную сплоченность, процветание и единство Родины. В свою очередь представители религиозных организаций, выступая на собеседовании с речами, обещали и впредь выступать за строгое соблюдение законов, за интересы народа, прилагать усилия для осуществления народнохозяйственных планов, для процветания и единства страны.³⁷

Новые акценты в государственном регулировании деятельности религиозных конфессий расставляют руководящие установки, данные Китайской исламской ассоциации: ей вменяется в обязанность защищать мусульман от публичных нападков на их веру и информировать власти о настроениях в мусульманской общине. Выступая на общенациональной мусульманской конференции 27 января 2000 г., начальник Управления по делам религий при Госсовете КНР заявил, что исламские ассоциации должны оказывать мусульманам поддержку в тех случаях, когда средства массовой информации допускают оскорбительные выпады в адрес их веры, и помогать правительственным органам узнать правду.³⁸

Эти указания очевидно связаны с отмечавшимся выше обстоятельством: в многонациональном Китае проблемы религии выступают ипостасью национального вопроса. Националистические и сепаратистские устремления в среде неханьских народов принимают форму религиозного национализма, а положение с исповеданием в Китае мировых религий – буддизма, ислама, христианства – приобретает международную значимость и затрагивает сферу внешнеполитических интересов КНР. Данные проблемы представляют собой предмет естественной озабоченности партийно-государственного руководства.

В 1999 г. на совещании по вопросам национальной работы, проводившемся ЦК КПК, руководители партии и правительства уделили большое внимание проблеме национальных противоречий, особенно остро проявляющихся там, где речь идет о религиях национальных меньшинств. В выступлениях отмечалось, что нередко причинами межнациональных конфликтов и войн выступают религиозные разделения.³⁹ Генеральный секретарь ЦК КПК, Председатель КНР Цзян Цзэминь, определяя задачи партии по национальному вопросу до 2010 г.⁴⁰, особым пунктом выделил укрепление и усиление партийного руководства работой в области национальных отношений. В частности, он говорил следующее: “Необходимо усилить первичные парторганизации в национальных районах, независимо от того, к какой национальности принадлежит член партии, он должен твердо держаться веры в социализм, коммунизм, ему

нельзя исповедовать религиозные учения, участвовать в религиозной деятельности и организовывать ее, принимать участие в деятельности, связанной с религиозными суевериями"⁴¹.

Таким образом, между декларированным в Конституции правом свободы вероисповедания и положением религии в повседневной жизни явно возникают несоответствия. В этом плане мало что могут изменить официальные заявления, вроде того, что прозвучало в изданной в сентябре 1999 г. информационным бюро Госсовета Белой книге "Политика в отношении национальных меньшинств Китая и ее осуществление" (первом издании такого рода за 50 лет существования КНР): правительство провозглашает своим долгом "уважать и защищать свободу национальных меньшинств исповедовать религиозные учения"⁴².

Паллиативное решение проблем, связанных с религией, государство в 90-е годы видело в создании "патриотического единого фронта" верующих всех конфессий. Выступая 20 января 1993 г. на встрече с ведущими религиозными деятелями, Ли Жуйхуань призвал партийные организации различных уровней больше внимания уделять вопросам религии и взаимоотношений с верующими. Он выразил уверенность в том, что, твердо проводя в жизнь принцип "единения и сотрудничества в политике и взаимного уважения взглядов", можно "объединить патриотические силы религиозных кругов и широкие массы верующих, создать патриотический единый фронт"⁴³.

Однако вынужденное пребывание далай-ламы, которого ламаисты считают живым воплощением Будды, за пределами Тибета, проявления воинствующего религиозного национализма в Синьцзяне, деятельность подпольной католической церкви дают основания считать, что идея патриотического фронта верующих КНР под началом КПК еще ждет своего осуществления.

Проблема положения религии в КНР представляет собой также одну из форм проблемы взаимоотношений государства и личности. Причины нестабильности этих взаимоотношений кроются в различии интересов государства и верующих. Последнее понятие в условиях Китая приобретает еще и специфический правовой смысл. Признание статуса "религии" только за верованиями нескольких конфессий, имеющих официально утвержденные руководящие организации, оставляет лишь за их адептами право на свободу отправления религиозных предписаний. Представители любых других религиозных общин к числу "верующих" причислены быть не могут.

Репрессивные меры властей в отношении секты "Фалуньгун", как и пресечение деятельности религиозных общин, не желающих подчиниться юридически признанным конфессиональным организациям, носят не частный характер. Они представляют собой прецеденты, опираясь на которые, правительство Китая намерено и впредь давать отпор попыткам вмешательства во внутренние дела страны под предлогом защиты прав человека, в том числе свободы вероисповедания.

1. Religion in Communist Dominated Areas. 1970. June. Vol. IX. N. 11-12, p. 86.
2. The American Series of Foreign Penal Codes. 25. The Criminal Code of the Peoples Republic of China. Translated and with Introduction by Chin Kim. Littleton (Colorado) - L., 1982. P. 63.
3. Конституция социалистических государств. Т. 1. М., 1987. С. 283.
4. У ши нянь дэ гуанхуэй личэн ши и шэнь чжоу ды вэйда дачэнцзю (Великие достижения в духовной жизни за 50 лет славной истории со времени образования КНР) // Фа инь. 1999. № 10. С. 4.
5. Кузнецов В.С. Исламский фактор в общественно-политической жизни КНР (рукопись, депонир. в ИНИОН РАН). С. 196-200. См. также: Религия и свобода совести в Китае. Пресс-канцелярия Госсовета КНР. Октябрь 1997. Пекин.

6. Impact Internationale. Vol. 9:9, 11-24 May 19-19. P. 15.
7. Миньцзу туаньцзе. 1986. № 3. С. 6.
8. Миньцзу туаньцзе. 1985. № 8. С. 31.
9. Sharlo T.W. China's Reforms in Tibet: Issues and Dilemmas // The Journal of Contemporary China. Vol. 1. N 1. Fall, 1992. P. 39-40.
10. Warikoo K. Ethnic Religious Resurgence in Xinjiang // Eurasian Studies. Ankara. 1995/96. Vol. 4. N 2. P. 5.
11. Современный Синьцзян и его место в казахстанско-китайских отношениях. Алматы, 1997. С. 174.
12. Жэньминь жибао. 1993. 20 января.
13. Синь Чжишэн. Вэй шэммо "Фа лунь гун" ши сецзяо бу ши цзунцзяо (Почему "Фалуньгун" является вредным учением, а не религией) // Жэньминь жибао. 1999. 2 декабря.
14. Протестантизм в Китае принято обозначать термином цзидуцзяо (христианство), в отличие от католицизма - тяньжучзяо (букв. "учение Хозяина Неба"). Под обозначение цзидуцзяо подпадает и Православие, имеющее в КНР считанное число приходов.
15. Far Eastern Economic Review. July 2, 1998. P. 32.
16. Фа инь. 1994. № 11. С. 5.
17. Там же. С. 6.
18. Чжунго Сицзан. 1989. № 7. С. 5.
19. Michael F. Rule by Incarnation. Boulder. 1982. P. 43.
20. Жэньминь жибао. 1996. 13 января. Фа инь. 1996. № 2. С. 3.
21. Сюэ Чэн. Ман тань фоцзяо жэньцай цзяньшэ (Свободно поговорим о воспитании буддийских талантов) // Фа инь. 1999. № 10. С. 7.
22. Сюэ Цзыцзянь. Чжунго далу цзунцзяо юаньсяо сянькуан фэньси (Анализ современного положения религиозных учебных заведений на континенте) // Чжунго далу яньцзю 1996. Т. 39. № 1. С. 37.
23. Сюэ Цзыцзянь. Указ. соч. С. 41, 43, 46.
24. China Daily. 1998. 20 October.
25. Dreyer J.T. Concentration on the Camps // Free China Review. Oct. 1998. P. 38.
26. The Daily Yomiuri. 1999. 12 August
27. Ibid. 1999. 1 November.
28. Синь Чжишэн. Указ. соч. Термин сецзяо принято переводить как "ересь", но его этимология несколько иная: в данном случае государство оценивает не соответствие вероучения неким догматам - ортодоксии, которой противопоставляется "ересь" в западной традиции, но "вредоносность" (се) идей и практики "Фалуньгун".
29. Синьцзян жибао. 1998. 26 декабря.
30. Shao Zongwei. Religious Freedom Enters New Golden Age // China Daily. 20 Шсеци-ук. 1998.
31. Religious Affairs in China // Beijing Review. Sept. 1-7, 1997. P. 11
32. Ibid. P. 11.
33. Религия и свобода совести в Китае; Freedom of Religious Belief in China. Information office of the State Council of the Peoples Republic of China. Oct. 1997. Beijing.
34. Религия и свобода совести в Китае. С. 18.
35. Там же. С. 21.
36. Beijing Review. Jan. 17. 2000. P. 7.
37. Фа инь. 1996. № 3. С. 40.
38. Beijing Review. Febr. 7. 2000. P. 7.
39. Чэн Ин. Данцянъ чжунгун дэ шаошу миньцзу гунцзо (Работа КПК в отношении национальных меньшинств на современном этапе) // Чжунго яньцзю. 1999. № 11. С. 53.
40. Эти установки Цзян Цзэминь изложил в выступлениях на двух конференциях, посвященных национальному вопросу, проведенных ЦК КПК и Госсоветом КНР в 1992 и 1999 гг.
41. Чэн Ин. Указ. соч. С. 53.
42. Там же.
43. Фа инь. 1992. № 3. С. 36.

Научная жизнь

Присуждение ученой степени доктора наук honoris causa видным ученым КНР

Президиум Российской академии наук 25 октября 2000 г. утвердил постановление Общего собрания Отделения международных отношений РАН, принятого по представлению Института Дальнего Востока, о присуждении ученой степени доктора наук *honoris causa*:

специальному советнику Президиума Академии общественных наук Китая доктору экономических наук, профессору Лю Гогуну (Китайская Народная Республика, г.Пекин) за большой вклад в разработку концепций устойчивого развития стран с переходной экономикой, социально ориентированной хозяйственной реформы в КНР, значительный вклад в развитие и укрепление экономического и политического сотрудничества между Россией и Китаем, в расширение научных связей между Академией общественных наук Китая и Российской академией наук;

директору Института Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных наук Китая, доктору исторических наук, профессору Ли Цзинцзе (Китайская Народная Республика, г.Пекин) за вклад в изучение истории российско-китайских отношений, за активное участие в восстановлении и развитии дружественных связей и отношений стратегического партнерства между Россией и Китаем, большой личный вклад в расширение контактов между учеными Академии общественных наук Китая и Российской академии наук.

Научная конференция Центра исторических и политических исследований Китая ИДВ

На конференции, состоявшейся 18 декабря 2000г., было заслушано 19 докладов по проблемам внутренней политики и истории Китая. Основные направления и проблемы внутренней политики КНР на современном этапе были освещены в докладах д.и.н. Н.Л.Мамаевой «Основные направления политики КПК на рубеже веков», к.и.н. Р.М.Асланова «Процесс становления рыночного

социализма в КНР: от справедливости к эффективности?”, к.и.н. В.А.Смирнова “Идеологическое обоснование политической системы КНР”. Д.и.н. А.М.Григорьев в докладе “Белые пятна” в освещении истории КНР в период реформ (1978–2000 гг.) в отечественной историографии остановился на проблемах, возникших при подготовке “Очерков истории Китая в период реформ”. Темы политических реформ рассматривались в докладах к.ю.н. В.Ф.Бородича “К вопросу о политическом реформировании в КНР”, с.н.с. А.В.Шитова “Ход административной реформы в КНР в 2000 г.”, с.н.с. Т.М.Емельяновой “Общественные организации КНР на пороге XXI века”. В докладе д.и.н. А.А.Москалева “К дискуссиям о национализме в КНР в 90- гг.” был отмечен всплеск националистических настроений, нашедший свое отражение в стране, в китайской научной литературе и периодике, в частности, в тезисах об особом, “позитивном” “китайском национализме”.

Д.и.н. В.Н.Усов в докладе “Публикации по истории КНР в Китае 1996–1999 гг. и их оценка” представил обзор новейшей китайской литературы. Д.филол.н. В.Ф.Сорокин в сообщении “Нобелевская премия Гао Синцзяню – литература или политика?”, охарактеризовав обстановку вокруг присуждения премии, пришел к выводу, что премия Гао Синцзяню в большей степени – политическая акция нежели признание литературных заслуг. В двух докладах рассматривалась чрезвычайно острая для Китая проблема водных ресурсов. К.э.н. Е.В.Бирюлин охарактеризовал эту проблему с точки зрения новейшего водно-хозяйственного законодательства КНР, а к.и.н. А.А.Козлов – с общеэкономической точки зрения, сочтя состояние этих ресурсов близким к предкризисному. Аспирант ЦИПИК Г.А.Аршавский подготовил доклад о сотрудничестве РФ и КНР в борьбе с организованной преступностью.

Три доклада на конференции были посвящены различным политико-правовым аспектам развития Тайваня. В докладе д.ю.н. Л.М.Гудошниковы были охарактеризованы конституционные изменения 2000г., в результате которых Национальное собрание Тайваня перестало существовать в качестве постоянно действующего органа. К.и.н. В.Г.Ганшин в своем докладе осветил некоторые проблемы формирования правительства на Тайване после президентских выборов 2000 г., когда высший пост в республике впервые был занят представителем оппозиции. Н.с. Н.И.Иванова рассказала о современном этапе реформы органов юстиции Тайваня.

Д.и.н. Ю.М.Галенович поделился своими воспоминаниями о личных встречах с Мао Цзэдуном.

В целом прошедшая конференция стала творческим отчетом сотрудников Центра исторических и политических исследований Китая за истекший год.

© 2001

*Н.Иванова,
научный сотрудник ИДВ РАН*

Рецензии

Попова И.Ф. Политическая практика и идеология раннетанского Китая. М.: Восточная литература РАН. М., 1999.

В китайском театре должно видеть не то, что показывают, а то, что подразумевают.

Н.Я.Бичурин

Эпоха Тан по праву считается "золотым трехвековьем" китайской истории. Действительно, в этот период в Китае происходит консолидация национального самосознания, стабилизация государственной власти, укрепление экономики страны, наступает расцвет литературы, искусств, науки. Все это создает предпосылки для проведения активной внешней политики, расширения имперской территории. В чем же секрет такого длительного, даже по меркам китайской истории, подъема страны после нескольких столетий распада и междоусобиц?

Исследователи уже не раз пытались ответить на этот вопрос. Но их подходы к проблеме, как правило, носили фрагментарный характер. Сочетание системного анализа с конкретно-историческим подходом, дополнительное комплексным рассмотрением цивилизационных факторов, позволило И.Ф. Поповой получить выводы фундаментального характера. В рассматриваемой монографии впервые в отечественном и мировом китаеведении на основе системного анализа политической культуры раннетанского Китая дано комплексное решение проблемы природы устойчивого развития Танской империи.

Нет необходимости говорить о научной полноте такого решения, хочу обратить внимание на его актуальность. В самом деле, для многих государств сегодняшнего мира стоит проблема выхода из затяжного кризиса, это касается и нашей страны. Опыт Китая может быть полезен при его переосмыслении с учетом другой эпохи, конкретных условий действия иных государственных и общественных структур. Не случайно и то, что в самом Китае спустя многие столетия правящие элиты не раз обращались к достижениям

раннетанского периода как к классике государственного управления.

Автор строит свое исследование на незыблемой основе сложнейших источников не только танской эпохи, но и других, не обязательно близких по характеру, периодов истории Поднебесной. Это позволяет вести сравнительный анализ, панорамно рассмотреть становление и развитие политических теорий, институтов, практику принятия и реализации политических решений. При этом И.Ф. Попова критически сверила свои выводы с наблюдениями предшествовавших исследователей, используя большой свод литературы на русском, китайском, японском, английском и французском языках.

В основе политической культуры Китая лежат древние философские системы и политические учения. Перед основателями Танской династии встала необходимость выбора из обширного спектра этих систем и учений идеологической основы для создания собственной теории государственного управления. Опыт предыдущих столетий подсказывал, что, например, наставления Лао-цзы совершенному правителю путем "деяния недеяния"¹ не могли решить конкретные задачи, вставшие перед новой династией, свергнувшей суйского Ян-ди в результате восстания. Первым танским императорам надо было во чтобы то ни стало доказать китайскому народу и окружающему миру свою легитимность в качестве новых правителей Китая. Здравый смысл подсказывал необходимость построения для решения этой задачи определенной иерархии первоочередных деяний. Во-первых, следовало найти социальную опору для построения вертикали власти, подчинить интересам государства любые личностные

устремления, чтобы покончить с раздробленностью страны, во-вторых, выработать юридические нормы и идеологические установки, характеризующие режим правления, гармонизировать отношения верхов и низов общества и, в-третьих, результативно бороться с соперниками внутри страны и противниками за ее пределами.

Этому учили и огромные своды исторических прецедентов, собранных в классических книгах. Что приводило правителей к гибели? В "Го юй", например, был блестящий пример того, чего нельзя допускать при управлении империей. Историкограф Бо на вопрос правителя Хуань-гуна "Ждет ли дом Чжоу гибель?" ответил: "Он уже почти на краю гибели... Ныне [чжоуский] ван, отстранив от себя умных и прославленных, благоволил к клеветникам, развратникам и невеждам, он приближает к себе порочных, глупых, дурных и упрямых, отвергает [принцип] слияние противоположностей (хэ) и предпочитает слияние единообразного (тун). А ведь именно слияние противоположностей, по существу, рождает все вещи, в то время как слияние единообразного не приносит потомства. Умение усмирить одно с помощью другого называется слиянием противоположностей, благодаря этому [принципу] все бурно растет и все живое подчиняется ему"².

Придерживаться конфуцианских норм, произвести слияние противоположностей — добавить в конфуцианскую политическую культуру все лучшее, что можно было взять у давних противников Китая, кочевников-степняков — таков был путь, избранный первыми танскими императорами. Чем был определен этот оправдавший себя выбор? На мой взгляд, скорее всего опытом предков, ведь род Ли, как показано в монографии, брал свое начало от аристократии северо-западной части нынешней провинции Ганьсу, т.е. района, на протяжении столетий практически являвшегося контактной зоной двух упомянутых цивилизаций. Неслучайно, что мать первого танского императора — Ли Юаня (Гао-цзу) — происходила из тюркского клана Дугу, из тюркской аристократии он выбрал и жену, родившую ему четырех сыновей и дочь. Второй из сыновей, Ли Шиминь, уже в раннем детстве имел царственную внешность (с.12-14), ему и суждено было стать императором Тай-цзуном.

Синтез различных по цивилизационным показателям политических культур стал плодотворным средством стабилиза-

ции китайского общества и его экономического подъема. Этот вывод, убедительно обоснованный И.Ф. Поповой, представляется чрезвычайно важным для исследования государственных структур полиэтнических обществ в любые исторические эпохи.

Военная кампания по захвату западной столицы Суй — Чанъани — стала успешной во многом благодаря тому, что Ли Шиминь с юных лет был искусен в составлении и реализации стратегем (с.14, 15-16, 27-28.). По его высказываниям можно судить, что он был последователем Сунь-цзы (с.33). Титул "Генерал Небесной стратегии" был присужден ему по заслугам. Весьма показательным и его отношение к историческим источникам, официальной документации и ученым, постоянно дежурившим в его дворце (с.34-35). Но первые меры по государственному обустройству были предприняты самим Гао-цзу, хотя Ли Шиминь, ставший главой Кабинета министров — высшего исполнительного органа, которому подчинялись шесть министерств, — фактически взял в свои руки основную вертикаль власти — бюрократию. Разумеется, в этой роли он не мог стоять в стороне от создания государственного механизма и отладки его функционирования.

Придя к власти, Ли Шиминь столкнулся с оппозицией в лице старого чиновничества. Император решительно расправился с несогласными. "В дальнейшем, — отмечает автор, — ключевые должности в администрации Тай-цзуна занимали люди в большинстве своем молодые, связанные с ним со времени объединительных походов; многие прежде входили в Литературную палату. Они обладали прекрасными деловыми качествами" (45).

Интересен данный И.Ф. Поповой анализ взаимодействия центра и местной администрации. Министерство чинов ежегодно проводило инспекцию на местах, "не допуская, во-первых, продолжительной (более трех лет) службы на постах начальников областей и уездов и пр. и, во-вторых, назначений в родные места" (с.26). Это означает, что административные посты в империи не были средством "кормления" для глав местных органов власти, что борьба с коррупцией велась достаточно последовательно.

Расходы на армию существенно снижались за счет того, что воины большую часть времени были вовлечены в сельскохозяйственное производство. Функционирование государства невозможно без транспортной инфраструктуры. Поэтому

Гао-цзу уделил большое внимание строительству и восстановлению дорог, каналов, устройству почтовых станций. Поощряя развитие торговли, верховная власть держала рынки под государственным контролем. С первых же дней правления Тан была восстановлена налоговая система. В рассматриваемой монографии справедливо подчеркивается, что энергичная государственная деятельность Гао-цзу, его гибкая политика в отношении вчерашних соперников в борьбе за престол во многом определили жизнеспособность танского режима.

Что касается императора Тай-цзуна (Ли Шиминя), то логичной и обоснованной представляется мысль о том, что императору Тай-цзуну не пришлось предпринимать каких-либо коренных реформ в сфере государственного управления, его преобразования сводились к развитию и уточнению уже существовавших структур. Важнейшая заслуга Тай-цзуна заключалась в формализации политических отношений: отлаженная придворная совещательная деятельность в период Чжэнь-гуань стала существенным механизмом, обеспечивающим политическое согласие в обществе и регулирующим скрытое напряжение внутри правящего класса. К этим выводам И.Ф.Попова подводит читателя, я бы сказал, тонко и ненавязчиво.

Придворная совещательная система, действительно, была большим достижением абсолютистского режима. Тай-цзун требовал, чтобы чиновники Государственного секретариата и Дворцовой канцелярии не были озабочены лишь тем, как повиноваться высочайшим повелениям и следовать настроениям императора. Он добивался того, чтобы бюрократы работали, а не поддакивали, чтобы выискивали неточности в предлагаемых указах, "докладывали о достоинствах и недостатках монарших дел" (с.88). Высшее чиновничество было разделено на две группы: те, кто были выше 9 ранга, приглашались для обсуждения политической ситуации дважды в месяц, а для тех, кто был выше 5 ранга аудиенции проводились ежедневно на протяжении 12 лет. Лишь в ноябре 639 г. был принят новый регламент: проводить встречи раз в три дня. Но это было обосновано высокой эффективностью работы государственной машины в целом.

На мой взгляд, танская совещательная система (с.83-98), заимствованная из тюркской политической практики, не была даже формальной данью демократизму. Это был гениальный метод постоянно-го превентивного оскопления придворной

оппозиции, предоставления ей права голоса, даже с критическими нотками, что лишало ее возможности возвысить голос до такой ноты, при которой он мог бы быть услышан вне стен дворца. В мировой истории не многие абсолютные монархии додумывались до такого метода идеального выхолащивания придворных. И в то же время, по моему мнению, в самом этом методе была почва для бацилл стагнации. Он мог вести к блестящей имитации государственной деятельности, к вырождению системы от работы на холостом ходу. В совещательной практике не было главного — независимости высказывающегося от того, кого он должен был критиковать. Принцип подбора сподвижников с использованием "не только нравственной оценки, но и рационализма", учета индивидуальных психологических особенностей людей (с.98-99) обусловил такую ситуацию. Личного мужества было недостаточно, оно порождало лишь отдельных героев, тогда как "нормальные герои" всегда "шли в обход". В диалоге с властью действовала гениальная формула Е.Л.Шварца — "...прямо скажу тебе всю правду (пауза): умнича ты, король!".

Интереснейшим разделом монографии И.Ф.Поповой является, анализ политического завещания Тай-цзуна "Ди фань" (с.55-71). Этот трактат, написанный императором для своего потомка, преемника на троне, был итогом личного опыта, плодом "ума холодных наблюдений и сердца горестных замет". Он отличается от "Государя" Н. Макиавелли большей систематизированностью, конкретностью и практической обоснованностью наставлений. Но, главное, он выше с моральной точки зрения. Этот труд стал классическим. Пожалуй, именно он в наибольшей мере сделал для потомков классической и раннетанскую политическую культуру. Детальный анализ этого произведения традиционной китайской политической мысли, его введение в пользование научным сообществом — несомненная заслуга автора монографии. Думаю, что "Ди фань" вместе с произведением "Чжэнь-гуань чжэн яо", составителем которого был У Цзин, (с.71-73), заслуживают полного перевода и издания отдельной книгой, как это сделал Л.С.Переломов с "Шан цзюнь шу".

Еще несколько аспектов монографии И.Ф.Поповой заслуживают быть отмеченными особо. Во-первых, это — анализ военного строительства и связанные с войнами внешнеполитические установки тан-

ского двора. С моей точки зрения, автору удалось в полной мере показать новые стороны действия дихотомии "Китай – варвары". Конечно, император в равной степени заботился обо всех жителях Поднебесной, но в раннетанский период варваров приобщали к цивилизации и тем, что включали их в состав имперской армии, а также вменяли в обязанность вести малые "беспокоящие" войны с другими варварскими соседями империи. Гибкая военная политика и дипломатия имели четкую стратегию направленность: восстановить империю в границах, существовавших в Ханьскую эпоху.

С территориальными приобретениями тесно связана и политика внутреннего обустройства имперских земель, создания надежной для центра местной администрации. Эти задачи решались танским двором путем увеличения уделов, пожалованных ближним и дальним родственникам императора. Клан, семья должны быть опорой трона и руководить страной – такова была политическая философия Тай-цзуна. Жизнь показала не столько теоретическую непогрешимость этого постулата, сколько его неистребимость в любых властных или теневых структурах.

Бесспорный интерес представляет демографическая политика Тай-цзуна. В результате побед над тюрками в 629-630 гг. в Китай были возвращены 1 млн. 200 тыс. человек. Реализация императорского "Указа о поощрении народа к заключению браков" позволила довести численность податных дворов в стране до 3 млн. 800 тыс. (с.52). Эти цифры достаточно впечатляющи даже по сегодняшним меркам.

К несомненной заслуге И.Ф. Поповой должно быть отнесено и детальное рассмотрение идеологических положений, которыми руководствовалась династия Тан. Привлекает историко-философский подход, раскрывающий диалектику развития многого, что зародилось в эпоху Тан. Вместе с тем мне представляется крайне важной и интересной проделанная автором работа по выявлению тех оценок, которые давались правлению династии Тан в более поздние периоды истории Ки-

тая. Одна из особенностей китайской политической мысли – использование банка прецедентов. Так вот если использовать что-то подобное современному "индексу цитирования", то раннетанская теория и практика управления, очевидно, заняли бы если не первое, то одно из первых мест в трудах многих поколений политиков, историков, философов, военных и гражданских чиновников.

Поэтому естественными представляются выводы, который сделаны И.Ф. Поповой в заключении монографии: "Важнейшим историческим достижением раннетанской эпохи стало создание теории государственного управления, которая обеспечивала жизнеспособность бюрократической империи и оптимально выражала интересы основных политических сил – монархии и бюрократии... На практике стабильность государственного управления китайской империей зависела от воплощения монархом регулирующей функции поддержания баланса интересов, ограничения роли центров влияния внутри правящей элиты... Основным механизмом, обеспечивающим политическое согласие внутри господствующей элиты раннетанского Китая, была совещательная практика" (с.207).

Хочу отметить, что И.Ф. Попова является крупным специалистом по истории средневекового Китая, давно уже зарекомендовавшим себя как оригинальный исследователь. Цикл ее статей по истории именно раннетанского Китая, наряду с рецензируемой монографией получили широкое признание среди специалистов, многие выводы И.Ф. Поповой уже приняты и действуют в нашей науке. Докторская диссертация, которую И.Ф. Попова защитила по проблематике рецензируемой монографии, пополнена новыми материалами, в частности, анализирующими идеологические аспекты раннетанского режима и посттанскую историографию. Это позволило автору включить в текст работы новые главы. Думаю, что было бы полезно предпринять второе, дополненное издание монографии "Политическая практика и идеология раннетанского Китая".

1. Лукьянов А.Е. Лао-цзы и Конфуций. Философия Дао. М., 2000. С.180.
2. Переломов Л.С. Конфуций: жизнь, учение, судьба. М., 1993. С.35.

Русско-китайские отношения в XX веке.

Материалы и документы. Т. IV : Советско-китайские отношения 1937-1945 гг. Книга 1: 1937-1944 гг., книга 2: 1945 г.

Ответственный редактор С.Л.Тихвинский.

Составители: А.М.Ледовский, Р.А.Мировицкая, В.С.Мясников.

М. Памятники исторической мысли, 2000.

Уходящий в историю XX век изобилует многими судьбоносными для всего мира событиями, революциями и войнами. Самой трагической эпопеей этого столетия, безусловно, была Вторая мировая война, которая привела к колоссальным разрушениям и унесла жизни десятков миллионов человек в Европе и Азии, поставила на грань выживания целые народы и государства. Прошло более полувека с этой поры. Наказаны виновники войны – главаря фашистской Германии и милитаристской Японии. СССР сыграл решающую роль в сокрушительном разгроме агрессоров – Германии и ее сателлитов в Европе и Японии в Азии. Ценою огромных жертв были спасены многие народы от порабощения. За прошедшие более полувека опубликовано огромное количество исследований, книг, мемуаров, документов, раскрывающих истоки и причины этого мирового катаклизма, усилия, предпринимавшиеся Советским Союзом с целью предотвращения мировой войны, поиска союзников и создания коалиции держав, которая могла бы противостоять агрессивному фашистскому блоку.

Однако летопись истории Второй мировой войны еще не завершена. Более того, не могут не настораживать проявляющиеся в отдельных публикациях и СМИ намерения пересмотреть итоги этого периода и роль Советского Союза. В угоду политической конъюнктуры и сомнительным целям, недобросовестными авторами замалчивается и даже порой искажается историческая правда. Отчасти это происходит из-за недостатка информации, рассекреченных и опубликованных подлинных документов и материалов того сурового военного времени. И если о войне в Европе опубликовано многое или почти все, то о дальневосточном театре военных действий, особенно об активной и разносторонней поддержке Советским Союзом Китая в японо-китайской войне 1937-1945

гг., решающей роли СССР в разгроме японских агрессоров известно значительно меньше, что дает повод к различным инсинуациям и измышлениям, бросающим тень на нашу страну, оскорбляющим наш народ.

Вышедший в свет очередной том документов о советско-китайских отношениях в годы войны китайского народа против японской агрессии, Великой Отечественной войны советского народа и Второй мировой войны несомненно укрепит позиции исторической науки, а заинтересованному читателю поможет глубже познать правду об отношениях между СССР и Китаем, двумя великими дружественными государствами-соседами в этот тяжелый для них и всего мира период.

В опубликованных в двух книгах многочисленных документах (около 900) в хорошем оформлении издательства "Памятники исторической мысли" по существу можно найти ответы и разъяснения по многим наиболее существенным вопросам межгосударственных отношений Советского Союза и Китая в период антияпонской войны. В сложной международной обстановке военных лет, к тому же в условиях жесткого противостояния и борьбы за власть в самом Китае между Гоминьданом и Компартией, Москва хорошо ориентировалась и находила оптимальные решения, отвечающие интересам всего китайского народа.

Лейтмотивом китайской политики СССР в тот период было стремление содействовать внутривнутриполитическому единству в стране, предотвращению гражданской войны, созданию единого антияпонского фронта, ибо только путем сплочения перед общей угрозой Китай мог отстаивать свою свободу и независимость, заложить базу для построения единого и сильного государства.

Об этом свидетельствуют многие взятые из архивов Президента РФ и

МИД России, впервые опубликованные и тем самым введенные в научно-исследовательский оборот важнейшие постановления Политбюро ЦК ВКП(б) по китайской проблеме, записи бесед И.В.Сталина с китайскими делегациями, направлявшимися Чан Кайши в Москву с просьбами об оказании помощи Китаю, политические письма сопосольства с оценками международной ситуации, директивы советскому полпреду в Китае и т. п. Документы неопровержимо подтверждают, что приоритетным направлением политики Москвы было оказание морально-политической, дипломатической и военно-технической помощи Китаю в антияпонской войне.

Документы и материалы IV тома наглядно показывают, что только Советский Союз реально выступал в защиту Китая в критическое для него время. Неоднократные обращения Китая и СССР к Лиге Наций с призывами принять все необходимые меры к пресечению японской агрессии не получили поддержки со стороны западных государств. По этой же причине не была реализована отстаиваемая Советским Союзом идея коллективной безопасности и заключения Тихоокеанского регионального пакта, который мог бы остановить японскую агрессию. Попытки правительства Чан Кайши заручиться поддержкой со стороны США, Великобритании и других западных держав оказались тщетными. Не умиротворили Японию и соглашательские предложения отдельных прояпонских политических группировок Китая пойти на некоторые территориальные уступки, чтобы не допустить крупномасштабной войны. В июле 1937 г. Япония, не ограничиваясь ранее захваченной ею Маньчжурией, без объявления войны начала широкомасштабную агрессию с целью покорения всего Китая. Хорошо вооруженные и обученные японские войска повели наступление на всех фронтах. Оказавшись в отчаянном положении, гоминьдановское правительство обратилось за помощью к своей последней надежде - Советскому Союзу и предложило заключить военный союз для совместной борьбы против Японии. В условиях, когда на западе нарастала угроза нападения на нашу страну со стороны агрессивной фашистской Германии, вступление в войну с милитаристской Японией для СССР означало бы вести тяжелые кровопролитные сражения на двух фронтах. Отклонив идею о военном союзе, Москва предложила китайскому правительству заключить

договор о взаимном ненападении, который, не втягивая СССР в открытую войну против Японии, осуждал "обращение к войне для разрешения международных споров" (имелась в виду агрессия Японии) и создавал правовую основу для оказания борющемуся Китаю крайне необходимой для него материальной и военно-технической помощи. Договор был подписан 21 августа 1937 г. и вскоре был подтвержден практическими делами. СССР стал активно помогать Китаю, предоставляя кредиты и направляя ему самолеты, оружие и другое военное снаряжение. История этих переговоров, на которых решались вопросы о характере, масштабах и объеме военной помощи СССР Китаю, подробно изложена в содержащихся в сборнике документах. Нельзя забывать и тот факт, что даже в годы Великой отечественной войны на западе СССР дислоцировал на Дальнем Востоке от 30 до 40 дивизий, которые сдерживали возможные агрессивные действия миллионной японской армии в Маньчжурии против СССР и использование этих войск на других фронтах в Китае.

Интерес у читателя несомненно вызывают документы с политическим анализом китайской проблемы и содержание бесед советских послов и других дипломатов с китайскими руководителями и представителями различных политических и общественных кругов, изложенные в письмах и телеграммах, направленных в Москву в 1937-1945 гг.

Составители IV тома вполне справедливо выделили в отдельную книгу документы и материалы, относящиеся к 1945 году, который стал поворотным историческим этапом в дальнейшей судьбе Китая и советско-китайских отношений. Внимание читателей, конечно, привлекают характер и содержание важных переговоров на правительственном уровне между СССР и Китаем в июле-августе 1945 г., т.е. накануне капитуляции Японии. Подписанные 14 августа 1945 г. советско-китайский договор о дружбе и союзе, другие соглашения не только демонстрировали всему миру достигнутые успехи в отношениях между двумя государствами, но и закладывали основу для всестороннего сотрудничества СССР и Китая на завершающем этапе второй мировой войны и в последующие годы.

Внимание ученых, политиков и широкой общественности, конечно, привлекают такие документы, как переписка

И.В.Сталина с Чан Кайши, записи переговоров И.В.Сталина с делегацией, возглавлявшейся председателем Исполнительного юаня и министром иностранных дел Китая Сун Цзывэнем (июль-август 1945 г.), записи бесед И.В. Сталина с сыном Чан Кайши - Цзян Цзинго, посетившим Москву со специальной миссией в конце декабря 1945 г. - начале января 1946 г. Все эти материалы дают наглядное представление о характере межгосударственных отношений двух стран в ответственный период истории, о том, как происходило обсуждение и решение широкого круга вопросов не только внешней, но и внутренней политики Китая, определялась дальнейшая судьба страны с учетом складывавшейся обстановки.

Разгром Советским Союзом самой мощной группировки японских войск в Маньчжурии поставил последнюю точку в истории второй мировой войны. Решающая роль СССР в победе над Японией признавалась в то время всеми политическими силами в Китае, как Гоминьданом, так и КПК. В научно обоснованном и весьма убедительном предисловии к IV тому советско-китайских отношений его составители наглядно иллюстрируют этот факт соответствующими высказываниями. Так, в телеграмме на имя И.В.Сталина 15 августа 1945 г. Чан Кайши подчеркивал, что "решительное участие Советского Союза в войне является одной из главных причин, ускоривших разгром жестокого врага". Мао Цзэдун высказывался на этот счет более определенно и категорично: "Советский Союз вступил в войну. Красная армия пришла на помощь китайскому народу в изгнании агрессора. Это небывалое в истории Китая событие. Его влияние трудно переоценить. Пропагандистские органы США и Чан Кайши пытаются двумя атомными бомбами свести на нет влияние Красной Армии. Однако его не сведешь на нет - это не так легко сделать. Может ли атомная бомба решить исход войны? Нет, не может. Атомные бомбы не смогли заставить Японию капитулировать... Если атомная бомба могла бы решить исход войны, то зачем было просить Советский Союз вступить в войну? Почему Япония не капитулировала, когда на нее были сброшены две атомные бомбы, и почему она пошла на капитуляцию сразу же после вступления Советского Союза в войну?... Вступление Советского Союза в войну предопределило капитуляцию Японии". (Мао Цзэдун. Избранные произведения.

Т. IV. Пекин, 1969. С. 20-21).

По объективным причинам, обусловленным большим объемом материалов и строго определенными рамками межгосударственных отношений, составители IV тома не ставили перед собой задачу включать в него в полном объеме документы, касающиеся межпартийных связей, переписки, обмена мнениями и дискуссий между ЦК ВКП(б) и ЦК КПК, И.В.Сталиным и Мао Цзэдуном, которые велись по сугубо конфиденциальным каналам. Вопросы взаимоотношений руководителей КПК с гоминьдановским правительством Чан Кайши и Кремлем лишь частично затрагиваются в публикуемых записях бесед советских дипломатов и в примечаниях к сборнику. Анализ и характеристика советско-китайских отношений в этот период в более полном объеме содержится в ранее опубликованных книгах и статьях известных советских китайедов.¹ Продолжается исследование большого пласта хранящихся в российских архивах материалов, характеризующих роль, место и значение КПК в период антияпонской войны, проблемы взаимоотношений руководителей Компартии Китая с ЦК ВКП(б) и Коминтерном. Еще не дана в полном объеме правдивая оценка советов и рекомендаций Москвы по вопросам стратегии и тактики революционной борьбы в Китае, а также политического курса Мао Цзэдуна. В той или иной форме такого рода материалы издаются в отдельных сборниках и будут опубликованы в следующем, V томе серии "Советско-китайские отношения", охватывающем период 1946-1950 гг.

Победа над Японией явилась поворотным событием, предопределившим дальнейшую судьбу Китая. Были созданы благоприятные условия для китайских коммунистов в их борьбе с Гоминьданом за власть в стране. Опираясь на образованную с помощью СССР Маньчжурскую революционную базу, Народно-освободительная армия Китая повела широкое наступление на чанкайшистов, закончившееся изгнанием их на Тайвань и провозглашением 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики. Роль Советского Союза в политической борьбе вокруг "маньчжурской проблемы", в отражении попыток США вмешаться во внутренние дела Китая в нарушение международных соглашений и с помощью Чан Кайши завладеть военно-промышленным потенциалом Маньчжурии, в укреплении позиций КПК на северо-востоке страны и в конечном

счете - в победе китайской революции еще не до конца раскрыта, архивные материалы еще подлежат дальнейшему глубокому исследованию.

Документы, опубликованные в рецензируемом фундаментальном издании, могут послужить хорошим подспорьем и источником дополнительной информации для военных историков и других исследователей периода второй мировой войны, ее международных аспектов. Особенно в связи с подготовкой серии мероприятий в России и за рубежом по случаю предстоящего 60-летия великой Победы.

В целом публикация материалов и документов о советско-китайских отношениях периода 1937-1945 гг., осуществленная Институтом Дальнего Востока РАН при содействии Историко-документального департамента МИД РФ и Федеральной архивной службы РФ, является большим вкладом в историческую науку и призвана содействовать укреплению взаимопонимания и взаимного доверия между народами России и Китая, вставшими на путь равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия в XXI веке.

© 2001

*О. Рахманин,
доктор исторических наук, профессор,
Чрезвычайный и Полномочный посол,
Ю. Песков,
старший научный сотрудник ИДВ РАН*

-
1. См.: например: Тихвинский С.Л. Путь Китая к объединению и независимости. 1889-1949. М., 1996; Владимиров П.П. Особый район Китая. 1942-1945. М., 1973; О.Борисов. Советский Союз и Маньчжурская революционная база (1945-1949). М., 1985; А.М.Ледовский. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий 1937-1952 гг. М., 1999; Р.А.Мировицкая. Китайская государственность и советская политика в Китае. Годы Тихоокеанской войны. 1941-1945. М., 1999 и др.

Ли Вл.Ф. Россия и Корея в геополитике евразийского Востока (XX век). Москва: Научная книга, 2000, 516 с.

Не так уж часто издаются у нас книги о Корее, которые могли бы привлечь внимание научной общественности. Тем не менее, новая монография доктора исторических наук Владимира Федоровича Ли заметно отличается от других работ на эту тему.

Книга состоит из трех разделов, которые вполне можно рассматривать как самостоятельные. Первый целиком посвящен теории и методу изучения Востока. Здесь представлены различные аспекты социального и политического развития в постколониальном обществе, в том числе соотношение авторитаризма и демократии, собственных политических традиций и нового опыта. Автор полагает, что для более глубокого понимания логики сложных процессов развития многих государств Азии и достоверного прогнозирования вероятных угроз региональной и глобальной безопасности в регионе необходимо сочетать традиционное востоковедение с различными социологическими теориями. Фактически речь идет о функционировании востоковедческой политологии как самостоятельного направления науки (см. главу "Общее и особенное в социально-политических отношениях на Востоке"). И хотя большинство опубликованных в данном разделе работ были написаны автором в 70-80-е годы, выводы и оценки ситуации в регионе, а также методологические подходы к исследованиям выглядят вполне актуальными и в наши дни.

Во втором разделе Корея и Россия рассматриваются с позиций геополитики евразийского Востока. Это основной раздел книги, где сконцентрированы наиболее актуальные проблемы современной Кореи.

Третий раздел – дает представление об истории и нынешних проблемах корейской эмиграции в России. В этой части книги помещены уникальные исторические материалы, которые ранее не публиковались.

Более детальное ознакомление с работой В.Ф. Ли выявляет некую общую константу этого разнопланового исследования. Смысл ее в том, что Россия и Корея всегда были заинтересованы в обеспе-

чении безопасности в Северо-Восточной Азии, районе, который автор рассматривает не столько как географическое понятие, сколько межцивилизационное, как евразийский Восток.

Собственно, в этом и заключается суть геополитических интересов двух наших стран на протяжении уходящего века, и, как надеется автор, в грядущем столетии. Он убежден, что российско-корейские отношения в начале XXI века составят одну из стержневых геополитических основ обновляющейся структуры многополюсных в своей основе международных отношений в этой части мира. В книге рассматриваются различные варианты такого сотрудничества, в частности, возможности политического и военно-стратегического партнерства России с объединенной Кореей, перспективы интенсификации торгово-экономических, научных и технологических обменов и ряд других проектов.

В книге мы не нашли разъяснений относительно того, какой смысл вкладывает автор в понятие "евразийский Восток", где будет происходить качественное обновление российско-корейских отношений. Насколько мы поняли, речь не идет о намерении изолировать корейскую проблему от интересов невоинственных или неевропейских государств, таких, например, как США. Разумеется, потенциальная угроза межкорейского конфликта для безопасности России или Китая значительно отличается от аналогичной угрозы для безопасности США или Европы. Тем не менее, автор не исключает, что все заинтересованные государства, в том числе Россия и США способны установить более конструктивное взаимодействие в СВА. В частности, конкретные направления такого сотрудничества подробно излагаются в главе пятой "Российско-американский потенциал в невоенном урегулировании в Корее".

Понятие "евразийский Восток" в наше время приобретает совершенно негеографический смысл, когда мы имеем дело с противоречивыми последствиями экономической, политической и культурной глобализации, охватившей практически

все развитые государства региона. Историческое соперничество между традиционализмом и вестернизмом в политической культуре южнокорейского общества временами приобретает довольно острый характер и широко используется для оказания давления на государственные структуры и практическую политику правительства. Аналитики прогнозируют нарастание национализма в Корее, а, следовательно, и усиление внутривнутриполитических противоречий по мере развития межкорейского диалога и сближения Севера и Юга Кореи.

В этом плане представляет интерес анализ автором монографии исторических корней корейского национализма, которые, как он справедливо отмечает, уходят в колониальное прошлое, а также длительное противостояние двух государств на полуострове. Он полагает, что националистическая ограниченность и шовинизм в Корее будут вынуждены уступить свои позиции перед мировыми гуманистическими ценностями. По его мнению, в эпоху глобализации каждая семья, будучи первичной ячейкой человечества, все более ощущает себя одновременно частью и национального и планетарного сообщества. Таким образом, он видит выход из сложившейся ситуации в поддержании оптимального баланса между традиционным национальным наследием и планетарными ценностями.

Вероятно, для южнокорейского общества такая перспектива вполне понятна и приемлема, чего никак нельзя сказать об общественном сознании в Северной Корее, где распространение общечеловеческих ценностей рассматривается прежде всего через призму идеологической диверсии. Однако проблема не только в различном толковании планетарных ценностей (если таковые объективно могут существовать и не быть ценностями какой-то определенной цивилизации).

Дело в том, что, по мнению многих исследователей, основой будущего сближения или объединения Кореи может быть только общекорейская национальная идея. Экономические или политические интересы, задачи военной или экологической безопасности не могут пока претендовать на приоритетную роль в консолидации корейского общества. Остается одно знамя — корейский национализм. Уже первые итоги корейского саммита, состоявшегося в июне 2000г., отчетливо указали на тенденцию к росту национализма

как на Севере, так и на Юге Кореи. Очевидно, что проблема соотношения национальных и глобальных интересов в конкретных условиях Корейского полуострова не столь однозначна, и она, видимо, потребует дальнейшего изучения.

В кратком представлении о содержании книги, помещенном на первых ее страницах, указывается, что автор является сторонником бессрочной нейтрализации двух Кореи и всего полуострова после объединения. В другом месте автор сетует, что изложенная им идея нейтрализации встретила "прохладное" отношение в аудитории российских востоковедов, а также и на международной конференции. Конечно же, можно по-разному реагировать на политические пристрастия автора, но он, по сути дела, затронул одну из центральных проблем предстоящего объединения Кореи, остающейся к тому же довольно неопределенной.

Суть этой проблемы состоит в том, что мы не знаем, каким государством будет единая Корея. Ради чего корейцы по обе стороны 38 параллели на протяжении более полувека прилагают столько сил и энергии? Что они хотят создать в конечном итоге на полуострове? К сожалению, у нас пока нет ясности, чем станет единая Корея для корейцев и их соседей, и готовы ли сами корейцы к перспективе создать нейтральное или, по крайней мере, внеблоковое государство?

В историческом прошлом корейцы не раз обращались к идее нейтрализма, но каждый такой случай имел под собой простое объяснение: слабая армия и ненадежная безопасность. Сегодня Север и Юг обладают достаточно мощными, современными вооруженными силами, которые неплохо справляются с задачами оказания военного и политического давления на потенциального противника. Мы можем наблюдать даже такой феномен, как расширение сферы военных интересов Севера и Юга Кореи далеко за пределы полуострова (запуск северокорейской баллистической ракеты, участие южнокорейских вооруженных сил в миротворческих операциях ООН).

Из тех разъяснений, которые дают южнокорейские ученые, следует, что объектом военных интересов Сеула является не только Северная Корея или угроза растущей военной мощи Китая и Японии, но и Россия. Угрозы со стороны России могут возникнуть для Сеула как в случае усиления военного потенциала на Даль-

нем Востоке, так и в случае возникновения политического хаоса на Дальнем Востоке России. Таким образом, мировое сообщество вынуждено считаться с КНДР и РК как с государствами, обладающими вполне реальными вооруженными силами и военными интересами в регионе.

Насколько готовы Север и Юг Кореи отказаться сегодня от таких реальных и эффективных рычагов влияния? Существует достаточно сомнений на этот счет, что, вполне вероятно, вызывает определенный скептицизм по поводу перспектив нейтрализации Кореи.

Кроме того, здесь еще присутствует внешний аспект. Если говорить о российских интересах, то, бесспорно, было бы

выгодно, чтобы единая Корея не стала враждебным по отношению к России государством или участницей военно-политического альянса с каким-либо третьим государством или базой для размещения иностранных вооруженных сил и оружия массового поражения. Но вряд ли такую позицию разделяют все соседние государства.

В этой связи нельзя не согласиться с рассуждениями автора о том, что всякая новая идея вначале не встречает понимания, но со временем даже скептики, которые еще вчера ее отвергали, завтра скажут: "Прекрасная мысль". Книга В.Ф. Ли как раз и привлекает к себе внимание тем, что в ней есть продуктивные размышления и поучительные выводы.

© 2001

*В. Ткаченко,
кандидат исторических наук.*

Голубев Игорь Сергеевич
(30.04.1930 - 23.08.2000)

Ушел из жизни выдающийся переводчик китайской поэзии на русский язык Голубев Игорь Сергеевич.

После окончания Московского института востоковедения в 1954 г. он работал в Китае переводчиком И.В.Архипова, главного советского экономического советника при правительстве КНР. Одновременно, общаясь с многими представителями рафинированной китайской научной интеллигенции, Игорь Сергеевич приобрел фундаментальные познания в сфере истории китайской литературы. Это обстоятельство определило его жизненный и творческий путь. Он работал редактором в издательствах "Художественная литература", "Детская литература", в журнале "Проблемы Дальнего Востока". Затем, с присущими ему горением и инициативой, яркой фантазией в течение многих лет трудился в Главной редакции радиовещания на Китай.

Для И.С.Голубева было характерно истинное знание Китая, его реалий, истории, культуры, традиций и, что особенно важно - глубин, разнообразия и богатства литературного творчества разных эпох и умение передать это ярко и выразительно для русскоязычного читателя. Главным, что его влекло, всегда оставалось неисчерпаемое богатство, полифония китайской поэзии. Ее образами и ритмами он жил на любом рабочем месте. Игорю Сергеевичу принадлежат переводы многих выдающихся поэтов и писателей древнего и современного Китая. Отдельными сборниками вышли в его переводах стихи таких корифеев китайской поэзии, как Су Ши (Су Дунпо) и Лу Ю. Помимо этих двух классиков, он переводил и многих других поэтов - классиков литературы Китая: Бо Цзюи, Оуян Сю, Хуан Тинцзяня, Ян Ваньли, Фань Чэнда и др. И.С.Голубев перевел стихотворные разделы величайших памятников китайской культуры: У Чэнъэня "Путешествие на Запад", Цао Сюэциня "Сон в Красном тереме", Цзэн Пу "Цветы в море зла", Цянь Цая "Сказание о Юэ Фэе".

Вместе с тем И.Голубев уделял большое внимание современной литературе - им переведены стихи Лу Синя, Мао Цзэдуна, Ай Цина и других поэтов новейшего времени. Ему же принадлежат переводы стихотворных комментариев к рисункам великого художника Сюй Бэйхуна.

Особенность творческой манеры И.С.Голубева - внимание к индивидуальным чертам переводимых авторов и стремление донести до читателя специфику творческого почерка каждого мастера китайской словесности. Тем самым И.С.Голубев внес собственный вклад в отечественную традицию передачи китайских текстов на русский язык.

Игорь Сергеевич не заводил архивы, не трясся над своими рукописями. И, конечно, хотя трудился до последнего дня, не успел завершить работу над пятым сборником своих стихотворных переводов. Говорят: щедрость - родовое свойство талантливого человека. Именно таким - щедрым до беспечности, непрактичным, добрым, безобидным, ранимым, обладателем безупречного дара сопереживания - сохранится он в памяти друзей и коллег-китаеведов, переводчиков, журналистов, любителей и почитателей поэзии Китая, народов Востока.

Ф.Б.Белелюбский

Сотрудники редакции нашего журнала в составе которой И.С.Голубев проработал несколько первых лет после его создания, присоединяются к словам памяти о нем.

Сорокина Татьяна Наумовна
(05.01.1928-30.10.2000)

Скончалась Татьяна Наумовна Сорокина, отдавшая полвека научной, переводческой и преподавательской работе в Китаеведении. Родившись и выросши в Москве, она в 1945 г. с золотой медалью окончила среднюю школу и поступила в Московский институт востоковедения - в то время главную кузницу востоковедных кадров. С отличием окончила переводческую группу китайского отделения, которой руководил знаменитый педагог Б.С.Исаенко. В 1951 г. МГИМО пригласил Т.Н.Сорокину для обучения русскому языку китайских студентов. В 1970 г. она поступила в ИНИОН АН СССР, где работала в секторе Дальнего Востока, выпускавшего реферативный журнал "Китаеведение". Ею написано и отредактировано большое количество научных рефератов и аналитических обзоров китайской и западной китаеведческой литературы, особенно по проблемам культуры и идеологии, опубликован ряд статей в коллективных монографиях и сборниках. Другой областью деятельности Т.Н.Сорокиной был перевод китайской художественной литературы. Ей принадлежат высококачественные переводы произведений таких корифеев, как Лу Синь, Ба Цзинь, Го Можо, Ай У и других мастеров слова. Выйдя в 1990 г. на пенсию, она до конца дней продолжала переводческую и редакторскую работу. Последним ее трудом было редактирование разделов готовящейся ИДВ РАН "Энциклопедии духовной цивилизации Китая".

Татьяна Наумовна неизменно пользовалась уважением и любовью окружающих, была образцом добросовестности, трудолюбия, скромности и доброжелательности. Память о ней сохранится в сердцах друзей, коллег и учеников.

*Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.*

Сдано в набор 20.12.2000 г. Подписано к печати 15.01.2001 г. Формат бумаги 70x100 $\frac{1}{8}$
Офсетная печать. Усл.печ.л. 15,6. Усл. кр.-отг. 304 тыс. Уч.-изд.л. 14,6 Бум. л. 6,0
Тираж 1922 экз. Зак. 4316.

Свидетельство о регистрации № 0110158 от 4 февраля 1993 года
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока

Адрес издателя: 117864, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32, тел. 124-09-02

Оригинал-макет © 2001 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6